

801-01
1123-X

ВОЙНА
ВЪ
МАЛОЙ АЗИИ

ВЪ 1877 ГОДУ

ОЧЕРКИ ОЧЕВИДЦА

Г. К. ГРАДОВСКАГО

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАНШЕЛЯ

Стремянная, № 12

1878

ВОЙНА

ВЪ

МАЛОЙ АЗИИ

ВЪ 1877 году

ОЧЕРКИ ОЧЕВИДЦА

Г. К. ГРАДОВСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ГИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАНШЕЛЯ
Стремянная, № 12

1878

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Первая глава. По дорогѣ	1
Вторая глава. На непріятельской землѣ	19
Третья глава. Первый день въ лагерѣ	29
Четвертая глава. Военно-полевые управленія	43
Пятая глава. Положеніе дѣлъ въ серединѣ мая	56
Шестая глава. Около Карса	64
Седьмая глава. Саганлугская экспедиція	79
Восьмая глава. Поѣздка въ Александрополь	149
Девятая глава. Рекогносцировка 16-го іюля	167
Десятая глава. На стоянкѣ противъ Алабжидага	181
Одиннадцатая глава. Столица Арменіи	195
Двѣнадцатая глава. Диверсія 6-го августа	203
Тринадцатая глава. Бой 13-го августа	215
Четырнадцатая глава. Тревога 1-го сентября	234
Пятнадцатая глава. По возвращеніи съ театра войны	242
Шестнадцатая глава. Разгромъ арміи Мухтара-паши	252

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

П о д о р о г ъ.

Владикавказъ.—Ростово-Владикавказская желѣзная дорога.—Эльборусъ.—
Врата Кавказа.—Возстаніе въ горахъ.—На перевалѣ.—Военно-грузинская
дорога.—Въ Тифлисѣ.—Взятіе Ардагана.—Смерть генерала Челокаева.—
Красный крестъ.

I.

Владикавказъ, 4-го мая.

Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ я во Владикавказѣ, въ ожиданіи отхода дилижанса. Передъ окномъ моимъ высются бѣлоснѣжныя вершины кавказскихъ горъ. Не прибѣгая къ биноклю, я могу любоваться ихъ причудливыми очертаніями, слѣдить за пробѣгающимъ мимо облакомъ; громадная отвѣсная скала, въ разсѣлинахъ которой ясно виднѣется не успѣвшій еще растаять снѣгъ, величественно подымается надъ самымъ городомъ, какъ бы ежеминутно грозя раздавить его подъ своими обломками, но до горы этой не менѣе пяти верстъ. Сумерки быстро склоняются къ ночи; на бульварѣ толпится разношерстный людъ: еврейская шляпка рука-объ-руку съ армянскимъ или татарскимъ уборомъ; брошенное на лету французское слово перебивается неудержимымъ потокомъ гор-танной, горской рѣчи; двухолесная арба пылитъ и невыносимо скрипитъ рядомъ съ извозщицей коляской на лежащихъ рессорахъ; офицеры въ бѣлыхъ фуражкахъ смѣняются

азиатцами въ туго-перетянутыхъ черкесскихъ и кудрявыхъ папахъ. Всѣ спѣшатъ на улицу послѣ знойнаго дня; въ воздухѣ тихо и душно, молодой мѣсяцъ на ярко голубомъ небѣ замѣняетъ кое какъ фонари, а среди вершинъ и ущелій горъ играетъ молнія и изрѣдка слышатся глухіе перебаты отдаленнаго грома.

Все это такъ странно и ново, что не знаешь какъ справиться съ массою неожиданныхъ впечатлѣній, нахлынувшихъ въ четыре дня, со времени выѣзда изъ Петербурга. Съ помощью записной книжки, мысленно пробѣгаю эти четыре дня и увѣряюсь, что я не во снѣ, что передо мною не фантастическая картина изъ балета Петипа, что на глазахъ у меня не декорации Шишкина или махинаціи Роллера, а дѣйствительныя горы и непереодѣтые черкесы, что это настоящая, еще мало извѣданная кавказская жизнь, въ которую навязчивымъ гостемъ вторглись отпрыски европейской цивилизаціи на выносливыхъ плечахъ русскаго солдата.

За Ростовомъ желѣзная дорога тянется по безпредѣльной степи, гдѣ только изрѣдка попадаются на глаза станицы. Самыя постройки желѣзной дороги здѣсь очень характерны. Въ нихъ замѣчается полнѣйшая экономія въ деревѣ; зданія и сторожевыя будки каменные или изъ земляного кирпича; платформы устроены очень низко и также изъ камня, въ видѣ мостовой. Я проснулся около трехъ часовъ ночи, не желая пропустить перваго момента появленія на горизонтѣ кавказскихъ горъ. Это удовольствіе выпало на мою долю только на станціи Невинномыской. Долго высматривалъ я напрасно изъ открытаго окна вагона.

Наконецъ, одинъ пассажиръ, изъ мѣстныхъ, догадался въ чемъ дѣло и сжалился надо мною.

— Вотъ, смотрите на эти облака, сказалъ онъ. — Если у васъ хорошее зрѣніе, вы замѣтите между ними ярко-бѣлую, неподвижную шапку, въ видѣ конуса... Это и есть Эльбурсъ.

Я замѣтилъ, по долго сомнѣвался, гора-ли это, или облако. До Эльбурса, по прямому направленію, было не менѣе 200 верстъ!.. Вотъ поѣздъ покатилъ мимо отдѣльныхъ горъ,

внѣзапно показавшихся, въ видѣ сѣрыхъ пятенъ, сквозь утренній туманъ. Въ нашей равнинѣ онѣ считались бы гигантами, но это пигмеи, сравнительно съ Эльбурсомъ. На четверть часа останавливаемся мы у станціи „Минеральныя воды“, гдѣ высаживаются лица, отправляющіяся въ Пятигорскъ — полечиться или поиграть въ карты. Но мнѣ нельзя заглянуть въ этотъ интересный уголокъ, съ его знаменитыми источниками; я спѣшу далѣе, мнѣ хочется поскорѣе углубиться въ ущелья и возвышенности главнаго кавказскаго хребта. Вотъ я стою на платформѣ вагона и жадно вглядываюсь въ синѣющую даль. По сторонамъ мелькаютъ аулы бывшихъ жильцевъ этихъ горъ. Въ поляхъ виднѣются многочисленныя стада. Имъ вдоволь травы, степей много, есть гдѣ разгуляться на свободѣ. У каждой сторожевой будки стоитъ вооруженная стража. Она охраняетъ дорогу, такъ какъ въ горахъ неблагополучно. Горцы возстали и слухи, болѣе или менѣе преувеличенные, слышатся объ этомъ всю дорогу. Но здѣсь все тихо. Изрѣдка, изъ-за сосѣдняго холма покажется черкесъ на прекрасной, тонкой и гибкой лошаdkѣ. Живописно драпируясь въ свою бурку, татаринъ пускаетъ во всю прыть своего коня, собираясь держаться на уровнѣ поѣзда; но какъ ни тихо ползетъ поѣздъ владикавказской желѣзной дороги, не долго лошадь можетъ состязаться съ паромъ. Пріятно видѣть это величайшее изобрѣтеніе человѣческаго ума въ этой дикой, первобытной природѣ.

Вдругъ, темная полоса протянулась на отдаленномъ горизонтѣ. Вотъ подступаетъ она все ближе и ближе и глазъ различаетъ уже неровности небольшого горнаго кряжа. Мы пересѣкаемъ этотъ кряжъ по живописному ущелью, обѣ стороны котораго густо покрыты лѣсомъ. Далеко распусая свой длинный хвостъ, гремя и пыхтя, вылетаетъ поѣздъ изъ противоположнаго ущелья и передъ нами растилается зеленѣющимъ ковромъ роскошная долина Терека, бурно скатившаяся съ главнаго кавказскаго хребта и болѣе спокойно протекающаго здѣсь, между низменными берегами; на этихъ берегахъ, то тамъ, то сямъ, гнѣздятся деревни, а далѣе,

у подножія высокихъ горъ, окаймляющихъ горизонтъ, проторно раскинулся самъ владыка Кавказа—Владикавказъ. Мы проѣхали ущелье, служащее какъ бы воротами Кавказа.

II.

Станція Пасанауръ, 8-го мая.

Какъ только переѣхалъ я кавказскую грань, меня встрѣчали разнорѣчивые слухи по поводу возстанія въ Чечнѣ. Только въ Владикавказѣ мнѣ удалось получить нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету.

Главою возстанія называютъ нѣкоего Али-бека. Онъ былъ въ Меккѣ, погостилъ у сына Шамиля въ Константинополь и вернулся домой вліятельнымъ человѣкомъ. Распространилась молва, что въ горахъ найденъ „священный мечъ“, посланный Аллахомъ для истребленія глуровъ, и что этотъ мечъ находится въ рукахъ Али-бека. вмѣстѣ съ тѣмъ, говорили, что Али-беку суждено только начать святое дѣло, а окончить его придетъ *никто* изъ Константинополя. Имя этого „никто“ не произносилось, но всѣ знали, что тутъ слѣдуетъ подразумевать сына Шамиля, Кази-Магому, который, живя въ Константинополь, получалъ щедрую пенсію изъ русской казны.

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, въ двухъ родственныхъ Али-беку аулахъ, Бенои и Зандаки, вспыхнуло возстаніе. Конныя и пѣшія толпы горцевъ, подъ предводительствомъ Али-бека, стали обходить сосѣдніе аулы и, какъ снѣжная лавина, возростая по мѣрѣ движенія, вторглись въ Чечню, рассчитывая поднять все населеніе. Число возставшихъ опредѣляютъ различно; ихъ было не менѣе двухъ и не болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Горцамъ не удалось застигнуть Чечню врасплохъ. Благодаря лазутчикамъ, въ Грозномъ, а потомъ во Владикавказѣ и Тифлисѣ, во-время узнали о вспыхнувшемъ возстаніи и немедленно приняты были всѣ мѣры для подавленія его въ самомъ началѣ.

Первое столкновеніе произошло въ Маертупѣ, который горцы безпрепятственно заняли, рассчитывая набрать въ немъ новыхъ сподвижниковъ. Высланный противъ нихъ батальонъ

и нѣсколько десятковъ казаковъ встрѣтили упорное сопротивленіе. Горцы выставили цѣпь застрѣльщиковъ и вообще обнаружили довольно правильное пониманіе военного строя. Завязавшаяся перестрѣлка не причинила, однако, никакого вреда наступавшимъ войскамъ. Наши роты могли стрѣлять съ дальнихъ разстояній и непрерывно, тогда какъ горцы, за весьма немногими исключеніями, вооружены были старыми кремневыми винтовками. Къ довершенію неравенства оружія, пошолъ дождь, сдѣлавшій невозможнымъ стрѣльбу изъ горскихъ винтовокъ. Наши роты, опустошая ряды горцевъ, безъ потерь прогнали возставшихъ изъ Маертупа. Къ сожалѣнію, во время отступленія, часть горцевъ, высланная въ тылъ нашему отряду, успѣла, пользуясь мѣстностью, незамѣтно прокрасться къ вагенбургу. Здѣсь-то и произошла рукопашная схватка, стоившая намъ трехъ или четырехъ убитыми и до одиннадцати ранеными.

Изгнанные изъ Маертупа горцы двинулись въ аулъ Шали, рассчитывая поднять шалинцевъ. Аулъ Шали играетъ важную роль во всей Чечнѣ. Шалинцы пользуются большимъ авторитетомъ и являются какъ бы родоначальниками и представителями чеченцевъ. Горцы не безъ основанія рассчитывали, что еслибъ шалинцы возстали, поднялась бы вся Чечня, а за нею, пожалуй, и Дагестанъ. И что же? Шалинцы не только не возстали, но мѣстному начальству (въ округѣ начальникомъ князь Эристовъ) удалось даже склонить ихъ дѣйствовать противъ горцевъ совмѣстно съ нашими войсками. Подъ предводительствомъ полковника Нурида, шалинцы встрѣтили выстрѣлами горцевъ и не впустили ихъ въ свой аулъ. Обстоятельство это считается здѣсь очень важнымъ. Конечно, и безъ помощи шалинцевъ войска наши могли справиться съ горцами; но, по мнѣнію многихъ, содѣйствіе ихъ не только положило конецъ развитію возстанія, лишило его нравственной опоры, но создало неодолимое препятствіе къ подобнымъ вспышкамъ и на будущее время. Между горцами еще въ полной силѣ господствуетъ кровная месть; возставшіе горцы

долго не забудутъ пролитую шалинцами кровь, а единомыслие между ними уже невозможно *).

Въ этихъ двухъ стычкахъ возставшіе горцы потеряли очень много—говорятъ, нѣсколько сотъ человѣкъ убитыми и ранеными; но такое число тѣхъ и другихъ трудно опредѣлить, такъ какъ горцы, по старому обычаю, постарались увезти большую часть своихъ раненыхъ и даже мертвыхъ тѣлъ. Въ числѣ убитыхъ называютъ, между прочимъ, брата Али-бека; самъ же онъ успѣлъ спастись. Послѣ шалинскаго дѣла, совершенно разстроенныя толпы возставшихъ удалились въ свои горы. Чтобъ окончательно возстановить порядокъ и наказать виновныхъ, снаряженъ особый отрядъ, двинувшійся въ горы. Начальникъ Терской области, генералъ Свистуновъ, сколько извѣстно, самъ двинулся во главѣ этого отряда; по крайней мѣрѣ, во время моего проѣзда черезъ Владикавказъ, генералъ Свистуновъ находился въ Грозномъ. Вѣстѣ съ тѣмъ, въ горы посланы пользующіяся особымъ уваженіемъ лица изъ мѣстнаго населенія, чтобъ пригласить возставшихъ добровольно положить оружіе и выдать зачинщиковъ.

Строки эти я пишу съ южной уже стороны Кавказскаго хребта. Въ Петербургѣ знакомы съ военнотерской дорожкой только по Пушкину и Лермонтоу, да и тѣхъ многіе, вѣроятно, успѣли уже забыть. Въ послѣдніе годы, почти вся Россія сообщалась съ Кавказомъ или черезъ Потю, кому нужно было въ Тифлисъ и вообще въ Закавказье, или черезъ Астрахань и Каспійское море, кто ѣхалъ въ Восточный Кавказъ. Такимъ образомъ, военнотерская дорога служила только для мѣстнаго сообщенія и для прямыхъ сношеній между Владикавказомъ и Тифлисомъ. Объявленіе войны и прекращеніе навигаціи на Черномъ морѣ сразу измѣнили все дѣло. Военнотерская дорога обратилась въ важнѣйшій путь, получившій государственное значеніе.

*) Извѣстно, что расчеты эти впоследствии не оправдались, возстаніе все болѣе и болѣе разражалось на Кавказѣ, особенно во время временныхъ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ турками.

Въ виду такого значенія военнотерской дороги, нынѣшнее ея состояніе особенно важно. Я не коснусь тѣхъ красотъ природы, которыя на каждомъ шагу представляются путешественнику; я не буду описывать эти дикія, отвѣсныя громады, висящія надъ головою, въ то время, когда далеко внизу, въ круто спускающейся пропасти, реветъ, какъ бѣшеный, кипитъ и бурлитъ, разнося брызги по сторонамъ, неистовый Терекъ „съ косматою гривой на спинѣ“; не попытаюсь дать хотя легкій очеркъ этихъ величественныхъ ущелій, которыя на южномъ спускѣ хребта, ниже снѣговой линіи, пріятно ласкаютъ вашъ взоръ свѣжею зеленью густыхъ лѣсовъ и травы—ущелій, на крутыхъ отлогостяхъ которыхъ гнѣздятся едва замѣтныя сакли, пасутся стада и чернѣтъ, рѣдкими пятнами, воздѣланная рукою человѣка земля, тогда какъ вы недоумѣваете, возможно ли даже взобраться на эти высоты; не стану передавать и тѣхъ впечатлѣній, которыя испытываете, когда, взобравшись на высоту семи или восьми тысячъ футовъ, вы видите передъ собою конусообразный гигантъ—Казбекъ, съ бѣлоснѣжною шапкою на головѣ, весь облитый золотистыми лучами утренняго солнца, тогда какъ вокругъ васъ все еще угрюмо и темно. Для подобныхъ описаній теперь не время; въ виду войны, гораздо интереснѣе знать, насколько удобенъ проѣздъ по военнотерской дорогѣ.

Вообще говоря, дорога эта можетъ служить лучшимъ развителемъ тѣхъ поразительныхъ результатовъ, которыхъ можетъ достигнуть умъ, упорный трудъ и настойчивость человѣка. По скаламъ и обрывамъ, на высочайшій горный хребетъ вы можете взобраться и спуститься съ него въ каретѣ на лежащихъ рессорахъ, удобно влекомой крупною рысью спокойно бѣгущихъ лошадей. Большею частью, прекрасно устроенное шоссе пролегаетъ у самаго берега Терека или Арагвы, а на подъемѣ оно извивается, въ видѣ едва примѣтнаго издана карниза, по отвѣснымъ склонамъ горъ. Чтобъ дать понятіе о крутизнѣ этихъ горъ и удобствахъ шоссе, черезъ нихъ пролегающаго, приведу слѣдующій обра-

щикъ. Станція Гудауръ находится на вершинѣ одной изъ такихъ горъ, а слѣдующая станція Млеты — у подошвы ея; со многихъ точекъ вы видите ее, далеко внизу, точно подъ ногами, но чтобъ добраться изъ Гудаура въ Млеты нужно слѣлать 15 верстъ, и все время вы не измѣняете скорой рыси...

По настоящее время военнотруннская дорога находится не въ особенно удовлетворительномъ состояніи. Не говоря уже о тѣхъ препятствіяхъ, которыя всегда встрѣчаются во время таянія снѣговъ, лежащихъ на вершинахъ горъ, когда образуются новыя горныя рѣки, стремглавъ падающія въ Терекъ или Арагву, унося съ собою мосты и размывая шоссе, — нужно замѣтить, что нынѣшній годъ, какъ нарочно, стличался на Кавказскомъ хребтѣ небывалыми обвалами, снѣжными и земляными. Старожилы не запомнятъ такой снѣжной зимы, какъ нынѣшняя. Въ газетахъ было уже въ свое время сообщено о страшномъ обвалѣ, завалившемъ военнотруннскую дорогу на самомъ перевалѣ черезъ хребетъ; но въ Россіи не имѣютъ понятія, что такое обвалъ, тѣмъ болѣе нынѣшній, представляющій исключительное явленіе даже для кавказцевъ. У насъ многіе забыли и думать о немъ, тогда какъ онъ и до настоящаго времени заваливаетъ военнотруннскую дорогу между станціями Коби и Гудауромъ. Этотъ громадный снѣжный обвалъ прервалъ было сообщеніе съ Закавказьемъ на одинъ или полтора мѣсяца. Теперь проѣздъ совершается безостановочно, но между названными станціями можно проѣхать только на перекладной. Почти весь этотъ переѣздъ совершается черезъ ущелье наваленнаго по сторонамъ и еще твердаго снѣга. Здѣсь непрерывно, уже нѣсколько мѣсяцевъ, работаетъ не менѣе 500 человекъ, съ повязками надъ глазами, такъ какъ ослѣпительная бѣлизна снѣга поражаетъ зрѣніе. Имъ удалось уже открыть шоссе на всемъ пространствѣ завала, но въ главномъ мѣстѣ, когда я проѣзжалъ, пришлось переправляться еще по вершинѣ обвала, а до полотна отрываеваемой дороги оставалось сажень 10 или 12. Можете судить о величинѣ снѣжной массы, низри-

нувшейся, въ нынѣшнемъ году, съ горныхъ вершинъ. Эта масса снѣга, при своемъ паденіи, увлекаетъ съ собою цѣлыя скалы, вырываетъ съ корнемъ деревья и обращаетъ въ щепки все, что ни попадется на ея пути. Страшный гулъ обвала слышенъ за нѣсколько верстъ.

Движеніе, въ настоящее время, громадное, тогда какъ число лошадей на станціяхъ осталось прежнее или увеличено незначительно. Если такъ продолжится, то и существующіе теперь лошади скоро выбьются изъ силъ. Казалось, на это слѣдовало бы обратить вниманіе, чтобъ съ сообщеніемъ по военнотруннской дорогѣ не повторилась исторія крымскихъ сообщеній во время войны 1853—1856 годовъ.

III.

Тифлисъ, 12-го мая.

Еще подѣзжая къ Тифлису, я встрѣтилъ радостную вѣсть о взятіи Ардагана. Я засталъ, поэтому, столицу Кавказа въ ликованіи. Наканунѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и городъ огласился салютационною пальбою. Повсюду, только и толковъ было, что объ Ардаганѣ, объ удачномъ штурмѣ, о трофеяхъ, о бѣгствѣ турокъ. Спѣшите, говорили мнѣ: черезъ нѣсколько дней будетъ взятъ и Карсъ.

Но спѣшить я не могъ. Я желалъ представиться гѣнштабному главнокомандующему; мнѣ нужно было запастись отъ штаба пропускомъ на свободный проѣздъ въ армію, исполнить разныя формальности и, наконецъ, снярядиться по походному. Да и нечего было спѣшить. Между взятіемъ Ардагана и другимъ серьезнымъ дѣломъ, будутъ ли то дѣйствія противъ Карса или движеніе на Эрзерумъ, естественно должны пройти извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени. Въ день моего пріѣзда въ Тифлисъ, о паденіи Ардагана имѣлись еще очень шаткія свѣдѣнія. Съ первымъ донесеніемъ объ этомъ славномъ дѣлѣ, немедленно послѣ штурма, былъ отправленъ въ Тифлисъ адъютантъ великаго князя, Корсаковъ. Бывшій участникомъ этого дѣла,

г. Корсаковъ лихо исполнилъ возложенное на него порученіе. На перемѣнныхъ казацкихъ лошадяхъ онъ проскакалъ всю ночь до Ахалкалахи, гдѣ начинался уже телеграфъ. Пославъ депешу великому князю, полученную здѣсь около двухъ часовъ ночи, г. Корсаковъ, на другой день, послѣ обѣдни, находился уже въ Тифлисѣ. Августѣйшій главнокомандующій производилъ смотръ грузинской конной милиціи, отправлявшейся на театръ войны, когда прискакалъ радостный вѣстникъ. Можно себѣ представить, какъ было эффектно такое появленіе курьера и какое громогласное „ура“ раздалось, когда великій князь, выслушавъ донесеніе, поздравилъ только что осматрѣнный войска съ побѣдою.

Укрѣпленный городъ Ардаганъ имѣетъ очень важное стратегическое значеніе и игралъ роль во всѣхъ войнахъ нашихъ съ Турціей. Онъ находится на средоточіи путей, идущихъ отъ нашей границы и отъ Батума къ Карсу и къ Саганлугскому хребту, на Ольты. Занять Ардаганъ значитъ пресѣчь сообщенія непріятеля между сѣвѣрною его арміею, опирающейся на Батумъ и флотъ, и арміею анатолійскою, базисомъ которой служитъ Карсъ. Занятіе Ардагана обезпечиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, тылъ нашей арміи, при движеніи ея впередъ, отъ покушеній непріятеля со стороны Батума. Поэтому, взятіе Ардагана предшествовало и въ 1828, и въ 1855 годахъ военнымъ операціямъ нашимъ противъ Карса. Въ послѣднюю войну, Ардаганъ, по оплошности турокъ, не представилъ никакой серьезной преграды нашимъ войскамъ, состоявшимъ тогда подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева. Старья его укрѣпленія едва держались и турки рассчитывали отстоять его при помощи на-скоро собранныхъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, милиціонеровъ. Военныя дѣйствія противъ турокъ начались въ 1855 году только 24-го мая. Отрядъ же, дѣйствовавшій со стороны Ахалцыха, подъ начальствомъ Ковалевскаго, выступилъ противъ Ардагана только 27-го мая, а 30-го былъ уже въ этомъ городѣ, который былъ занятъ безъ боя, такъ какъ находившіяся въ немъ войска, подъ начальствомъ Аслана-паши, успѣли удалиться въ Ольту.

Въ нынѣшнюю войну, Ардаганъ явился совсѣмъ въ другомъ видѣ. При помощи и по настоянію англичанъ, турки возвели на всѣхъ высотахъ, окружающихъ городъ, сильныя укрѣпленія, которыя вооружены были новѣйшими орудіями крупнаго калибра. Гарнизонъ крѣпости простирался отъ 8,000 до 10,000 человекъ, имѣвшихъ прекрасныя скорострѣльныя ружья. Артиллерійскихъ снарядовъ, ружейныхъ патроновъ, пороха и всякихъ военныхъ припасовъ заготовлено было въ изобиліи. Ардаганъ представлялъ, такимъ образомъ, серьезное препятствіе на пути нашихъ войскъ, и все это благодаря нашимъ христіаннѣйшимъ и гуманнѣйшимъ друзьямъ-англичанамъ. Нельзя не возмущаться тѣмъ содѣйствіемъ, которое „дружественная“ Англія оказываетъ туркамъ, вопреки торжественно объявленному нейтралитету!

Рекогносцировка ардаганскихъ укрѣпленій, произведенная ахалцыхскимъ отрядомъ, показала всю силу ихъ. Правильная осада могла надолго задержать войска генерала Девеля у этой крѣпости; для болѣе же рѣшительныхъ дѣйствій было сосредоточить у Ардагана болѣе сильный отрядъ, нежели ахалцыхскій. Поэтому, командующій корпусомъ, дѣйствующимъ въ Малой Азіи, рѣшилъ отдѣлить отъ александропольскаго отряда часть войскъ и, подъ начальствомъ генерала Геймана, направить ихъ также къ Ардагану съ южной стороны. Туда же выѣхалъ и самъ командующій корпусомъ, генералъ-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, изъ своей главной квартиры у Займа (въ 20-ти верстахъ отъ Карса), чтобы, по прибытіи къ Ардагану, принять общее руководство надъ дѣйствіями сосредоточенныхъ подъ его стѣнами отрядовъ.

2-го мая произведена была снова рекогносцировка ардаганскихъ укрѣпленій. Особенно сильнымъ оказался фортъ „Рамазанъ“, возведенный на сѣвѣрной сторонѣ и командующій всѣмъ городомъ. Пунктами нападенія избраны были, поэтому, укрѣпленія восточной и южной стороны. 4-го мая были сбиты артиллерійскимъ огнемъ и заняты нашими войсками передовыя, Гелявердинскія высоты. Ночь и слѣдующій день, до трехъ

часовъ пополудни, проведены были въ сооружеіи батарей, которыя назначены были для дѣйствія противъ непріятельскихъ фортовъ. Въ три часа дня загремѣла канонада съ нашихъ батарей. Хотя пушки наши были не особенно крупнаго калибра и состояли изъ обыкновенныхъ полевыхъ орудій, но дѣйствіе артиллерійскаго огня было разрушительно. Это слѣдуетъ приписать мѣткости стрѣльбы и хорошему качеству снарядовъ, тогда какъ турецкія гранаты не всегда разрываются. Черезъ три часа, огонь турецкихъ укрѣпленій сталъ замѣтно ослабѣвать. Впослѣдствіи обнаружилось, что два раза вся артиллерійская прислуга на турецкихъ укрѣпленіяхъ была перебита. Этотъ моментъ избранъ былъ для штурма. Штурмовыя колонны поручены были общему начальству генерала Геймана, начальника пѣхоты въ корпусѣ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова. Г. Гейманъ пользуется здѣсь славой самаго безстрашнаго человѣка, который не знаетъ, что значитъ отступать, и не признаетъ препятствій. Про его дѣйствія во время покоренія Западнаго Кавказа рассказываютъ чудеса. Говорятъ, онъ нѣсколько грубъ въ обращеніи и страшно ругается, но очень любимъ войсками.

Въ шесть часовъ пополудни войска двинулись на штурмъ. Впереди шла цѣпь застрѣльщиковъ, по мѣрѣ возможности черестрѣливавшаяся съ непріателемъ, который палилъ залпами по наступающимъ войскамъ. Штурмовыя колонны шли мѣрнымъ шагомъ, съ распущенными знаменами и музыкою. Впереди ѣхали начальники частей и во главѣ ихъ генераль Гейманъ. Сзади казакъ, по кавказскому обычаю, везъ значокъ генерала. Значокъ этотъ указывалъ нашимъ войскамъ, гдѣ находился ихъ храбрый начальникъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ давалъ знать и непріятелю, куда преимущественно должны сосредоточиваться его выстрѣлы. Это своего рода щегольство въ военномъ дѣлѣ.

Движеніе штурмовыхъ колоннъ, которымъ предстояло пройти отъ полуторы до двухъ верстъ, поддерживалось усиленнымъ огнемъ нашихъ батарей; но, наконецъ, войска вступили въ пространство, поражаемое нашими выстрѣлами. Батареи вы-

нуждены были прекратить огонь. Это былъ самый критическій и величественный моментъ боя. Ничто уже не отвлекало вниманія непріятеля отъ наступавшихъ колоннъ и онъ могъ поражать ихъ губительнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ съ самыхъ близкихъ разстояній. Въ этотъ моментъ генераль Гейманъ командовалъ войскамъ остановиться, какъ бы для того, чтобъ напомнить имъ обязанность безъ страха смотрѣть въ глаза смерти. Но черезъ нѣсколько минутъ раздался сигналъ, снова загремѣла музыка и штурмовыя колонны возобновили свое стройное движеніе.

Не выдержали турки такого мужественнаго наступленія. Въ то самое время, когда наши войска готовились встрѣтить губительный картечный огонь и самые учащенные ружейные залпы, непріятеля объялъ паническій страхъ, и онъ обратился въ беспорядочное бѣгство по направленію къ городу. Штурмующимъ оставалось только преслѣдовать бѣгущаго, сначала на укрѣпленіяхъ, а потомъ и въ городѣ. Было уже темно, когда побѣдители завладѣли городомъ. Приходилось обезоруживать турокъ и выбивать изъ зданій отдѣльныя кучки пораженнаго непріятеля. Въ это время къ войскамъ подѣхалъ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ и поздравилъ удалцевъ съ побѣдою. Ардаганъ былъ во власти русскихъ. Оглушительное „ура“ пронеслось по рядамъ торжествующихъ солдатъ, и этотъ кликъ побѣды долетѣлъ до сѣверныхъ укрѣпленій, которыя оставались еще во власти непріятеля. Взятіе ихъ, за наступленіемъ ночи, было отложено до утра, но на другой день обнаружилось, что и пресловутый „Рамазанъ“, и другія укрѣпленія были пусты. Турки не отступили, а просто бѣжали въ паническомъ страхѣ.

До сихъ поръ еще не приведены въ точную извѣстность потери непріятеля и наши трофеи. Да и вообще подробное донесеніе о взятіи Ардагана еще здѣсь не опубликовано. Все, что рассказано мною, я знаю или отъ участниковъ боя, или изъ свѣдѣній, неофициально полученныхъ отъ здѣшняго штаба. Тѣмъ не менѣе, можно считать достовѣрнымъ, что ардаганскій гарнизонъ уже не существуетъ въ настоящее время

Однихъ тѣлъ непріятельскихъ подобрано и погребено не меньше 1,700; въ числѣ убитыхъ находится бывший начальникъ турецкаго штаба въ Ардаганѣ. Въ плѣнъ взято нѣсколько сотъ и, между прочимъ, какой-то паша. Остальная часть гарнизона или переранена, или разбѣжалась, побросавъ оружіе. Такъ какъ въ гарнизонѣ находилось значительное число солдатъ изъ мѣстнаго населенія, то они очень охотно разбѣжались по своимъ домамъ и теперь турецкое начальство никакимъ калачемъ не заманить ихъ на службу, тѣмъ болѣе, что вся окружная мѣстность уже занята нами и въ ней введено гражданское управленіе.

На укрѣпленіяхъ Ардагана и въ его арсеналахъ захвачено до ста орудій, изъ которыхъ значительная часть крупновскихъ. Спасибо Круппу! Нѣкоторыя изъ его орудій, по всей вѣроятности, пригодятся намъ подъ Карсомъ и Эрзерумомъ. Побѣдителямъ досталось также множество ружей, артиллерійскихъ снарядовъ и ружейныхъ патроновъ. О размѣрахъ турецкихъ заготовокъ можно уже судить изъ того, что на убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ солдатахъ находили двойной комплектъ патроновъ; независимо того, цѣлые ящики съ патронами стояли раскрытыми на укрѣпленіяхъ: только бери да стрѣлай.

Но никакія пушки и ружья, какое число патроновъ не помогутъ, если въ войскѣ нѣтъ сознанія правоты своего дѣла и того духа, который создаетъ побѣды. Одинъ видъ безстрашно наступавшихъ нашихъ войскъ обезоружилъ турокъ. Замѣчательно, что на нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ находили, говорятъ, турецкихъ солдатъ привязанными къ орудіямъ. Это объясняется страшнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, которой, безспорно, принадлежитъ видная роль въ успѣшномъ исходѣ штурма. Когда два комплекта турецкихъ артиллеристовъ были перебиты, прочіе уже неохотно оставались у орудій. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется и причина небольшой, сравнительно, потери, понесенной нашими войсками въ этомъ славномъ дѣлѣ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, у насъ выбыло въ этотъ день изъ строя, убитыми и ранеными, девять штаб-и оберъ-офицеровъ и 385 нижнихъ чиновъ.

Передаютъ много отдѣльныхъ эпизодовъ отваги нашихъ солдатъ. Въ числѣ первыхъ, вскочившихъ въ непріятельскія укрѣпленія, былъ новобранецъ изъ призыва нынѣшняго года. Находясь въ цѣпи, онъ, будто бы, выбѣжалъ впередъ и крикнулъ:

— Смотри, ребята, какъ я турку въ самый ротъ попаду! и съ этими словами онъ выстрѣлилъ и побѣжалъ на укрѣпленіе.

Отъ него, конечно, не отстали и другіе. По слухамъ, этотъ солдатъ, немедленно послѣ штурма, былъ представленъ командующему корпусомъ, и генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ не замедлилъ наградить удалца георгіевскимъ крестомъ. Отъ передачи другихъ разсказовъ воздерживаюсь, такъ какъ скоро надѣюсь быть личнымъ свидѣтелемъ подобныхъ подвиговъ, когда ихъ можно будетъ описывать уже не по слухамъ, болѣе или менѣе отдаляющимся отъ истины.

Во вторникъ, 10-го мая, отправился отсюда въ Александрополь обозъ и часть конвоя главной квартиры. Рано утромъ былъ отслуженъ по этому случаю молебенъ, на которомъ присутствовали великій князь намѣстникъ и великая княгиня Ольга Ѳеодоровна. День отъѣзда августѣйшаго главнокомандующаго еще не назначенъ, но разсчитываютъ, что онъ состоится не позже, какъ черезъ недѣлю. Очень вѣроятно, что выѣздъ этотъ задерживается военными событіями на черноморской прибрежной полосѣ Кавказа. Здѣсь что-то не совсемъ благополучно. Благодаря поддержкѣ флота, турки успѣли разрушить и сжечь Сухумъ-Кале и высадить десантъ. Такой же десантъ сдѣланъ ими у Адлера. Большая часть десанта состоитъ изъ знаменитыхъ башибузуковъ, которые принадлежатъ къ выселившимся изъ Кавказа въ Турцію горцамъ. Они являются, такимъ образомъ, здѣсь на своей родинѣ, отлично зная мѣстность и разсчитывая на гостепріимство абхазцевъ. Разсчеты эти, повидимому, оправдались, такъ какъ, судя по здѣшнимъ толкамъ, нѣкоторая часть абхазцевъ перешла на сторону непріятеля и противъ нихъ дѣйствуютъ уже наши войска. Безъ сомнѣнія, серьезнаго значенія ни эта

высадка, ни возстаніе абхазцевъ имѣть не могутъ. Они не въ состояніи отдалиться отъ берега и выйти изъ-подъ покровительства огня флота.

IV.

Тифлисъ, 14-го мая.

Всей Россіи извѣстно, конечно, о смерти свиты Его Величества генерала-майора князя Челокаева отъ раны, полученной подъ Карсомъ. Сегодня здѣсь назначена панихида по покойномъ. Въ Тифлисъ всѣ оплакиваютъ кончину князя Челокаева. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ, не только какъ способный и усердный офицеръ, но и какъ человекъ. Покойный князь Челокаевъ извѣстенъ и въ Петербургѣ, такъ какъ командовалъ нѣкоторое время собственнымъ конвоемъ Его Величества. Въ Тифлисъ находится семья князя—двѣ молодыя дочери и сестра; жена же покойнаго уже давно отправилась въ Александрополь, думая пробраться въ Завмъ и ухаживать за мужемъ во время его болѣзни. Бѣдная, не застала уже его въ живыхъ! Первая крупная жертва нынѣшней войны принесена...

Князь Челокаевъ получилъ рану въ кавалерійскомъ дѣлѣ подъ Карсомъ. Когда александропольскій отрядъ приблизился къ Карсу, два раза уже, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, бывавшемъ въ нашихъ рукахъ, кавалерія, своими удачными разбѣздами, составила какъ бы сѣть вокругъ этой крѣпости, проникая даже за Сагандугскій хребетъ, къ Эрзеруму. Князь Челокаевъ командовалъ двумя полками дагестанской иррегулярной кавалеріи. Подъ стѣнами Карса, турецкая конница вздумала загородить дорогу нашему отряду. Турки вооружены были отличными карабинами, магазинной системы, и начали издалика бить нашихъ всадниковъ. Тогда Челокаевъ приказалъ ударить въ шашки на непріятеля и, подавая собою примѣръ, врубился съ дагестанцами въ ряды турецкой конницы. Не выдержали турки удалого налета дагестанцевъ—и дали тылъ. Тогда князь Челокаевъ, не преслѣдуя непріа-

теля, ускокавшего подъ защиту крѣпости, сталъ отводить свои сотни, чтобъ продолжать предположенный путь.

Дѣло это здѣсь всѣ считаютъ особенно знаменательнымъ, такъ какъ въ отрядѣ князя Челокаева находились исключительно мусульмане изъ Дагестанской области. Благополучный исходъ столкновенія съ турецкою кавалеріей, конечно, слѣдуетъ приписать распорядительности, доброму примѣру и вліянію князя Челокаева на подчиненныхъ ему дагестанцевъ.

Уже кавалерія князя Челокаева благополучно выходила изъ-подъ выстрѣловъ турокъ и дѣло считалось оконченнымъ, когда какая-то шальная пуля угодила храброму начальнику. Отъ этой раны и скончался князь Челокаевъ...

Здѣшній отдѣлъ „Краснаго Креста“ образовалъ четыре санитарные отряда, по числу отрядовъ войскъ, дѣйствующихъ противъ турокъ: эриванскій, александропольскій, ахалцхскій и ріонскій. Въ каждомъ санитарномъ отрядѣ находится особый уполномоченный, а всѣми ими завѣдываетъ генераль Толстой, который еще въ Тифлисъ, и будетъ, кажется, состоять при главной квартирѣ. На поти-тифлисской желѣзной дорогѣ приспособлены 32 вагона для перевозки раненыхъ, но изъ этихъ вагоновъ только четыре пассажирскіе (3-го класса), остальные же товарные. Между тѣмъ, товарные вагоны, какъ объяснилъ мнѣ г. Толстой, оказываются совсѣмъ удобными. Они не имѣютъ проходныхъ дверей, такъ что во время движенія поѣзда каждый вагонъ находится въ изолированномъ положеніи, что затрудняетъ подаваніе врачебной помощи; для этого требуется всякій разъ остановка поѣзда. Сверхъ того, двери товарныхъ вагоновъ раздвигаются довольно широко и какъ разъ на срединѣ боковой стѣны вагона, что можетъ беспокоить больныхъ, особенно при дурной погодѣ; наконецъ, во время движенія поѣзда нѣтъ почти никакой вентиляціи. Обо всемъ этомъ предположено было доложить здѣшнему общему собранію „Краснаго Креста“, чтобъ устранить указанныя неудобства.

Изъ разговора съ генераломъ Толстымъ я узналъ о большой необходимости въ машинахъ для выдѣлки льда.

Я вызвался послать телеграмму объ этомъ въ Петербургъ. Генералу Толстому очень понравилась моя мысль, и онъ обѣщалъ доложить объ этомъ августѣйшей предсѣдательницѣ тифлискаго отдѣла „Краснаго Креста“, великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ. Нужно замѣтить, что ледъ здѣсь цѣнится чуть не на вѣсь золота; не смотря на заготовки, его далеко не хватаетъ для потребностей раненыхъ, а лѣтомъ, когда наступятъ жары, заготовленный ледъ, представляющій тонкія пластинки, быстро растаетъ. При такихъ обстоятельствахъ, спасительнымъ средствомъ могутъ явиться только машины, приготовляющія ледъ. Чѣмъ болѣе такихъ машинъ будетъ выслано, тѣмъ лучше; но желательно получить, по крайней мѣрѣ, четыре—по одной на каждый изъ санитарныхъ отрядовъ. Пусть родина вспомнить объ участи раненыхъ, которыхъ теперь здѣсь наберется уже нѣсколько сотъ! Теперь миллионы жертвуются на облегченіе участи сражающихся за общее дѣло отечества, найдутся, конечно, охотники пожертвовать и означенныя машины. Не слѣдуетъ забывать, что ледъ предохранить не одну рану отъ гангрены и вообще отъ печальнаго исхода!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На непріятельской землѣ.

Александрополь.—Сборы въ походъ.—Переѣздъ черезъ границу.—Первыя впечатлѣнія.

Изъ Тифлиса до Александрополя я ѣхалъ ровно двое сутокъ, благодаря задержкамъ на почтовыхъ станціяхъ и проливнымъ дождямъ, испортившимъ дорогу, верстъ на 40 нешоссированную къ сторонѣ Александрополя. Измоченный и разбитый, въѣхалъ я въ пограничный нашъ городъ, въ надеждѣ отыскать въ немъ теплую комнату и сколько нибудь сносный обѣдъ. Последнія станціи я ѣхалъ вмѣстѣ съ молодымъ офицеромъ, княземъ Вяземскимъ, внукомъ маститаго поэта, перешедшимъ изъ гусаръ въ горско-моздокскій казачій полкъ, и съ прапорщикомъ собственнаго Его Величества конвой, М., также спѣшившимъ въ армію.

Александрополь встрѣтилъ насъ негостепріимно. Это была сплошная яма жидкой грязи, слоемъ не менѣе полуаршина, среди которой неприглядно торчали почти незамѣтныя сакли съ плоскими земляными крышами. Нужно удивляться, какъ могли размѣститься въ этомъ грязномъ городишкѣ наши войска, съ корпуснымъ и дивизіонными штабами, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ безконечнаго выжиданія войны. Кое гдѣ, въ видѣ оазисовъ, виднѣлись, впрочемъ,

европейски устроенные дома, да двѣ-три церкви. Къ сожалѣнію, александропольскія гостиницы не нашли себѣ пріюта въ этихъ домахъ. Не безъ труда отыскивали мы свободный номеръ въ низенькомъ, грязномъ строеніи, носившемъ громкое имя: гостиница „Европа“. Эта „Европа“ оказалась хуже всякаго буйволятника, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, тепло. На дворѣ насъ мочилъ дождь и билъ градъ; въ отведенномъ же номерѣ мы очутились буквально подъ ливнемъ, немилосердно сочившимся сквозь потолокъ. Просьба отопить комнату, чтобъ хоть немного избавиться отъ сырости, встрѣчена была горячимъ протестомъ, опиравшимся на май мѣсяцъ, который выглядѣлъ хуже петербургскаго октября, и указаніемъ на дороговизну дровъ, доходившихъ до 80 руб. за сажень. Неменѣе горячее удивленіе вызвано было въ хозяинѣ предположеніемъ отобѣдать. Былъ уже четвертый часъ, когда, по его мнѣнію, каждый порядочный человѣкъ въ Александрополѣ перестаетъ даже сознавать, что существуютъ на свѣтѣ необѣдавшіе люди. Вообще, съ пріѣзжими въ Александрополѣ обращаются, какъ съ иноплемениками, которыхъ можно подвергать всякимъ притѣсненіямъ и не только не грѣхъ оборвать, но совершить это само небо повелѣваетъ. Ёдущіе въ армію, неимѣющіе знакомыхъ или протекціи, предоставляютъ на полный произволъ трактирщиковъ и торговцевъ. За нечистую, сырую, незащищающую даже отъ дождя комнату въ три квадратныя сажени дерутъ по два рубля въ сутки, и вы должны считать себя еще счастливымъ, что не осуждены пребывать на улицѣ, среди невылазной грязи.

Представившись коменданту, который живетъ въ крѣпости, въ верстѣ отъ города, и посмотрѣвъ тѣ четыре гладкоствольныя орудія, которыя являлись единственными представителями нашей осадной артиллеріи при взятіи Карса въ 1855 году, мы сосредоточили все наши заботы и мечты на томъ, какъ бы скорѣе выбраться изъ Александрополя. Между Александрополемъ и нашимъ лагеремъ у Займа дѣйствовалъ уже телеграфъ и существовало почтовое сообщеніе; но на вновь учрежденныхъ станціяхъ имѣются только по три

тройки, предназначенныя исключительно для возки курьеровъ и почтовой корреспонденціи. Можно было нанять фургонъ у молоканъ, довольно густо поселенныхъ вокругъ Александрополя, за живописнымъ Делижанскимъ ущельемъ, на холодномъ и бесплодномъ перевалѣ черезъ Алагезскія горы (замѣчу, кстати, что поселенные здѣсь молокане сохранили въ одеждѣ и постройкахъ своихъ крупнѣйшія черты народнаго быта какого нибудь Моршанскаго уѣзда); но какъ ни пріятно было имѣть дѣло съ соотечественниками, заброшенными на дальнюю чужбину, мы предпочли купить лошадей и отправиться въ Займъ верхомъ. Намъ сказали, что въ лагерѣ очень трудно достать верховыхъ лошадей, безъ которыхъ немыслимо обойтись въ отрядѣ, да и дорога для колесъ тяжела и неудобна. Едва ли не весь Александрополь узналъ, что намъ необходимы лошади и, на другой же день, усатые армяне стали ловить насъ въ гостиницѣ, на улицѣ, въ лавкахъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Обдавая грязью, усердно работая ногами и плетью, крича во все горло, лихо скакали предъ нами барышники, выхваляя достоинства своихъ малорослыхъ прыгуновъ, на жиденькихъ и почти всегда разбитыхъ ножкахъ. Хотя и за сравнительно дорогую цѣну, но, тѣмъ не менѣе, мы скоро пріобрѣли кое какихъ лошадей и запаслись все́мъ необходимымъ для предстоящей дороги. Переѣздъ черезъ границу дозволенъ только днемъ. Поэтому, проведя еще ночь въ Александрополѣ, мы только на слѣдующій день, въ девять часовъ утра, двинулись къ Арпачаю, снабдившись пропускными билетами отъ воинскаго начальника.

Небольшой караванъ нашъ состоялъ изъ насъ трехъ и четырехъ армянъ, нанятыхъ для перевозки вещей. Мы имѣли воинственный видъ, вооружившись шапками и револьверами; три армянина высоко громоздились на вьюкахъ, совершенно покрывавшихъ, отъ хвоста до гривы, жиденькихъ лошадей; четвертый, самый старшій армянинъ, гарцовалъ безъ груза, играя роль проводника и распорядителя. Мы назвали его начальникомъ нашего штаба. Все эти армяне были также вооружены, кто чѣмъ попало: шапками, кинжалами, уродли-

выми турецкими пистолетами, а у одного за плечами торчала даже персидская винтовка, болѣе опасная, конечно, для самого владѣльца, нежели для непріятеля. Погода, на этотъ разъ, благопріятствовала. Небо очистилось отъ облаковъ и солнце сильно пекло, когда мы подъѣхали къ Арпачаю, составляющему нашу границу съ Турціей. Эта узенькая рѣчка протекаетъ верстахъ въ двухъ отъ Александрополя и черезъ нее перекинутъ теперь мостъ, быстро сооруженный при переходѣ нашей пѣхоты, артиллеріи и военного обоза за границу. У моста, съ обѣихъ сторонъ рѣки, расположено нѣсколько каменныхъ построекъ. Это были нашъ и турецкій пограничные блокгаузы. Тутъ-то, 12-го апрѣля, разыгрался одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которыми, въ видѣ непріятнаго сюрприза, были поражены передовыя турецкія войска, когда наша кавалерія, при первой вѣсти объ объявленіи войны, быстро перенеслась за границу и почти безъ выстрѣла захватила въ плѣнъ или обратила въ бѣгство непріятельскіе разѣзды и посты. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эти каменные постройки, въ которыхъ еще недавно краснѣли фески турецкихъ солдатъ и у которыхъ виднѣлись теперь спокойныя и привѣтливыя лица нашихъ солдатиковъ. Какое-то неизвѣданное, трудно выразимое чувство овладѣло мною, когда наши лошади застучали копытами по доскамъ небольшого моста, перекинутого черезъ Арпачай. Часовой дѣлаетъ честь; еще шагъ—и мы на турецкой землѣ, въ чужихъ владѣніяхъ. Тѣ же струи рѣки, такая же каменистая почва, сквозь которую скупо пробивается бѣдно зеленѣющая трава и рѣдкій полевой цвѣтокъ, а между тѣмъ, тамъ наше, родное, а здѣсь—чужое, турецкое. И задумчиво оглядываешься назадъ, точно стараешься отыскать, гдѣ скрывается эта невидимая черта, которая отдѣляетъ родину отъ чужбины, а въ воображеніи, какъ бы въ одной привѣтливой картинѣ, обрисовывается вся, цѣликомъ, родная страна и та часть свѣта, къ которой она принадлежитъ, со всѣми ея богатствами и учрежденіями, со всѣми результатами цивилизованной жизни и науки, съ родными и знакомыми, и еще диче, пустынные и безотрадные

кажется разстилающаяся передъ глазами картина другой жизни, другой части свѣта.

— Пожалуйте, ваше благородіе, бумагу; я сейчасъ сбѣгаю къ капитану, раздается вдругъ привѣтливый голосъ, и ласковые звуки родной рѣчи разгоняютъ задумчивость.

Предъявивъ наши бумаги словоохотливому офицеру, начальнику поста, очевидно, обрадовавшемуся случаю побалгурить съ проѣзжими, мы продолжали путь. Дорога была совершенно пустынная. Время отъ времени, на возвышенностяхъ, виднѣлись казачьи пикеты, главная задача которыхъ сторожить телеграфъ, служащій какъ бы путеводною нитью и осязательнымъ доказательствомъ фактическаго завладѣнія страной; эти же казачьи пикеты сопровождаютъ почту и курьеровъ. Иногда мы обгоняли скрипучія арбы съ артиллерійскими снарядами или стада, гонимыя на убой въ армію. Только издали, въ глубокихъ оврагахъ, виднѣлись почти непримѣтныя для глаза селенія съ турецкимъ или армянскимъ населеніемъ; указывали и на черкескіе поселки, создавшіеся послѣ окончательнаго покоренія Кавказа, благодаря выселенію нѣкоторыхъ горскихъ племенъ съ Кавказскаго хребта въ Турцію. Ъхали мы подъ палящими лучами солнца при неумолкаемыхъ треляхъ жаворонка; горизонтъ замыкался высокою цѣпью горъ, щедро покрытыхъ снѣгомъ, вѣявшимъ холодомъ.

Многіе въ Россіи имѣютъ совершенно превратное понятіе объ этой части Малой Азіи, считая ее по климату чуть ли не тропическою страной. Не разъ приходилось мнѣ слышать совѣтъ запасаться какъ можно болѣе лѣтнимъ платьемъ. Между тѣмъ, начиная отъ лѣснаго Делижанскаго ущелья, поражающаго своими красотами даже самый избалованный глазъ, мѣстность быстро возвышается и вся почти Древняя Арменія находится на высотѣ отъ 6,000 до 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Такая „высота“ обуславливаетъ очень суровый климатъ. Деревьевъ здѣсь не видно до самаго Саганлугскаго хребта; растительность довольно скудная, хотя хлѣбъ въ Карскомъ пашалыкѣ произрастаетъ очень успѣшно, снабжая пшеницею наше Закавказье. Это объясняется тѣмъ, что въ лѣт-

не мѣсяцы солнце беретъ, конечно, свое. Днемъ страшная жара, но малѣйшій вѣтерокъ съ горъ заставляетъ помышлять о теплой одеждѣ. Поэтому здѣсь почти никто не снимаетъ толстаго сюртука или черкески, а ночью можно согрѣться только подъ зимнимъ одѣяломъ, прикрывшись еще спасительною въ непогодѣ буркою. Дожди и градъ падаютъ безпрестанно и почти ежедневно слышится громъ.

Въ Кизиль-Чахчахъ, верстахъ въ 20-ти отъ Александрополя, наши армяне потребовали сдѣлать привалъ для корма лошадей. Мы нашли гостепріимный пріютъ отъ солнца въ саклѣ начальника поста, а кони наши угостились саманомъ и ячменемъ. Лошади здѣсь рѣдко знаютъ сѣно и вовсе незнакомы съ овсомъ. Обычный ихъ кормъ составляютъ ячмень и такъ-называемый *саманъ* — мелко избитая пшеничная солома, происходящая отъ особаго способа молотбы хлѣба. Хлѣбъ молотятъ здѣсь какою-то доскою съ камнями внизу, въ видѣ зубцовъ, къ которой припрягается лошадь. Снопъ растилаются на землѣ, работникъ садится на доску и погоняетъ лошадь. Отъ этого солома мелко избивается, зерно остается внизу, а часть его, превращаясь въ муку, смѣшивается съ соломою. Этотъ родъ половы составляетъ саманъ. При кормѣ лошадей, опытные люди, обыкновенно, подмѣшиваютъ въ саману ячмень, не давая его отдѣльно. Это заставляетъ лошадь хорошо пережевывать ячмень, дѣлая его, такимъ образомъ, удобоваримою и питательною пищею. Въ лѣтніе мѣсяцы важнымъ подспорьемъ для корма лошадей и прочаго скота служить трава. Изъ лагеря, ежедневно, всѣ свободныя отъ службы лошади высылаются на траву. Здѣшняя лошадь такъ привыкла къ пастбѣ, что при малѣйшей остановкѣ, стоитъ только попустить поводья, какъ она склоняетъ голову, вытягиваетъ шею и жадно щиплетъ траву, ловко выбирая ее между мелкими камнями, густо покрывающими землю.

Послѣ трехчасоваго отдыха, мы снова сѣли на коней и часамъ къ шести вечера достигли Кюрюкъ-Дара, знаменитаго извѣстною побѣдою русскихъ надъ турками въ 1854 году. Имя Бебутова, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, до сихъ поръ

живо сохраняется въ памяти мѣстнаго населенія. Во время приближенія нашего къ Кюрюкъ-Дара налетѣла сильная гроза, воздухъ вдругъ похолодѣлъ и насъ облило проливнымъ дождемъ. Не желая измокнуть до костей и прибыть въ Займъ ночью, мы рѣшили обождать разсвѣта въ Кюрюкъ-Дара. Здѣсь расположенъ былъ небольшой нашъ лагерь, охранявшій доставленную сюда осадную артиллерію и военный госпиталь, гдѣ находилось нѣсколько раненыхъ дагестанцевъ, участвовавшихъ въ томъ кавалерійскомъ дѣлѣ, въ которомъ смертельно раненъ генералъ Челокаевъ. Раненые размѣщались нетолько удобно, но даже роскошно; уходъ за ними очень усердный. Они спрашивали, знаетъ ли Россія объ ихъ подвигахъ и что думаютъ о нихъ русскіе. Всѣ они съ твердостью переносятъ свои страданія.

На ночлегъ мы остановились въ одной изъ саклей Кюрюкъ-Дара, неподалеку отъ лагеря. Хозяиномъ нашимъ оказался очень гостепріимный армянинъ. Ввели насъ въ обширную землянку, на половину ушедшую въ землю и покрытую земляною крышею, поддерживаемою толстыми деревянными столбами и балками. Направо отъ входа устроенъ родъ ложи, съ двумя широкими прилавками, параллельно лежащими низко на полу и расположенными по обѣимъ сторонамъ прочнаго, довольно прихотливо устроеннаго камина. Въ каминѣ теплился огонь, который ради насъ не замедлили оживить нѣсколькими грудями кизяка и охапкою щепокъ. За этимъ почетнымъ отдѣленіемъ, устланномъ коврами, простиралась обширная конюшня, въ которую взяли нашихъ лошадей и гдѣ находились также, у своихъ стойлъ, хозяйскіе буйволы, коровы и бараны. Подобное помѣщеніе, гдѣ находятъ одинаковый пріютъ люди и скотъ, называется, обыкновенно, у русскихъ, буйволятникомъ. Въ буйволятникѣ — навозный воздухъ, не смотря на достаточное число отдушнъ въ крышѣ; но воздухъ этотъ считается здоровымъ и, дѣйствительно, переносится легко, особенно, когда приходится укрываться отъ дневного зноя или ночного холода. Ночью, когда все улеглось спать и въ буйволятникѣ слышался только густой храпъ и хрустѣніе самана на зубахъ

лошадей, мнѣ чудилось, при мерцающемъ свѣтѣ догорѣвшаго камина, что я нахожусь въ какихъ-то катакомбахъ съ ихъ таинственною обстановкою и безконечною, скрывающеюся въ густомъ мракѣ, вереницею запутанныхъ, неизвѣданныхъ проходовъ. Для полноты картины, недоставало только разбойниковъ; но, взявъ ихъ, вокругъ насъ находились радушные армяне, усердно выражавшіе свою преданность русскимъ и русскому Царю и заявлявшіе лишь желаніе, чтобъ ихъ снова не отдали во власть турокъ. Одинъ старикъ-армянинъ говорилъ:

— Русскіе за все платятъ, ничего даромъ не возьмутъ; господа хороши, солдатъ также добрый и хорошій. Турки же все грабятъ. Лѣсъ нуженъ—давай лѣсъ, арба нужна—давай арбу, скотъ нуженъ—давай скотъ, хлѣбъ нуженъ—давай хлѣбъ, деньги нужны—давай деньги. Все возьметъ, ничего не платитъ!..

Вотъ такимъ-то способомъ снабжены въ изобиліи всѣмъ необходимымъ турецкія войска и крѣпости. Нужно замѣтить, что толки и слухи, распространенные слишкомъ усердными чернильными патріотами о томъ, что турецкія войска представляютъ видъ голодной толпы оборванцевъ, обреченной на всякія лишенія, оказываются совершенно ложными, по крайней мѣрѣ, на мало-азіатскомъ театрѣ войны. Въ Ардаганѣ нашли громаднѣйшіе запасы всякаго военнаго довольствія. Намъ досталось до 12,000 четвертей хлѣба. Турецкія палатки очень любимы многими въ нашихъ войскахъ, отличаясь отъ русскихъ конусообразнымъ своимъ видомъ. При завладѣніи турецкимъ лагеремъ, въ палаткахъ всегда находятъ хорошую пищу, пшеничныя галеты, представляющіяся лакомствомъ въ сравненіи съ нашимъ сухаремъ; посуду, большею частью мѣдную, одѣяла и тюфяки, которыми снабжены почти всѣ солдаты. Офицерскія палатки у турокъ гораздо роскошнѣе нашихъ и изобилуютъ коврами и разными вещами англійскаго производства. Одежда у солдатъ новая и изъ тонкаго сукна. Я писалъ уже, кажется, о томъ, какъ богато снабжены турецкія войска и крѣпости оружіемъ, ружейными патронами и артиллерій-

скими снарядами. Въ Ардаганѣ, у турецкихъ солдатъ имѣлся двойной комплектъ ружейныхъ патроновъ и, сверхъ того, въ траншеяхъ и рвахъ для стрѣлковъ разставлены были ящики съ раскупоренными патронами. Отъ этого изобилія снарядовъ, быть можетъ, и не велики наши потери подъ Ардаганомъ. Турки стрѣляли безъ счета, плохо цѣлясь и скрываясь за брустверами, опасаясь рѣдкихъ, но мѣткихъ выстрѣловъ нашихъ солдатъ.

На разсвѣтѣ, сопровождаемые усердными поклонами хозяина и его сосѣдей, мы снова сѣли на коней. Нѣсколько рублей, данныхъ за ночлегъ и кормъ лошадей, приняты были съ великою благодарностью. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь, во всемъ Карскомъ пашалыкѣ, наши кредитные билеты обращаются совершенно свободно. Въ золотѣ до сихъ поръ не встрѣчается надобности и оно гораздо дешевле, нежели въ Россіи. Одинъ черезчуръ предусмотрительный человѣкъ, имѣя въ виду, что онъ ѣдетъ, нѣкоторымъ образомъ, за границу, запасся золотомъ въ Москвѣ; каково же было его изумленіе, когда въ Александрополѣ ему давали только по 5 руб. 15 коп. за полумперіаль! Турецкія же кредитки лишены всякой цѣны. Подъ Карсомъ, я видѣлъ турка, слезно жаловавшагося на какого-то всадника изъ карапаховъ за то, что тотъ заплатилъ турецкими бумажками за купленную лошадь. Турокъ считалъ себя низко обобранымъ. Турецкія бумажныя деньги покупаются здѣсь „на память“. За бумажку, равную 10-ти рублямъ, платятъ, напримѣръ, рубля полтора. Добывается и турецкое золото—для запонокъ.

По дорогѣ изъ Кюрюкъ-Дара въ Займъ уже совсѣмъ другія впечатлѣнія легли на душу. Намъ уже не казалось, что мы на чужбинѣ. Эти рубли, охотнѣе принимаемые, нежели турецкія деньги, этотъ никѣмъ нетревожимый телеграфъ, радужные поклоны встрѣчныхъ поселянъ, совершенно безопасный путь, слышимый, время отъ времени, звукъ валдайскаго колокольчика подъ дугою родной тройки, мчащей курьера—все это развеселило насъ и, шутя, мы спрашивали нашего

проводника: „Ужь не заблудились ли мы и не ѣдемъ ли гдѣ нибудь по Саратовской губерніи, вмѣсто Малой Азіи?“

Уже два раза эта часть Малой Азіи, составляющая продолженіе нашей Арменіи, завоевана была русскою кровью; два раза значительнѣйшая часть мѣстнаго населенія встрѣчала радушно русскія войска и русскую власть; но два раза надежды ихъ были обмануты: и послѣ 1828 года, и послѣ войны 1853—1856 годовъ они снова подпадали подъ деспотизмъ турецкаго владычества, вымѣщавшаго свои военныя неудачи на всѣхъ, кто только расположенъ къ Россіи. Будетъ ли обмануто это населеніе и въ третій разъ? Одно довольно видное лицо изъ армянскаго духовенства высказало мнѣ упрекъ, что и русская печать, и русское правительство забыли, будто бы, что христіане существуютъ и въ Малой Азіи, что христіане эти не менѣе славянъ угнетаются и гораздо болѣе ихъ мечтаютъ о присоединеніи къ Россіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первый день въ лагерѣ.

Прибытіе и первыя впечатлѣнія.—Нежданный покровитель.—Комендантъ.—Намекъ на положеніе корреспондентовъ.—Мое жилище.—Супруги Пьеръ.—Знакомства.

Солнце ярко свѣтило, воздухъ былъ прозраченъ, когда я и мои спутники подъѣзжали къ нашему лагерю у селенія Займъ. Тѣмъ не менѣе, не было жарко. Напротивъ, сѣверный вѣтеръ, рѣзко вырываясь изъ горныхъ ущелій, окружавшихъ горизонтъ, заставлялъ по временамъ ежиться и забывать, что это была середина мая и что мы находились на три тысячи верстъ южнѣ Петербурга. Ужь верстъ за десять, съ возвышенности, неожиданно забѣлѣли предъ нами палатки заимскаго лагеря, занимавшія правильными рядами и отдѣльными группами довольно обширное плато, надъ обрывистымъ, крутымъ оврагомъ, гдѣ узкою лентою протекалъ Карсъ-чай. Непривычный къ горному воздуху глазъ сокращалъ разстояніе. Казалось, что до лагеря рукою подать и, повинаясь тому невольному чувству, которое побуждаетъ каждаго путешественника спѣшигъ, чтобъ скорѣе добраться „до мѣста“, мы ускорили шагъ лошадей. Прошелъ, однако, добрый часъ прежде, нежели мы подъѣхали къ лагерю. Пришлось еще подождать нѣсколько отставшіе व्यюки: невозму-

тимые армяне, тащившіе на своихъ лошаденкахъ наши вещи, не слишкомъ торопились, очевидно, не раздѣляя нашего нетерпѣнія. Судя по тѣмъ бумагамъ, формальностямъ и разрѣшеніямъ, которыя потребовались для выѣзда моего изъ Тифлиса и Александрополя, а также при переѣздѣ черезъ пограничную черту, на Арпачай, я приготовился къ цѣлому ряду остановокъ и опросовъ при въѣздѣ въ лагерь. Но вотъ мы спустились въ оврагъ, отдѣлившій насъ отъ лагеря, вотъ мы поднимаемся вверхъ, по крутой, идущей зигзагами дорогѣ, на то плато, на которомъ начинаются уже палатки, но ни заставы, ни малѣйшаго караула нѣтъ, никто насъ не останавливаетъ, никто не спрашиваетъ, что мы за люди и зачѣмъ пріѣхали. На дорогѣ людно, точно вы въѣзжаете въ городъ или торговое село въ день базара. Въ лагерь и изъ лагеря тянутся повозки, арбы; слышатся понуканія возниковъ, скрипъ несмазанныхъ осей. На встрѣчу попадаютъ казаки, всадники изъ туземцевъ; безоружные солдаты, въ шинеляхъ или мундирахъ на распахку то и дѣло сбѣгаютъ въ оврагъ или поднимаются по вытоптаннымъ тропинкамъ изъ оврага въ лагерь; но никому до насъ дѣла нѣтъ, рѣдко даже кто удостоиваетъ насъ разсѣяннымъ взглядомъ. Вотъ мы, пріосанившись и подбодрившись, на разгоряченныхъ лошадяхъ, проѣзжаемъ мимо первыхъ палатокъ лагеря. Дежурные солдаты спѣшатъ на линейку; вотъ, думается мнѣ, тутъ-то насъ остановятъ и спросятъ пропуска; но ни чуть не бывало: дежурные выбѣгаютъ только для того, чтобъ отдать честь моимъ спутникамъ офицерамъ, вытянувшись въ струнку и приложившись къ козырьку. Палатки вытянуты въ стройныя линіи, съ интервалами, по ротамъ, батальонамъ и полкамъ. Нѣкоторые изъ нихъ приподняты, позволяя видѣть внутренность этихъ военныхъ жилищъ. Солдатики лежатъ, или сидятъ, что нибудь работая. Кто чинитъ сапогъ, кто пришиваетъ пуговицу; слышится неясный говоръ, доносятся слабые звуки пѣсни, затянутой въ полголоса. Сомкнутыя пирамидами ружья стоятъ передъ палатками. Вотъ

барабанъ и на барабанѣ положено знамя, возлѣ котораго ходить часовой съ ружьемъ. Часовой тоже отдаетъ честь.

— Гдѣ корпусный штабъ? спрашиваемъ мы встрѣчнаго унтеръ-офицера.

— Корпусный штабъ? А вотъ прямо, гдѣ кибитки...

И по направленію указательнаго перста унтеръ-офицера мы замѣчаемъ, среди лагеря, бѣлые, полотнянные верхи нѣсколькихъ десятковъ длинныхъ нѣмецкихъ фургоновъ. Возлѣ нихъ виднѣются какія-то кучи, прикрытыя кожею; тамъ и сямъ, точно пятна, чернѣютъ войлочные, похожія на стоги киргизскія палатки; на площади одиноко зеленѣетъ своею выкрашеною парусиною походная церковь, а далѣе опять бѣлѣютъ ряды полковыхъ палатокъ. Направо отъ насъ, на второмъ планѣ лагернаго расположенія, растянута артиллерійскія парки. Проѣхали кибитки, оказавшіяся корпуснымъ обозомъ, замѣченныя издали кучи, прикрытыя кожами принадлежали къ интендантскимъ складамъ. Наконецъ, на новый вопросъ, „гдѣ корпусный штабъ?“ намъ отвѣчали: „это и есть корпусный штабъ“. Мы очутились среди нѣсколькихъ десятковъ офицерскихъ палатокъ, неправильными линіями занимавшихъ довольно обширное пространство. Тамъ и сямъ стояли большія палатки, въ которыхъ помѣщались различныя военныя управленія; это были „присутственныя мѣста“ того населенія, въ среду котораго я долженъ былъ войти.

Очутившись сразу въ этой чуждой, совершенно новой обстановкѣ, гдѣ не было ни души знакомой и гдѣ, казалось, никому до меня дѣла не было, среди мало-азіатскихъ степей, за тысячу верстъ отъ родины, невыразимо грустное чувство одиночества овладѣло мною. Въ моей сумкѣ было десятка два рекомендательныхъ писемъ, которыми снабдили меня добрые знакомые въ Петербургѣ и Тифлисѣ, но вопросы: какъ мнѣ доведется устроиться, благопріятно ли встрѣтятъ корреспондента въ арміи?—не могли не тревожить меня. Не успѣлъ я, однако, слѣзть съ лошади, какъ ко мнѣ подошелъ господинъ въ той полувоенной, полугражданской формѣ, которую носятъ чиновники военнаго министерства. Онъ спро-

силъ, не корреспондентъ ли я и назвалъ мою фамилію. Я подтвердилъ эти догадки и поспѣшилъ пожать руку и узнать фамилію перваго лица, которое привѣтливо встрѣтило меня въ лагерѣ. Г-нъ Д-скій, занимавшій должность дѣлопроизводителя въ канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ, удовлетворилъ мое любопытство и гостепріимно пригласилъ зайти въ свою палатку. Я поспѣшилъ представить ему моихъ спутниковъ, которые тоже, очевидно, находились въ нѣкоторомъ недоумѣніи, что имъ дѣлать. Тутъ узнали мы, что командующаго корпусомъ, генераль-адъютанта М. Т. Лорисъ-Меликова нѣтъ въ лагерѣ. Еще 15-го мая онъ выступилъ съ колонной генераль-лейтенанта Геймана и долженъ былъ находиться гдѣ-то на югъ отъ Карса. Съ этимъ отрядомъ находился и начальникъ корпуснаго штаба, генераль-маіоръ Духовской. Между тѣмъ, въ выданномъ мнѣ въ Тифлисѣ „свидѣтельствѣ“ было сказано: „поставляется непремѣннымъ условіемъ, по прибытіи на мѣсто, явиться въ корпусный штабъ и подчиняться во всемъ установленнымъ для корреспондентовъ правиламъ, не допуская себѣ никакихъ корреспонденцій и сообщеній безъ разрѣшенія командующаго корпусомъ и просмотра ихъ начальникомъ корпуснаго штаба“. Я спросилъ г-на Д-скаго, могу ли я считать, что первое изъ возложенныхъ на меня обязательствъ выполнено, именно, что я явился въ корпусный штабъ? Предлагать вопросы, однако, всегда легче, нежели на нихъ отвѣчать: часть корпуснаго штаба была здѣсь, другая же, и самая существенная, находилась въ отсутствіи, съ корпуснымъ командиромъ. Г-нъ Д-скій посоветовалъ всѣмъ намъ представиться коменданту. Узнавъ, что у меня нѣтъ палатки, онъ выразилъ успокоительное предположеніе, что, вѣроятно, комендантъ прикажетъ дать палатку.

— Я васъ сразу узналъ, прибавилъ онъ, — о васъ бумага пришла и фотографическія карточки присланы. Очень похоже!..

Въ томъ, что инныя „бумаги“ приносятъ великую пользу, я никогда не сомнѣвался; теперь-же мнѣ пришлось въ первый и, нужно прибавить, въ послѣдній разъ убѣдиться въ пользѣ распоряженія, заставившаго меня въ Тифлисѣ снятъ и пред-

ставить въ штабъ около десятка фотографическихъ карточекъ. Благодаря этимъ карточкамъ, я безъ замедленія познакомился съ г-мъ Д-скимъ, человѣкомъ, какъ видно, очень добрымъ и отличающимся тѣмъ сердечнымъ радушіемъ и дурнымъ выговоромъ, какими обладаютъ многіе малороссы, не смотря на десятки лѣтъ, прошедшіе со времени отъѣзда ихъ съ родины, и вращеніе „въ чужихъ людяхъ“. Послѣ этого случая, никто и никогда не упоминалъ даже о фотографическихъ карточкахъ и они, кажется, такъ и провалились въ корпусномъ штабѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не была выдана, какъ обѣщали въ Тифлисѣ, „засвидѣтельствованная карточка“ и ни разу у меня ее не спрашивали.

Пошли мы къ коменданту. Палатка его находилась въ двухъ шагахъ отъ караула или гауптвахты. Это были пять или шесть палатокъ; передъ нѣкоторыми изъ нихъ стояли часовые, служа живымъ указаніемъ, что онѣ разыгрывали роль парусинной тюрьмы. Впереди, какъ обыкновенно, помѣщались ружья въ козлахъ, а передъ ними по гладко вытопанной дорожкѣ прохаживался караульный часовой, то и дѣло останавливавшійся, чтобъ отдать честь непрерывно проходившимъ мимо офицерамъ. Неподалеку, возлѣ обыкновенной офицерской палатки вбитъ былъ шесть и на немъ развѣвался продолговатый синій флагъ съ надписью „комендантъ“. Ошибиться, слѣдовательно, было невозможно. Вѣстовой отвѣчалъ намъ, что „комендантъ отлучился“. Отлучка эта продолжалась, однако, не особенно долго, такъ какъ мы не успѣли соскучиться въ нашемъ выжидательномъ положеніи; появился высокій, полный, съ большими усами офицеръ, въ полковничьей, общегармейской формѣ. Онъ шелъ суетливо, какъ человѣкъ занятый, имѣя видъ тѣхъ людей, которыхъ обыкновенно окрещиваютъ названіемъ „хлопотунъ“. Подходя, онъ что-то и кому-то кричалъ; подвернувшись армянина, очевидно надоѣдавшего съ какою-то просьбою, онъ не останавливаясь приказалъ взять на гауптвахту и, искося бросивъ взглядъ въ нашу сторону, прямо подошелъ къ намъ. Сомнѣваться было нечего, это и былъ корпусный комендантъ, пол-

ковникъ Арцышевскій. Мы представились и удостоились любезнаго приѣма. Офицерамъ г. Арцышевскій указалъ, что они должны явиться къ находившемуся въ лагерѣ помощнику корпуснаго штаба, полковнику Немировичу-Данченкѣ, а мнѣ предложилъ, если угодно, немедленно ѣхать въ отрядъ генерала Геймана, гдѣ находился корпусный командиръ, а если угодно—обождать его приѣзда, ожидавшагося на дняхъ.

— Только нужно ѣхать немедленно, прибавилъ комендантъ; сію минуту я отправляю къ корпусному коменданту почту, съ конвоемъ; при этой оказіи могу отправить и васъ. Какъ хотите, подумайте...

Сказавъ это, корпусный комендантъ вышелъ изъ палатки и снова слышался его громкій голосъ, распекавшій казаковъ, которые должны были везти почту и что-то замѣшались.

Я не рѣшился воспользоваться предложеніемъ коменданта: моя лошадь сдѣлала ужъ порядочный переходъ въ этотъ день, а до отряда генерала Геймана было не менѣе 50 верстъ. Выйдя вслѣдъ за г. Арцышевскимъ, я поблагодарилъ его за вниманіе и заикнулся на счетъ палатки.

— У васъ своей нѣтъ?

— Нѣтъ... Я совершенно на-легкѣ; мнѣ сказали, какъ можно менѣе вещей имѣть...

Г-нъ Арцышевскій нѣсколько поморщился, но тѣмъ не менѣе обѣщалъ дать палатку. Мнѣ показалось, что я сразу потерялъ на нѣсколько процентовъ въ глазахъ коменданта. Роль просителя, вообще, играть тяжело. Корреспонденціи съ театра войны явленіе у насъ совершенно новое; оно только въ первый разъ создавалось. Я полагалъ, что военные корреспонденты имѣютъ одинаково важное значеніе, какъ въ интересахъ общества, такъ и въ интересахъ арміи, которая неразрывными узами связана съ этимъ обществомъ. Подчиняя корреспондентовъ извѣстнымъ, довольно строгимъ условіямъ, возлагая на нихъ большую отвѣтственность, военное начальство, думалъ я, будетъ оказывать намъ по крайней мѣрѣ тотъ minimum вниманія, если не попеченія, на который вправѣ

разсчитывать не только офицеръ или солдатъ, но каждый подводчикъ, маркитантъ или другое лицо, тѣмъ или другимъ путемъ связанное съ арміей, или вынужденное искать въ ней пріюта и покровительства. Если, разсчитывалъ я, всякій консулъ уважающей себя страны обязанъ оказывать всевозможное содѣйствіе пребывающимъ за границею подданнымъ того государства, которое онъ представляетъ, то тѣмъ болѣе это содѣйствіе обязательно для начальства арміи, находящейся на непріятельской территоріи и особенно въ войнѣ съ такимъ непріателемъ, какъ турки, гдѣ за предѣлами лагерной линіи представляется уже довольно вѣроятный рискъ быть ограбленнымъ или убитымъ. Тутъ вы, волею-неволею, связаны съ арміей. Вы не можете отыскать себѣ пристанища за предѣлами лагеря; будь у васъ полные карманы золота, вы можете умереть отъ голода, если военное начальство не захочетъ придти вамъ на помощь; ваша лошадь будетъ безъ пищи и присмотра, если вамъ не окажутъ содѣйствія; вы останетесь даже безъ крова, представляемаго полстномъ палатки, если это входитъ въ „виды и соображенія“ того начальства, во власти котораго вы всецѣло очутились. Получивъ позволеніе быть въ дѣйствующемъ отрядѣ, я полагалъ, что тѣмъ самымъ разрѣшаются и всѣ тѣ сомнѣнія, которыя могли бы возникнуть относительно условій моего пребыванія въ лагерѣ. Это все равно, представлялось мнѣ, еслибъ получить разрѣшеніе быть на военномъ кораблѣ, отправляющемся въ заграничное плаваніе; изъ этого разрѣшенія для меня вытекала бы обязанность подчиняться во всемъ распоряженіямъ капитана корабля и морской дисциплинѣ; но, взаимъ того, и капитанъ обязанъ былъ бы оказывать мнѣ то вниманіе и попеченіе, которое возлагается на него по отношенію ко всему населенію корабля, безъ изъятія; въ противномъ случаѣ неминусомъ очутиться въ самомъ плачевномъ, безпомощномъ положеніи. Вопросъ о палаткѣ разрѣшался очень просто: если она имѣлась въ запасѣ, то отчего же ее не дать; если не было, то на нѣтъ и суда нѣтъ. Палатки имѣлись, но мнѣ сразу дали понять, что отпускается она въ видѣ

снисхожденія, меня сразу поставили въ роль просителя, точно палатка составляла собственность не казны, а г. Арцышевскаго, и военный корреспондентъ былъ менѣе вправѣ ею пользоваться, нежели деньщикъ, чистившій сапоги и ставившій самовары тому же г. Арцышевскому. Это былъ первый намекъ на то положеніе, которое создано было въ нашемъ штабѣ для корреспондентовъ.

Я не ставлю этого въ упрекъ г. Арцышевскому и констатирую только фактъ. Отношенія къ корреспондентамъ для него были совершенно новы и не отъ него одного зависѣло ихъ установить. Онъ зналъ, какъ ему обращаться съ офицеромъ, пребывающимъ въ лагерѣ, онъ не задумывался опредѣлить свои отношенія къ армянамъ, привезшимъ ячмень или пригнавшимъ барана на лагерный базаръ; но что за птица такая военный корреспондентъ, выше или ниже его положеніе, сравнительно съ маркитантомъ, напимѣръ, или подводчикомъ, и какія вообще „мѣропріятія“ требовались относительно этого рода личностей — г. Арцышевскій, какъ и многіе другіе, могъ и не имѣть яснаго понятія. Не то это „представитель пера“, обязанный только воспѣвать гимны и оды о необыкновенныхъ подвигахъ начальства и „близкихъ“ къ нему; не то это „критикъ“, даже своего рода „шпіонъ“, могущій „выдать“ то, что считается выгоднымъ держать въ секретѣ, не только до извѣстной поры, но, по возможности, и навсегда. Въ первомъ случаѣ, это „свой человекъ“, которому и угодить не мѣшаетъ, въ послѣднемъ — врагъ, терпимый только въ видѣ особаго снисхожденія до перваго удобнаго случая, который можетъ представиться, чтобъ его притѣснить или даже вовсе „упразднить“. И такъ, я вовсе не виню г. Арцышевскаго, хотя онъ и первый въ лагерѣ далъ мнѣ понятіе о той тягостной роли, которая выпадаетъ на долю военного корреспондента, о тѣхъ „приливахъ и отливахъ“, которыми знаменовались отношенія къ корреспондентамъ нѣкоторыхъ лицъ въ штабѣ.

Отъ коменданта, я естественно возвратился къ моему первому покровителю въ лагерѣ — г. Д—скому. Дальнѣйшія

представленія пришлось отложить. Въ заимскомъ лагерѣ начальникомъ остался генераль-лейтенантъ Девель, но въ это время онъ былъ на рекогносцировкѣ карскихъ укрѣпленій. Ахалцхскій отрядъ, которымъ командовалъ Ѳ. Д. Девель былъ упраздненъ послѣ взятія Ардагана, и 39-я пѣхотная дивизія присоединена къ александропольскому отряду, который, съ этого времени, представлялъ „главныя силы“ дѣйствующаго корпуса на мало-азіатской границѣ. На ту же рекогносцировку поѣхалъ и помощникъ начальника корпуснаго штаба, полковникъ Немировичъ-Данченко. За неимѣніемъ кому представляться, я сосредоточилъ свои помысленія на лошади и палаткѣ. Въ томъ и другомъ помогъ мнѣ г. Д—скій. Въ этомъ случаѣ оказался особенно вліятельнымъ поручикъ С., имѣвшій начальство надъ нестроевою командою лагеря, т. е. надъ всѣми деньщиками, рабочими и проч.; въ его же вѣдѣніи находились палатки и онъ же былъ помощникомъ лица, завѣдывавшаго провіантскою частью корпуснаго штаба. Удостоившись представленія такому многозначащему поручику, я скоро имѣлъ удовольствіе удостовѣриться, что лошадь моя не умретъ съ голода и что мнѣ не придется пребывать подъ открытымъ небомъ. Четыре солдата притащили палатку и стали ее разбивать. Это была двойная, солдатская палатка. Разбивается она такъ: потолокъ ея поддерживается по самой срединѣ столбомъ аршина три высоты; отъ вершины этого столба внутри полотна, идутъ четыре веревки, которыя проходятъ черезъ отверстія, сдѣланные въ каждомъ изъ четырехъ угловъ палатки, образуемыхъ крышею и боками ея; веревки натягиваются и привязываются къ кольямъ, вбитымъ снаружи палатки, на каждомъ изъ ея угловъ; затѣмъ внутри, въ каждомъ углу, веревки подпираются еще четырьмя кольями, аршина въ два длиною, а низъ полотна оттягивается въ противоположныя стороны и прикрѣпляется къ землѣ маленькими привязанными къ потолку колышками. Благодаря этому, снаружи палатка имѣетъ четыре стѣнки, изъ которыхъ каждая вверху уже, нежели внизу, и расположена покато, отъ крыши въ землѣ; а крыша ея имѣетъ видъ четырехъ треугольни-

ковъ, соединенныхъ своими боковыми сторонами. Отверстіе, сдѣланное въ полотнѣ, одной изъ стѣнокъ, которое можно отстегнуть или застегнуть, играетъ роль двери. Чтобы войти въ солдатскую палатку нужно согнуться и пройти шагъ или два, прежде, нежели поднять голову. Затѣмъ прямо передъ вами, какъ разъ по срединѣ, находится центральный столбъ, около котораго можно выпрямиться; сидѣть же, даже на стулѣ или кровати, можно совершенно удобно почти у самыхъ стѣнокъ палатки. Въ такой палаткѣ, на землѣ, могутъ вполнѣ свободно размѣститься человѣкъ пять-шесть, а въ крайности даже до десяти; но кроватей можно поставить не болѣе трехъ, оставивъ по срединѣ, у столба, небольшое пространство, на которомъ, можно было бы повернуться. Для одного же лица, солдатская палатка представляетъ роскошное помѣщеніе, если вы можете обставить ее комфортабельно.

Поблагодаривъ, по русскому обычаю, строителей моего жилища, я вошелъ въ палатку и остановился въ раздумьи. Въ одномъ углу помѣщался мой скромный чемоданчикъ, въ видѣ сакъ-де-воая; переметныя сумки, бурка и кожанное пальто, составлявшіе остальное мое имущество, свалены были возлѣ; въ другомъ углу безформенною кучею лежали, временно, вещи моихъ спутниковъ. Остальное пространство занято было травой, въ перемежку съ камнями, которыми, какъ ужъ я говорилъ, щедро усыяны всѣ поля Арменіи. Я взялъ бурку, разостлалъ ее возлѣ одной изъ стѣнокъ палатки и сѣлъ. Въ такомъ положеніи, мое жилище представилось мнѣ въ значительно большемъ размѣрѣ. Смотрю я въ противоположный, незанятый уголъ палатки, и кажется мнѣ, что онъ удаляется до безконечности, точно алея изъ вѣковыхъ липъ. Беспорядочно разбросанные, причудливой формы, камни торчатъ изъ земли и, въ свою очередь, принимаютъ въ моихъ глазахъ большіе размѣры. Затѣмъ и кто ихъ набросалъ? думается мнѣ. И вспоминаю, что вся эта часть Малой Азіи, какъ и Кавказъ, представляетъ видимые слѣды вулканическихъ переворотовъ. Титаническія подземныя силы вздули, какъ пухъ, эту землю, на нѣсколько тысячъ футъ надъ уровнемъ

моря, выдвинули эти гигантскія горы, залили лавою эту поверхность, разбросали дождемъ мірады камней, начиная отъ громаднѣхъ, необъятнѣхъ скалъ, до этихъ ничтожныхъ булыжниковъ, которые едва замѣтишь подъ ногою. И вотъ эта лава застыла, покрылась сочной травой и я сижу на ней, какъ у себя дома, точно гдѣ нибудь на Надеждинской, въ своемъ кабинетѣ. Но сидѣть, однако, оказалось очень неудобно; на буркѣ нужно умѣть располагаться по-азиатски. Я скоро почувствовалъ, что ноги у меня лишнія, что мнѣ некуда ихъ дѣвать; попробовалъ протянуться и опереться на локоть, но черезъ нѣсколько минутъ обомлѣлъ и локоть. Я притянулъ сакъ-де-воаяжъ и усѣлся на твердую часть его; скоро и это положеніе надоѣло. Какъ же я буду писать, думается мнѣ; да и о чемъ писать? Ничего еще я не знаю, все это такъ ново, такъ чуждо. Какъ я пріѣхалъ, какъ встрѣтилъ меня комендантъ?—но кому это интересно, этого ли ждетъ наше общество отъ корреспонденцій „съ театра войны“? А тутъ никакой войны и никакого театра нѣтъ; да и пиши не иначе, какъ послѣ „надлежащаго просмотра“. И опять невыразимо грустное чувство одиночества и неудовлетворенности закралось въ мою душу...

Пришелъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, прапорщикъ М. По лицу его, я сразу узналъ, что и онъ былъ не въ своей тарелкѣ. Оказалось, что онъ еще менѣе счастливъ: о немъ „бумага не пришла“ и до представленія корпусному командиру и его рѣшенія никто въ штабѣ не зналъ, что съ нимъ дѣлать. А онъ-то мечталъ о схваткахъ боевыхъ и удалыхъ налетахъ! Я пригласилъ М. остаться со мною и расположиться въ моей палаткѣ пока придетъ бумага или выйдетъ о немъ рѣшеніе. Признаюсь, мнѣ даже пріятно было, что „бумага не пришла“; вдвоемъ и скучать, и бездѣйствовать веселѣе...

— Пойдемте лагерь осматривать, сказалъ я.

— Да и поѣсть не мѣшаетъ, подбавилъ М.

Я вспомнилъ, что съ ранняго утра мы почти ничего не ѣли и что проѣхавъ двадцать верстъ верхомъ, позаботиться

о пищѣ, дѣйствительно, не мѣшаетъ. На вопросъ: гдѣ бы поѣсть?“ кто-то изъ штабныхъ отвѣчалъ, что черезъ четверть часа будетъ готовъ „корпусный обѣдъ“ и что, безъ сомнѣнія, я буду обѣдать въ „корпусномъ табльдотѣ“. Прежде всего я постарался освѣдомиться, что это такое „корпусный табльдотъ?“ Оказалось, что на суммы, отпускаяшіяся въ распоряженіе корпуснаго командира, генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ приказалъ нанять особаго маркитанта, на обязанности котораго лежало давать обѣдъ и ужинъ чинамъ корпуснаго штаба, приглашеннымъ къ этому столу безвозмездно. Не представившись корпусному командиру, я не рѣшился, конечно, воспользоваться корпуснымъ табльдотомъ. Мы отправились обѣдать въ частный ресторанъ и попали къ м-е Пьеръ. Это была квадратная палатка, съ какими-то странными изображеніями на крышѣ. Отъ времени или дождя, изображенія эти поблѣднѣли, но все таки можно было разглядѣть двухъ львовъ или собакъ, прыгающихъ на какую то рогатку, имѣвшую претензію изображать солнце. Путники говорили, что эту палатку подарилъ м-е Пьеръ самъ Насръ-Эддинъ, персидскій шахъ, въ знакъ нетолько своего дружественнаго нейтралитета, но, нѣкоторымъ образомъ, даже неравнодушія. Сама м-е Пьеръ всегда весело отшучивалась на подобныя замѣчанія. Она родомъ мингрелка, но бывала въ Парижѣ; мужъ ея, по профессіи парикмахеръ, также изъ туземцевъ и носилъ имя Пьетро; „Пьеромъ“ же онъ назвался ради процвѣтанія своего ремесла, на томъ основаніи, что самымъ варварскимъ образомъ могъ ломать французскій языкъ. Около палатки торчала вывѣска: „Парикмахеръ Пьеръ“; но не на парикмахерскомъ искусствѣ зиждились дѣла семейства Пьеръ въ лагерѣ; центръ тяжести ихъ лежалъ въ маркизанской части, гдѣ главою, очевидно, была супруга. Умная, энергическая женщина хлопотала съ утра до ночи; не разгрывая въ лагерѣ роль Минервы, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣла поставить себя къ посѣтителямъ въ такія отношенія, которыя можно характеризовать выраженіями: „языкъ безъ костей“, а „рукамъ воли не давай“. Въ палаткѣ ея

всегда было людно. Такъ было и въ ту минуту, когда я вошелъ въ нее въ первый разъ. Кругомъ двухъ-трехъ столовъ, составленныхъ и протянувшихся отъ входа до противоположной стѣнки, густо сидѣли офицеры на деревянныхъ скамейкахъ, табуретахъ, ящикахъ съ товарами и пустыхъ. Тутъ были пѣхотинцы, артиллеристы, драгуны, какъ оказалось, тверскаго полка. На столахъ то и дѣло появлялись неизбѣжные котлеты, шашлыкъ, коньякъ и, главнымъ образомъ, кахетинское вино. Хозяйка непрерывно сновала съ одного конца палатки въ другой, причѣмъ ей иногда приходилось перелезать черезъ ящики; ближайшіе посѣтители, безъ сомнѣнія, спѣшили оказать м-е Пьеръ помощь на этихъ „перевалахъ“. Оживленный говоръ, смѣхъ, чоканья наполняли нѣсколько удушливый воздухъ палатки. Когда мы вошли, ближайшіе у входа посѣтители потѣснились и дали намъ мѣсто. М-мъ Пьеръ не замедлила обратить на насъ свое благосклонное вниманіе. Признаюсь, не безъ нѣкотораго чувства осторожности вошелъ я въ эту компанію; но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ я удостовѣрился, что мы поладимъ, что армія не только не будетъ враждебно смотрѣть на корреспондентовъ, но и отнесется съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ назначенію. Шелъ разговоръ о ближайшихъ событіяхъ дня, о послѣдней рекогносцировкѣ и, конечно, объ Ардаганѣ. Незамѣтно, втянулся въ разговоръ и я, желая узнать отъ участниковъ „всю истину“ насчетъ взятія этой крѣпости; но участники народъ странный: почти всегда они сосредоточиваютъ весь интересъ своихъ откровеній на разныхъ мелочахъ и большею частью на собственной личности. Узналъ я, что ихъ во-время не пустили преслѣдовать непріятеля; другіе говорили, что это нарочно, что корпусный командиръ и плѣнныхъ даже велѣлъ отпустить, да еще и по рублю далъ: пусть, дескать, турки знаютъ, что мы ихъ и въ грошъ не ставимъ, пусть разбѣгутся и распространяютъ панику на всю Малую Азію; кто-то сказалъ, что „паша былъ подкупленъ“ и что командующій корпусомъ „тонкій дипломатъ“, но „участники“ хоромъ заглушили эту ни на чемъ не основан-

ную сплетню и сослались на штурмъ, на сопротивленіе турокъ при взятіи форта Гелляверды. Узналъ я, что лошади въ кавалеріи совсѣмъ „подбились“, что такую-то батарею „зарѣзали“, то есть уничтожили ея лошадей, но въ послѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что это общія мнѣнія у всѣхъ кавалеристовъ жаловаться, что „лошади подбились, зарѣзаны“. Первый разъ ознакомился я, также, что такое „алаверды“ и „якшіоль“, потому, что скоро пошли круговые то-сты, при которыхъ эти слова произносятся гостепріимными грузинами. Словомъ, изъ палатки м-е Пьеръ я вышелъ, имѣя уже нѣсколько хорошихъ знакомыхъ въ кавказской арміи, хотя многихъ фамиліи я и не могъ припомнить. Генераль Девель возвратился въ лагерь и я успѣлъ ему представиться. Приѣмъ былъ радушный. Генераль обѣщалъ предувѣдомить меня, когда будетъ слѣдующая рекогносцировка. Когда я возвратился отъ него къ своей палаткѣ, ужъ вечерѣло. Тутъ меня ждало новое пріятное знакомство. Меня искалъ старшій адъютантъ осадной артиллеріи, Де-Роберти, къ которому у меня было письмо. Де-Роберти сейчасъ же потащилъ меня къ себѣ и, послѣ чаю, не смотря на мои протесты, позаботился о моемъ ночлегѣ. Узнавъ, что по неопытности я не захватилъ даже кровати, онъ сбѣжалъ мнѣ достать ее на другой день, а также столъ и табуретъ. На эту же ночь де-Роберти пріютилъ меня у своего знакомаго, гдѣ была пустая постель, за временнымъ отъѣздомъ ея хозяина.

Ночь была холодная. Почти не раздѣваясь расположился я на чужой походной постели, прикрывшись пледомъ и буркою и не снимая фуражки. Напротивъ меня лежалъ мой хозяинъ, также тщательно укутанный и въ турецкой фескѣ на головѣ. Феска эта была взята подъ Ардаганомъ и служила теперь отличнымъ ночнымъ колпакомъ.

Такъ благополучно окончился мой первый день въ лагерь...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Военно-полевые управленія.

Полевая почта.—Значеніе ея и недостатки.—Военно-походный телеграфъ.— Практическія указанія. — Полевая касса. — Интенданство. — Остальныя управленія.

Въ главныхъ силахъ дѣйствующаго корпуса, которые образовались по соединеніи подъ Карсомъ ахалцыхскаго и александропольскаго отрядовъ, помѣщались и всѣ военно-полевые управленія.

Прежде всего, заслуживаетъ вниманія полевая почта. Она занимаетъ двѣ киргизскія, войлочные палатки. Одна изъ нихъ предназначена для денежной и страховой корреспонденціи, а другая для простой. Чаще всего, конечно, приходилось посѣщать палатку, предназначенную для простой корреспонденціи. Помнится мнѣ хорошо стоявшій поперекъ ея длинный, некрашенный столъ и вѣчно занятый около этого стола молодой почтовый чиновникъ, всегда терпѣливый, всегда вѣжливый и главное *добрый*. Исполняя эту обязанность, не трудно сдѣлаться злымъ, раздражительнымъ. По цѣлымъ днямъ васъ спрашиваютъ, васъ тормозятъ; каждый день приходится раз-обратить сотни, если не тысячи писемъ, газетъ, прочесть безчисленное число адресовъ. Письма, газеты, посылки раскладывались на столѣ пачками, по отдѣльнымъ частямъ войскъ

и управленіямъ; внизу, на войлокѣ, лежитъ въ безформенной кучѣ еще неразобранная корреспонденція или назначенная къ отправленію. Каждая часть присылаетъ на почту, по мѣрѣ возможности, своего довѣреннаго и получаетъ все ей адресованное. Отдѣльныя лица, не принадлежащія ни къ какимъ частямъ, должны были сами являться на почту и справляться нѣтъ ли на ихъ имя писемъ и газетъ. Около 12 часовъ, обыкновенно, раздавался колокольчикъ тройки, привезшей почту изъ Александрополя. Этого колокольчика всегда съ нетерпѣніемъ ждали въ лагерѣ и, какъ только слышится онъ, къ почтѣ спѣшатъ многія лица, чтобъ присутствовать при вскрытіи почтовой сумки и поскорѣе получить свѣжій номеръ газеты или справиться нѣтъ ли давножданнаго письма. Видя радостныя лица получившихъ письма или разочарованіе другихъ, услышавшихъ печальное „нѣтъ“, замѣчая, какъ жадно читаются газеты, можно наглядно убѣдиться въ той неразрывной нравственной связи, какая существуетъ между арміей и народомъ, изъ котораго она вышла. Кто самъ не получилъ письмо, тотъ довольствуется, по крайней мѣрѣ, если пріятель его былъ счастливѣе. Сколько разъ случалось мнѣ отыскать на почтѣ и принести знакомому только что пришедшее на его имя письмо, и сколько разъ та же услуга оказывалась мнѣ! Нерѣдко приходится слышать подобные разговоры:

— Ну, что? Получили?

— Нѣтъ... Не знаю, что и думать!...

— Да письма часто теряются... Завтра, вѣрно, получите.

— Вамъ есть письмо! слышится въ другомъ мѣстѣ.

— Не можетъ быть!

— Право, NN взялъ вамъ передать.

Въ тотъ моментъ, когда въ лагерь приходитъ почта, въ заброшенной на чужбину арміи чувствуется, что дорогая родина не забыла ея, что она мысленно живетъ ея жизнью, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ, торжествуетъ при ея успѣхахъ и соболизнуетъ въ неудачахъ. Благодаря телеграфу, газетамъ и письмамъ, поддерживается въ арміи тотъ народный

духъ, безъ котораго армія превращается въ мертвый организмъ, въ случайный сбродъ людей, не знающихъ за что и зачѣмъ ихъ ведутъ на бой. Мнѣ случилось ознакомиться, конечно, добросовѣстнымъ путемъ, съ содержаніемъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ солдатами отъ ихъ родственниковъ или сослуживцевъ. Въ каждомъ письмѣ, вмѣстѣ съ благословеніемъ „на вѣки нерушимымъ“ и съ безконечными поклонами, непремѣнно содержится какая нибудь гражданская, патріотическая нотка. Родители пишутъ, что они молятъ Бога о сохраненіи любезнаго сына и увѣрены, что онъ порадуетъ Царя и, послуживъ честно, вернется здоровъ и невредимъ. Сослуживецъ сожалеетъ, что онъ еще не въ походѣ, когда пріятель „доблестно сражается“, и надѣется, что и до нихъ дойдетъ чередъ. Рѣдко какое письмо, на имя солдата, не приходитъ безъ денегъ. Кто получить рубль, кто два, три, даже до десяти. Эти небольшія суммы, обыкновенно, составляютъ въ складчину, отъ всѣхъ родственниковъ. „Родители ваши (говорится, на примѣръ, въ письмѣ), Спиридонъ Кузьмичъ и Аграфена Ивановна шлютъ вамъ свое родительское благословеніе, усердный поклонъ и 25 копѣекъ деньгами; супруга ваша Марья Петровна нижайшій поклонъ и 50 копѣекъ деньгами, братецъ вашъ...“ и т. д. Родители, обыкновенно, шлютъ большую сумму, нежели другіе родственники, а жена — больше, нежели родители. Такимъ образомъ и составляется рубль, два и болѣе. Солдаты, въ свою очередь, почти всегда посылаютъ домой подарки.

Полученныя въ лагерѣ письма составляютъ достояніе не только тѣхъ лицъ, кому они адресованы, но и многихъ другихъ. Интересныя вѣсти передаются друзьямъ, знакомымъ. Все это показываетъ, какое важное значеніе для арміи имѣетъ правильное устройство полевой почты.

Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что въ доставкѣ писемъ, приходящихъ на имя солдатъ, происходитъ часто большія замедленія. Вмѣсто того, чтобъ денежное письмо отправить прямо въ полкъ или въ ту часть, гдѣ служитъ получатель, полевая почта, точно также какъ и наша мирная и туго

реформируемая почта, посылает повѣстку и ждет, чтобъ за письмомъ явилось довѣренное отъ полка лицо. Обязанность эта лежитъ, обыкновенно, на казначеѣ, который не можетъ отлучаться часто, за каждымъ рублемъ, тѣмъ болѣе, если часть расположена за десять, иногда и болѣе верстъ.... Поэтому, иногда по мѣсяцамъ и болѣе солдатскія письма валяются на почтѣ и накапливается ихъ такая масса, что и получить затруднительно. Все это усложняется еще безконечными довѣренностями, свидѣтельствами, росписками. Сколько разъ случалось, что пролежавшее слишкомъ долго письмо не заставало уже получателя въ живыхъ, или раненый, больной, онъ поступилъ въ госпиталь и увезенъ куда нибудь, гдѣ и отыскать его трудно. Очень вѣроятно, что полевая почта могла бы упростить тѣ порядки въ доставкѣ денежной и страховой корреспонденціи, которыя и въ мирное время всѣхъ стѣсняютъ, безъ видимой надобности. Прямая обязанность придумать удобнѣйшіе для этого способы—лежитъ, конечно, на завѣдующемъ полевой почтою. Такимъ лицомъ на мало-азіатскомъ театрѣ войны является статскій совѣтникъ Городенскій; но онъ, къ сожалѣнію, болѣе всего придумывалъ способы полученія чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и какого нибудь ордена съ мечами. Занятіе, конечно, ничего худого не представляющее и, какъ видно, даже способствующее процвѣтанію здоровья: г. Городенскій, какъ я имѣлъ удовольствіе замѣтить, видимо растолстѣлъ къ концу лѣта, точно также, какъ и его бѣлая лошадь; все, это безъ сомнѣнія, — благодаря „неусыпнымъ заботамъ и неутомимымъ трудамъ“.

Отправляется почта изъ лагеря, за весьма рѣдкими исключеніями, также каждый день, обыкновенно въ 9—10 часовъ утра. Денежную или страховую корреспонденцію нужно было сдавать наканунѣ, часовъ до 2-хъ дня; простые же письма бросаются въ большой почтовый ящикъ, поставленный у входа въ палатку, или передаются почтовому чиновнику, для наложенія штемпеля „полевая почта“; приѣмъ продолжался часовъ до 10—11 вечера. Возлѣ почты, я всегда замѣчалъ большіе кожаные чемоданы, наполненные посылками. Въ извѣст-

ные часы дня чемоданы эти раскрывались и получатели могли являться за своими посылками. Но, странное дѣло, число нерозданныхъ посылокъ все увеличивалось и увеличивалось; вѣроятно и тутъ какія нибудь излишнія формальности. Около почты всегда находился караулъ. Свои письма, обыкновенно, я отправлялъ простыми и ни одного изъ нихъ не пропало. Разъ только безслѣдно исчезло письмо, отправленное на почту черезъ нарочнаго, съ Саганлуга; но говорили, потомъ, что нарочный этотъ былъ перехваченъ турками. Зато въ полученіи адресованной на мое имя корреспонденціи случались неисправности: первое денежное письмо попало въ мои руки только черезъ мѣсяць по отправленіи его изъ Петербурга; посылаемую же на мое имя газету не удалось получить и вовсе.

Другое важное для арміи и тѣсно связанное съ почтою учрежденіе составляетъ телеграфъ. Въ настоящее время, первымъ дѣломъ военного лагеря озабочиться немедленнымъ устройствомъ телеграфной линіи, которая связывала бы армію съ телеграфною сѣтью не только своего государства, но и цѣлаго свѣта. Глядя въ лагерь на телеграфные столбы, съ протянутою на нихъ проволокою, вы успокоиваетесь, зная, что эта проволока достигаетъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ вашей родины, что посредствомъ ея вы, въ тотъ же день, можете получить или передать важное для васъ извѣстіе, что въ случаѣ нужды, путемъ ея можетъ скорѣе придти необходимая помощь, что армія въ одинъ день можетъ подѣлиться съ цѣлымъ свѣтомъ своими радостями и своимъ горемъ, а важныя для арміи распоряженія не засядутъ гдѣ нибудь на почтовой станціи, съ ея вѣчно заспаннымъ и сердитымъ смотрителемъ, не завязнуть въ невылазномъ болотѣ, а долетятъ куда слѣдуетъ, быстрѣе птицы, безъ усталости. Когда я пріѣхалъ въ Малую Азію, до Кюрюкь-Дара былъ уже устроенъ „государственный“ телеграфъ; но отъ Кюрюкь-Дара (представлявшего нѣчто въ родѣ военной станціи, для складовъ, запасовъ и лазаретовъ) до займскаго лагеря протянута была линія военно-походнаго телеграфа. Впослѣдствіи, когда мы

перешли въ Мацру, государственный телеграфъ доведенъ былъ до этого лагеря, а военно-походный устанавливался между нашими лагерями. При отступленіи, конечно, всѣ эти линіи опять сняли. Устройство государственнаго телеграфа, безъ сомнѣнія, требуетъ болѣе времени, нежели военно-походнаго; оно затрудняется особенно недостаткомъ лѣса въ этой части Арменіи. Зато передача телеграммъ идетъ гораздо быстрѣе по государственному телеграфу, нежели по военно походному. Когда въ лагерѣ былъ только одинъ военно-походный телеграфъ, почти невозможно было отправлять частныя депеши. Онѣ накаплились сотнями и задерживались иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ Александрополь, въ Тифлисъ выгоднѣе было послать письмо, — почта доходила скорѣе электромагнитнаго тока. Часто случалось, что частныя телеграммы и вовсе не принимались, въ виду накопленія казенныхъ. Для телеграммъ корреспондентовъ, то есть адресованныхъ въ редакціи газетъ и предназначенныхъ къ опубликованію, дѣлались, впрочемъ, исключенія; подобныя депеши отправлялись въ первой очереди, послѣ казенныхъ. Какъ и слѣдуетъ, общественнымъ интересамъ давалось первое мѣсто, передъ частными. Но, какъ сказано, и частныя интересы имѣютъ важное значеніе, — они должны удовлетворяться, насколько это зависитъ отъ государства и его представителей; для частныхъ же депешъ телеграфъ, первое время, утрачивалъ всякое значеніе, точно его и совсѣмъ не существовало. Вскорѣ, однако, догадались принять слѣдующую, оказавшуюся очень практичною, мѣру: всѣ частныя депеши, два раза въ день, стали отправлять въ Кюрюкъ-Дара, съ нарочнымъ; отсюда, по государственному телеграфу, телеграммы шли уже безъ особыхъ задержекъ. Депеши, поданныя утромъ, посылались съ нарочнымъ въ 12 часовъ дня; поступившія же послѣ полудня отправлялись вечеромъ. Отъ лагеря до Кюрюкъ-Дара было верстъ 20 — 25, такъ что замедленіе сводилось всего на нѣскольке часовъ.

Основная причина не совсѣмъ удовлетворительнаго дѣйствія военно-походнаго телеграфа заключается въ томъ, что

вся цѣль этого учрежденія приспособлена исключительно къ военнымъ потребностямъ, да притомъ потребностямъ, теоретически сознаннымъ въ мирное время или во время лѣтнихъ лагерныхъ упражненій войскъ. Военно-походный телеграфъ имѣетъ только одну проволоку и подвижныя станціи его, т. е. кареты, приспособлены только къ дѣйствію одного аппарата, что чрезвычайно замедляетъ ходъ телеграфной корреспонденціи. Наконецъ, военные телеграфисты менѣе образованы и имѣютъ гораздо менѣе навыка, нежели гражданскіе ихъ собраты по искусству. Офицерамъ военно-телеграфнаго вѣдомства приходится работать какъ воламъ и зорко слѣдить, чтобъ подчиненные имъ телеграфисты-солдаты не напутали чего, не переврали важную депешу, при передачѣ или полученіи ея. Легко представить, какія прискорбныя недоразумѣнія могутъ выйти, если переданное по телеграфу распоряженіе или донесеніе будетъ искажено телеграфистомъ! Телеграфными станціями въ нашемъ лагерѣ завѣдывали два саперные офицера, братья Калишевскіе, оба прекрасные, образованные молодые люди. Они изъ кожи лѣзли, и не изъ-за награды, а по чувству долга, по сердечному участію къ интересамъ общаго дѣла, — чтобъ телеграфная служба исполнялась безупречно; но, тѣмъ не менѣе, бывали примѣры искаженія очень важныхъ военныхъ телеграммъ *). Избѣгнуть подобныхъ случаевъ невозможно; для этого, завѣдующему станціей нужно самому превратиться въ телеграфиста и отказать отъ малѣйшаго отдыха, потому что телеграфъ работаетъ день и ночь. Казалось бы, что военное вѣдомство должно бы было отречься отъ „своихъ“ телеграфистовъ и на время войны брать изъ гражданскаго вѣдомства лучшихъ и опытнѣйшихъ телеграфистовъ, возвысивъ ихъ права, вознагражденіе и отвѣтственность. Законъ о всеобщей воинской повинности упрощаетъ выполнение этой мѣры. Точно также слѣдовало бы придти къ сознанію, что устройство военно-по-

*) Одинъ изъ этихъ случаевъ будетъ приведенъ въ своемъ мѣстѣ.

ходного телеграфа не должно сообразоваться исключительно съ потребностями чисто военного свойства. Военно-походный телеграфъ, какъ и полевая почта, должны одинаково служить всѣмъ интересамъ того живаго организма, который представляется арміей, начиная отъ общихъ и кончая частными. Въ Красномъ Селѣ, или въ другомъ лагерѣ, гдѣ рядомъ съ военно-походнымъ телеграфомъ существуетъ государственный. нѣтъ надобности обременять военно-походный телеграфъ частными депешами но въ военное время, въ арміи, находящейся на непріятельской территоріи, военно-походный телеграфъ долженъ быть къ услугамъ всѣхъ отдѣльныхъ единицъ, всѣхъ лицъ, входящихъ въ ея составъ, или тѣмъ или другимъ путемъ съ нею связанныхъ. Къ тѣмъ же легкимъ, выполированнымъ столбамъ военного телеграфа не трудно привѣшивать вторую проволоку; въ телеграфной каретѣ можно имѣть два аппарата, вмѣсто одного, для чего находящееся впереди кареты бюро, на которомъ записываются телеграммы, выдаются росписки и проч., можно уничтожить, какъ излишнюю роскошь: всѣ эти манипуляціи легко производить и въ палаткѣ, на простомъ, складномъ, легко перевозимомъ столбѣ.

Въ лагерѣ при Кюрюкъ-Дара и потомъ на Караалѣ, станція государственнаго телеграфа помѣщалась въ войлочной киргизской палаткѣ. Круглая, довольно обширная палатка эта представляла совершенно достаточно мѣста для помѣщенія двухъ аппаратовъ и довольно большого стола для приѣма и выдачи корреспонденціи. Перевозка такой „станціи“, я думаю, болѣе удобна, нежели передвиженіе увѣсистой телеграфной кареты. Въ этой станціи принимались всѣ депеши, какъ казенныя, такъ и частныя, предназначенныя на Кавказъ, въ Россію и Европу. Военно-походный телеграфъ служилъ исключительно для передачи распоряженій и донесеній военного свойства между различными частями нашего отряда. Полученныя въ лагерѣ депеши, обыкновенно довольно исправно разносились по назначенію. Телеграфное агентство доставляло свои политическія телеграммы, которыя немедленно

литографировались въ корпусномъ штабѣ и распространялись въ лагерѣ. Военно-походный телеграфъ устанавливается и снимается довольно скоро; можно сказать, что телеграфная линія въ состояніи непрерывно слѣдовать за движеніемъ войскъ, лишь бы телеграфныхъ парковъ было достаточно. Въ Малой Азіи ихъ было на 75 верстъ. Въ одинъ часъ телеграфъ устанавливается на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ, если передвиженіе обоза мыслимо съ такою скоростью. Телеграфный паркъ состоитъ изъ дрогъ, на которыя укладываются столбы и проволока, и каретъ съ аппаратами. На концѣ телеграфныхъ столбиковъ имѣется металлическое остріе, такъ что при установкѣ ихъ нѣтъ надобности копать землю. Сначала привѣшивается проволока, а потомъ уже столбъ втыкается въ землю.

Важныя услуги, приносимыя арміи полевою почтою и телеграфомъ, мыслимы, конечно, только во время болѣе или менѣе продолжительныхъ лагерныхъ стоянокъ, такъ часто случающихся при осадѣ или блокадѣ непріятельскихъ крѣпостей, укрѣпленныхъ позицій, наконецъ, при сосредоточеніи войскъ или во время неизбѣжныхъ прерывовъ между военными дѣйствіями. Главная квартира и главные силы всегда передвигаются медленно. Стоянка въ одинъ, два, три дня уже достаточно, чтобы телеграфная и почтовая служба могла отпираться; она обязана слѣдовать за главными силами. Во время же быстрыхъ или безостановочныхъ передвиженій и экспедицій отдѣльныхъ отрядовъ приходится прощаться и съ письмами, и съ телеграммами, и съ газетами. Въ такихъ случаяхъ отдѣльныя лица, иногда даже цѣлыя отряды отрѣзываются отъ всего міра: они предоставлены сами себѣ, живутъ только внутреннею своею жизнью, видятъ и знаютъ только то, что творится на пространствѣ доступнаго глазу горизонта. Въ такомъ изолированномъ положеніи мнѣ приходилось бывать до 12 дней. Положеніе тягостное. Можно себѣ представить, что должны испытывать гарнизоны осажденныхъ и блокированныхъ со всѣхъ сторонъ крѣпостей, или тѣ арміи и отряды, въ которыхъ пренебрегаютъ устройст-

вомъ правильныхъ почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній! Не завидна участь и того народа, который обреченъ на невѣдѣніе, что дѣлается съ родными и близкими въ арміи, что совершается на тѣхъ отдаленныхъ поляхъ, гдѣ на время войны поставлены на карту народная честь, слава, ближайшее будущее.

Обходя лагерь, нельзя не обратить вниманіе на двѣ длинныя, въ родѣ санитарныхъ, палатки, изъ которыхъ каждая окружена десяткомъ офицерскихъ палатокъ. Въ одной изъ нихъ помѣщается интендантское управленіе, въ другой казначейская часть дѣйствующаго корпуса. Офицерскія палатки занимаютъ интендантскіе и казначейскіе чиновники. Войдемте въ палатку, около которой стоятъ шесть съ флагомъ и надписью „Полевая касса“. Вдоль палатки, обитой внутри сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, стоятъ, въ два ряда, небольшіе деревянные складные столики и такіе же табуретки. Столы завалены толстыми книгами, ассигновками, вѣдомостями, счетами. Около всего этого трудятся чиновники въ вицъ-мундирахъ министерства финансовъ; но и эти вицъ-мундиры приняли воинственный видъ: на плечахъ виднѣются погоны съ золотыми жгутами; высокіе сапоги на ногахъ еще живѣе указываютъ, что вы не въ казначейской комнатѣ какого нибудь уѣзднаго городишка, а въ лагерь, въ походѣ. Полевой кассѣ работы много, она трудится съ утра до ночи, экстренныя выдачи случаются непрерывно и не терпятъ отлагательства, а между тѣмъ всѣ формальности счетоводства должны быть соблюдены. Полевая касса учрежденіе новое и очень полезное, въ видахъ правильности расходованія казенныхъ суммъ и бережливости. Прежде начальство арміи требовало только денегъ отъ министерства финансовъ, расходовало ихъ и отчитывалось послѣ, часто по окончаніи войны, когда многое и повѣрить невозможно. Теперь въ арміи, въ военное время, соблюдается, по возможности, та же система, которая принесла не мало пользы и при выполненіи государственныхъ расходовъ въ послѣдніе годы, со времени введенія единства кассы и отдѣленія казначейской части отъ

распорядителей кредита. Учрежденіемъ полевыхъ кассъ министерство финансовъ идетъ на встрѣчу желаній добросовѣстныхъ начальниковъ арміи, избавляя ихъ отъ излишнихъ хлопотъ по чуждой имъ специальности: полевая касса хранитъ казенныя деньги, расходуетъ ихъ только на основаніи правильныхъ документовъ, скрѣпленныхъ компетентными подписями и ежеминутно можетъ представить отчетъ по денежной части арміи. Безъ сомнѣнія, однако, не мало и теперь проявляется попытокъ освободиться отъ услугъ, оказываемыхъ полевой кассою. При наймѣ, на примѣръ, подводъ для передвиженія воинскихъ тяжестей, казалось бы, всего проще присылать самихъ подводчиковъ или ихъ уполномоченныхъ въ полевую кассу за полученіемъ слѣдующихъ имъ денегъ; но, обыкновенно, лица, непосредственно распоряжающіяся подобнымъ наймомъ, предпочитаютъ брать авансомъ суммы и отчитываться въ нихъ огуломъ. Въ нѣкоторыхъ отрядахъ предпочитали вовсе обходиться безъ полевой кассы, какъ, на примѣръ, въ эриванскомъ отрядѣ генерала Тергукасова. Да и въ нашемъ лагерь, въ главныхъ силахъ дѣйствующаго корпуса, нерѣдко приходилось слышать мнѣнія, что полевая касса представляетъ излишнее бремя для войскъ, что это одна изъ тѣхъ тяжестей, которая только стѣсняетъ быстроту движеній отряда и т. п. Тѣмъ не менѣе, однако, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ не захотѣлъ разстаться съ этимъ полезнымъ учрежденіемъ и не отослалъ полевую кассу въ Александрополь, какъ многіе совѣтовали даже при нашемъ отступленіи, когда дѣйствительно приходилось заботиться, чтобъ отрядъ какъ можно менѣе былъ обремененъ обозами и „излишними тяжестями“.

Полевая касса, безъ сомнѣнія, также охраняется часовыми. Денежные сундуки помѣщаются и перевозятся въ особомъ фургонѣ, который и разыгрываетъ роль казначейской кладовой. Въ эту кладовую проникаютъ не иначе, какъ съ «присяжными», которыхъ полевая касса не забыла захватить съ собою. Въ полевой кассѣ не было недостатка въ мелкихъ кредитныхъ билетахъ и серебряной разнѣнной монетѣ; началь-

никъ полевой кассы, очень милый, любезный человекъ, никогда не отказывалъ въ размѣнѣ денегъ. Наоборотъ, нѣкоторые встрѣчали иногда затрудненія въ промѣнѣ мелкихъ кредитныхъ билетовъ на сторублевые. Любители всевозможной статистики не разъ даже совѣтовали собрать въ полевой почтѣ не безынтересныя свѣдѣнія о томъ, кѣмъ и сколько такихъ сторублевыхъ отправлено было изъ лагеря на Кавказъ и въ Россію. Понятно, однако, что подобная статистика обнаружилась бы только лицъ болѣе откровенныхъ и не могла бы дать понятіе о количествѣ вымѣненныхъ сторублевыхъ бумажекъ, если онѣ не отсылались по почтѣ, а отвозились при оказіи или хранились до поры, до времени.

Полевое интендантство помѣщается также, какъ и полевая касса. Здѣсь только вы встрѣчаетесь уже съ знаменитыми интендантскимъ писаремъ и извѣстнымъ мундиромъ интендантства. Мундиръ этотъ, однако, не внушалъ у насъ въ лагерѣ того чувства брезгливости, какое ему свойственно возбуждать въ нашемъ обществѣ, да и во многихъ другихъ странахъ. Вѣроятно, это происходило отъ того, что интендантская часть въ нашемъ отрядѣ была въ порядкѣ. Не знаю, во что она обходилась казнѣ, по крайней мѣрѣ солдаты были одѣты и сыты, что главное *). Служащіе въ полевомъ интендантствѣ ничѣмъ не отличались отъ другихъ штабныхъ чиновниковъ и, подъ конецъ, даже прославились въ лагерѣ своею предприимчивостью и распорядительностью: образовавъ изъ себя артель, они завели особаго маркитанта, у котораго можно было довольно сносно пообѣдать и поужинать и, притомъ, дешево, нежели у корпуснаго и другихъ маркитантовъ.

Остальныя военныя управленія, какъ-то: артиллерійское полевое, артиллерійское осадное, инженерное, медицинская и военно-топографическая часть, размѣщались такъ, что по наружности присутствіе ихъ въ лагерѣ и замѣтить было трудно. Офицеры и чиновники, принадлежащіе къ этимъ управленіямъ,

*) Все, что мнѣ извѣстно по этому предмету, сообщено въ особой главѣ: „По возвращеніи съ театра войны“.

жили и «служили» въ обыкновенныхъ офицерскихъ палаткахъ. Даже штабъ имѣлъ особую киргизскую палатку только для писарей. Полевой военный судъ водрузилъ было замѣтное помѣщеніе, большой парусинный наметъ, для храма военной Ѳеиды, но оставаться ему въ лагерѣ пришлось недолго и пребываніе его ознаменовалось только однимъ публичнымъ засѣданіемъ, да необыкновенно грубою сценою между военнымъ прокуроромъ и однимъ изъ чиновниковъ военно-судебнаго вѣдомства. Характерно, что этому чиновнику поручалась защита подсудимыхъ и онъ творилъ ее безъ малѣйшаго вниманія къ самому снисходительному терпѣнію слушателей; въ данномъ же случаѣ, ему пришлось еще плачевнѣе защищать самого себя отъ „непечатныхъ выраженій“ военнаго прокурора.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Положеніе дѣлъ въ срединѣ мая.

Блестящая военная картина.—Кажущееся безсиліе турокъ.—Мусса-паша.—Кавалерійское дѣло подъ Бегли-Ахметомъ.—Южный и сѣверный лагери.

18-го мая, когда я пріѣхалъ въ нашъ лагерь при селеніи Заимѣ, положеніе дѣлъ на мало-азіатскомъ театрѣ войны представлялось въ самомъ блестящемъ видѣ. Не прошло и пяти недѣль, какъ война была объявлена, а войска наши по всей линіи были въ наступленіи и занимали значительную часть непріятельской территоріи. Военныя дѣйствія открылись въ самый день объявленія войны, 12-го апрѣля. Турки были застигнуты врасплохъ. Ихъ аванпосты, по всей пограничной чертѣ, сдались почти безъ выстрѣла, когда утромъ, 12-го апрѣля, на нихъ нагрянула наша кавалерія. Въ нѣсколько часовъ мы имѣли уже около ста плѣнныхъ. Кавалерія переправилась черезъ Арпачай въ бродъ; пѣхота же, артиллерія и обозы переходили эту пограничную рѣку по двумъ мостамъ, быстро наведеннымъ противъ Александрополя и Баяндюра. Погода была холодная, шелъ дождь, порывистый вѣтеръ почти не стихалъ и бушевалъ, по временамъ, съ страшной силой, дороги были испорчены; но войска вступали на непріятельскую территорію съ музыкой и пѣснями; они были веселы, здоровы и увѣрены въ себѣ; они рвались въ бой съ тѣмъ увлеченіемъ,

всю силу котораго можно понять только взвѣсивши невыразимо-томительное выжидательное положеніе ихъ во время боѣ нежели полугодовой стоянки на границѣ, въ самый разгаръ сербской войны и въ теченіе послѣдовавшихъ за нею дипломатическихъ сношеній. Первое время казалось, что вся забота турокъ заключалась въ томъ, какъ бы вѣрнѣе уйти отъ нашихъ отрядовъ или укрыться, по крайней мѣрѣ, отъ нихъ за бастионами и траншеями крѣпостей. Непріятельской арміи точно не существовало: она заперлась въ Ардаганѣ и Карсѣ; турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша, словно перепуганный, поспѣшилъ уйти съ нѣсколькими батальонами за Саганлугъ, причемъ нѣсколько сотенъ казаковъ преслѣдовали турокъ до подножія этого горнаго хребта и успѣли захватить отсталыхъ, выюки и патронные ящики. „Мухтарка удралъ“, говорили тогда; дѣйствительно, поспѣшное отступленіе его имѣло видъ бѣгства; оставленные позади крѣпости Карсъ и Ардаганъ онъ, казалось, бросилъ на произволъ судьбы, заботясь лишь о томъ, чтобъ самому подальше укрыться отъ нашихъ войскъ. Не прошло и недѣли, а мы очутились уже полными хозяевами въ Карсскомъ пашалыкѣ. Небольшіе отряды кавалеріи безнаказанно шныряли въ тылу турецкихъ крѣпостей, отдаваясь за сто и болѣе верстъ отъ главныхъ силъ. Отъ Александрополя до заимскаго лагеря можно было ѣхать безъ конвоя; армянское населеніе встрѣчало наши войска съ хлѣбомъ-солью, съ духовенствомъ во главѣ, какъ давно жданныхъ друзей, какъ освободителей; турецкія селенія не обнаруживали непріязни и не выходили изъ пассивной роли. Казалось, имъ все равно было, русскіе или турецкіе паши будутъ править въ странѣ. Войска ни въ чемъ не нуждались. Продолствіе въ изобиліи подвозилось имъ мѣстными жителями, благодаря установленнымъ выгоднымъ цѣнамъ. Наши кредитныя бумажки ходили вмѣсто звонкой монеты и принимались охотнѣе турецкихъ. Курды присмирѣли и обнаруживали намѣреніе перейти въ наши ряды. Карапахи, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, поступили въ нашу службу и, какъ вороны, кружились впереди и по слѣдамъ нашихъ отрядовъ, разыгры-

вая роль преданнѣйшихъ друзей. Имъ платили хорошее жалованье и они прекратили на время свои грабежи. Турецкія войска смирно сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ, почти не осмѣливаясь выходить даже на фуражировки; но и укрѣпленія эти, можно было думать, не представляли серьезной преграды побѣдоносному шествію нашихъ войскъ: на югѣ, Баязетъ, безъ выстрѣла, былъ очищенъ. Тергукасовъ уже 1-го мая свободно достигъ до Сурнъ-Оганеса; на сѣверѣ, послѣ нѣсколькихъ часовъ артиллерійскаго огня, смѣлымъ натискомъ войскъ ахалцыхскаго отряда и колонны генераль-лейтенанта Геймана, взятъ сильно укрѣпленный Ардаганъ, съ его 92 прекрасными орудіями и множествомъ интендантскихъ и артиллерійскихъ запасовъ. Точно также легко было занять Кагызманъ, очень важный пунктъ для поддержанія сообщеній главныхъ силъ съ эриванскимъ отрядомъ.

Съ 8-го мая войска изъ ахалцыхскаго и александропольскаго отрядовъ, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Ардаганѣ, сосредоточились въ заимскомъ лагерѣ, въ 20-ти верстахъ къ сѣверу около Карса. Никто не сомнѣвался, что эту крѣпость скоро ждетъ участь, постигшая Ардаганъ; въ Тифлисѣ, въ Александрополѣ, по всей дорогѣ, совѣтовали мнѣ торопиться, чтобы быть свидѣтелемъ паденія Карса; въ лагерѣ только и слышались разсужденія о томъ, съ какой стороны лучше подойти на приступъ.

Нѣкоторую дисгармонію съ этой блестящею военною картиною составляли лишь вѣсти, доходившія изъ ріонскаго отряда и со стороны нашего черноморскаго побережья. Войска генерала Окложію, ужъ со втораго дня, по переходѣ за границу, должны были покупать каждый свой шагъ цѣною крови; турки, пользуясь естественными преградами, представляемыми густыми лѣсами и кручами Кджарскихъ горъ, оказывали упорное сопротивленіе, заставляя наши войска брать съ боя каждую новую позицію. Съ другой стороны, почти безпрепятственная высадка турокъ въ Сухумъ и быстрое отступленіе генерала Кравченки, вмѣстѣ съ вспыхнувшимъ въ Абхазіи возстаніемъ, могли играть роль перваго предостереже-

нія, обнаруживая, что борьба съ турками можетъ обратиться въ болѣе трудное и серьезное дѣло, нежели это казалось сначала подъ упоеніемъ первыхъ успѣховъ. Но въ началѣ мая все это представлялось не боѣе, какъ легкимъ, мимолетнымъ облачкомъ на чистой синевѣ лѣтняго нѣба; о черныхъ тучахъ, заставшихъ потомъ, почти безъ просвѣта, горизонтъ, страшно было и помышлять!..

Въ самый день прибытія моего въ заимскій лагерь, произошло славное кавалерійское дѣло подъ Бегли-Ахмедомъ *).

Расположеніе нашихъ войскъ около Карса было слѣдующее: въ заимскомъ лагерѣ оставалась 39-я пѣхотная дивизія генерала Девели, саперный батальонъ и сводная кавалерійская дивизія генерала Шереметева съ ихъ артиллеріей; тутъ же сосредоточены были всѣ военно-полевые управленія и тяжести отряда; въ заимскомъ лагерѣ главное начальство поручено было генераль-лейтенанту Девелю. Колонна генераль-лейтенанта Геймана, состоявшая изъ кавказской гренадерской дивизіи, сапернаго батальона и гренадерской артиллерійской бригады, выступивъ изъ заимскаго лагеря 15-го мая, направилась вдоль восточныхъ укрѣпленій Карса, на югъ, и 17-го мая находилась въ селеніи Хаджи-халиль. Во все это время погода была ненастная; непрестанные дожди испортили и тѣ плохія дороги, которыя существуютъ въ Малой Азіи; поэтому движеніе войскъ было очень затруднено. Еще раньше колонны генерала Геймана, при которой находился и командующій корпусомъ, генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, осталшая кавалерія отряда, подъ общимъ начальствомъ генераль-майора князя Чавчавадзе, выступила по тому же направленію. 17-го мая, пѣхотная колонна генерала Геймана и кавалерія князя Чавчавадзе соединились у селенія Хаджи-халиль. Между тѣмъ, изъ донесеній разъѣздовъ было извѣстно, что въ верстахъ 30-ти еще далѣе къ югу, на пути сообщеній Карса съ Эрзерумомъ, пока-

*) Это было то самое дѣло, о которомъ въ одинѣхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена была телеграмма, возвѣщающая публикѣ, что на „курской“ дорогѣ разбита „морская кавалерія“.

зались значительныя массы непріятельской кавалеріи изъ-за Саганлуга. Поэтому, вечеромъ 17-го мая кавалерійскому отряду князя Чавчавадзе приказано было выступить къ селенію Какячъ, за которымъ, какъ полагали, расположенъ былъ непріятельскій станъ.

Наша кавалерія вышла съ бивуака Хаджи-халиля въ пять часовъ пополудни. Въ составъ ея входили нижегородскій и сѣверскій драгунскіе полки, три казачьихъ полка и нѣсколько сотенъ иррегулярной кавалеріи; всего 8 эскадроновъ и 30 сотенъ; съ ними было 16 орудій казачьей артиллеріи (2-я кубанская и 1-я терская конныя батареи). Благодаря дурнымъ дорогамъ, только къ 12 часамъ ночи отрядъ подошелъ къ берегу Карсъ-чая, противъ селенія Бегли-Ахметъ. На возвышенномъ, противоположномъ берегу, на большомъ пространствѣ, виднѣлись бивуачные огни. Это была турецкая кавалерія, спокойно расположившаяся на ночлегъ; непріятель оказался ближе, нежели можно было ожидать, онъ шелъ намъ на встрѣчу.

Прежде нежели рѣшиться на атаку непріятельскаго бивуака, необходимо было разузнать, не скрывается ли за кавалеріей турецкая пѣхота. Развѣзды присылали довольно противорѣчивыя свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе, изъ донесеній ихъ выяснилось, что у Бегли-Ахмета расположена кавалерія Муссапаши, т. е. бывшаго генерала русской службы Кундухова, выселившагося въ 60-хъ годахъ въ Турцію съ нѣсколькими тысячами кавказскихъ горцевъ. Изъ этихъ горцевъ и состоялъ теперь отрядъ Кундухова. Говорили, что Кундуховъ имѣлъ личную неприязнь къ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову и похвалялся, что возьметъ его въ плѣнъ, неожиданнымъ ночнымъ налетомъ на нашъ лагерь. Съ этою цѣлью, будто бы, Кундуховъ и приближался къ нашему отряду. Имѣли или нѣтъ основаніе эти толки, но они были очень распространены. Между тѣмъ, самому Кундухову едва удалось спастись отъ участи, которую онъ готовилъ, по слухамъ, командующему корпусомъ. Князь Чавчавадзе рѣшилъ неожиданно напасть на бивуакъ Кундухова на разсвѣтъ, *со всехъ сторонъ*.

Съ этою цѣлью, наша кавалерія раздѣлена была на три колонны, изъ которыхъ правая и лѣвая должны были обойти непріятеля съ обоеихъ фланговъ и зайти въ тылъ, а средняя, подъ личнымъ начальствомъ князя Чавчавадзе, двинуться на него съ фронта. Въ два часа ночи всѣ три колонны переправились черезъ Карсъ-чай и начали свое наступленіе. Средней колоннѣ, очевидно, было ближе къ непріятелю и потому она, подойдя къ турецкому бивуаку на двѣ версты, остановилась, выжидая разсвѣта и обходнаго движенія правой и лѣвой колоннъ. Но едва нижегородцы и 1-й волжскій казачій полкъ, бывшіе въ средней колоннѣ построились на занятой позиціи, какъ слѣва раздался одиночный выстрѣлъ, за нимъ другой, потомъ послѣдовали залпы, а черезъ нѣсколько минутъ на сосѣдней возвышенности уже гремѣла неумолкаемая ружейная пальба. Оказалось, что непріятель замѣтилъ лѣвую колонну князя Эристова, сбившуюся въ темнотѣ направленіемъ и преждевременно наткнувшуюся на бивуакъ. Турецкая кавалерія, вооруженная магазинными ружьями, имѣющими по 16 зарядовъ, палила непрерывно, тогда какъ конно-иррегулярные полки, бывшіе въ колоннѣ князя Эристова, могли отвѣчать только изъ своихъ плохихъ кремневыхъ винтовокъ. Состоявшіе на нашей службѣ кавказскіе горцы, подъ покровомъ ночи, сражались съ своими выселенными собратами, получившими отъ турокъ самое усовершенствованное оружіе. По направленію выстрѣловъ не трудно было догадаться, что непріятель бралъ ужъ верхъ надъ озадаченными сотнями князя Эристова; о нашей правой колоннѣ не было еще ни слуху, ни духу. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было медлить: на выручку князя Эристова посланы были волжскіе казаки и 2-й эскадронъ нижегородцевъ. Ударивъ въ шашки, наша кавалерія погнала непріятеля. Перестрѣлка все болѣе и болѣе удалялась влѣво. Между тѣмъ остальные эскадроны нижегородскаго полка съ артиллеріей продолжали подвигаться впередъ. На возвышенности, справа, показалась новая масса кавалеріи. Полагая, что это наша правая колонна, князь Чавчавадзе, съ своимъ штабомъ, поѣхалъ къ ней на встрѣчу, подвигаясь по

склоу горы. Вдругъ, гребень высоты запылалъ огнемъ и азался хорошо выдержанный залпъ. Это были новыя массы турецкой кавалеріи, очутившейся на правомъ флангѣ и отчасти въ тылу нижегородцевъ. Но этотъ полкъ не изъ такихъ, чтобъ теряться при неожиданной встрѣчѣ съ непріятелемъ! Не мѣшая ни минуты, ближайшій къ непріятелю 3-й эскадронъ поднялся на высоту и врѣзался въ турецкіе ряды. Нѣсколько минутъ кипѣлъ рукопашный бой; горцы, какъ извѣстно, очень хорошо владѣютъ шашкой, ихъ было двойное число, сравнительно съ нашими, но знаменитые нижегородцы никогда не давали тылъ передъ непріятелемъ: скоро турецкіе всадники дрогнули и побѣжали подъ ударами удалыхъ драгунъ. 3-й эскадронъ преслѣдовалъ ихъ по направленію колонны князя Эристова. Между тѣмъ, за первымъ эшелономъ непріятеля, остальные два эскадрона нижегородцевъ наткнулись на второй. На этотъ разъ турецкая кавалерія стрѣляла не только изъ ружей, но и изъ орудій. Тогда бросился на нихъ въ атаку 4-й эскадронъ нижегородскаго полка. Этой атаки непріятель не выдержалъ и далъ тылъ. Преслѣдуя ихъ, 4-й эскадронъ наткнулся на главныя силы Кундухова, расположенныя у самаго селенія Бегли-Ахметъ. По пятамъ бѣжавшихъ, драгуны ворвались въ непріятельскій станъ. Отчаянная рукопашная схватка снова завязалась. Послѣдній, не бывшій еще въ дѣлѣ эскадронъ драгунъ бросился на помощь своимъ; но онъ прискакалъ поздно: ихъ храбрые товарищи и безъ того ужъ справились: непріятель обратился въ бѣгство, бросивъ орудія, выюки, не подобравъ убитыхъ. Правая колонна нашей кавалеріи не могла во-время поспѣть къ б. ю. Сраженіе неожиданно началось раньше, нежели она могла зайти, по крутинной дорогѣ, въ тылъ. Только благодаря этой случайности, совершенно разстроенной турецкой кавалеріи удалось убѣжать. Утомленные большимъ переходомъ и продолжительностью боя люди и лошади въ состояніи были преслѣдовать непріятеля не болѣе 15-ти верстъ. Это славное кавалерійское дѣло стоило намъ, сравнительно, незначительной потери: въ темнотѣ, хотя и мы пута-

лись, но и непріятель не могъ метко стрѣлять изъ своихъ магазинныхъ ружей. У насъ смертельно раненъ, шашкою въ голову, прапорщикъ нижегородскаго полка баронъ де-Форретъ, убито 11 и ранено 26 нижнихъ чиновъ. Лошадей было изъ строя 80. Непріятель оставилъ на полѣ сраженія 80 тѣлъ и 30 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного полковника. Я видѣлъ потомъ два орудія, отбитыя въ этомъ дѣлѣ: это были отличныя, отдѣланныя какъ туалетная вещица, небольшія, стальные пушки; они попали въ наши руки вмѣстѣ съ мулами, которые ихъ возили.

Послѣ кавалерійской побѣды у Бегли-Ахмета, пѣхота генерала Геймана перешла на южную сторону Карса. Можно было ожидать, что разбитая турецкая кавалерія составляла только авангардъ Мухтара-паши. Хотя посланные разъѣзды и не открыли турецкихъ войскъ на всемъ пространствѣ, до Саганлугскаго хребта, но генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ рѣшилъ расположить отрядъ генерала Геймана на путяхъ сообщенія Карса съ Эрзерумомъ. Такое положеніе могло быть полезно и въ случаѣ дѣйствій противъ Карса, и въ случаѣ движенія къ Саганлугу, на встрѣчу арміи Мухтара-паши, еслибъ она появилась. Къ 23-му мая нашъ южный отрядъ окончательно сталъ лагеремъ на мѣстности у селенія Аравартанъ; въ то же время войска заимскаго лагеря перешли на десять верстъ ближе къ Карсу и расположились у селенія Мацра (Мезра). Для связи съ обоими отрядами выдвинута была на западную сторону Карса, къ деревнѣ Самоватъ, часть кавалеріи генерала Шереметева и установленъ военно-походный телеграфъ. Лагерь при селеніи Мацра находился почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1855 году стоялъ Баклановъ съ своимъ отрядомъ. Говорили, что сохранились еще слѣды хлѣбныхъ печей, устроенныхъ 22 года назадъ нашими войсками, но мнѣ не удалось видѣть этихъ наглядныхъ знаковъ нашей прежней кампаніи въ Малой Азіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О к о л о К а р с а .

Предположеніе идти на Эрзерумъ.— Налетъ на Ольту. — Пріѣздъ главно-командующаго.—Карскія укрѣпленія.—Предположенія насчетъ штурма.—
Ночь со 2-го на 3-е іюня.—Первая неудача.

Наступалъ конецъ мая, драгоцѣнное и въ военномъ дѣлѣ время уходило и уходило, а мы все стояли или кружились около Карса. Очень важно было на что нибудь рѣшиться и рѣшиться безотлагательно: или брать Карсъ, или идти далѣе, на Эрзерумъ, противъ арміи Мухтара, чтобы не дать ей организовать, оставивъ подъ Карсомъ только наблюдательный отрядъ. Въ кампанію 1855 года главнѣйшія наши военныя дѣйствія и цѣли сосредоточивались около Карса; но тогда въ этой крѣпости заключена была главнѣйшая часть аналійской арміи и другихъ войскъ у турокъ почти не было. Омеръ-паша высадилъ свою армію на черноморскомъ побережьи, гдѣ она безцѣльно утопала въ грязи и болотахъ Мингреліи, на берегахъ Ингура. Въ нынѣшнюю же войну турки распорядились несравненно умнѣе. Въ Карсѣ у нихъ былъ гарнизонъ отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ, достаточный только для обороны этой крѣпости; главнѣйшая же армія формировалась и сосредоточивалась около Эрзерума, за Саганлугскимъ хребтомъ. Затративъ время и силы на взятіе такой сильной крѣпости, какъ Карсъ, мы не рѣшали участи

паніи; послѣ успѣшной осады, а можетъ быть и во время ея, намъ пришлось бы еще вѣдаться съ нетронутой и многочисленной арміей непріятеля. Къ тому же, не въ Карсѣ, а въ Эрзерумѣ сосредоточивались всѣ военные запасы и другія условія, играющія важную роль при формированіи и сборѣ турецкихъ войскъ. Прочное занятіе Эрзерума обезпечивало бы за нами всю страну, начиная отъ долины Ефрата—на югѣ, до Аджарскихъ горъ—на сѣверѣ. Не слѣдуетъ забывать, съ другой стороны, что и Европейская Турція черпаетъ свои главнѣйшія военныя силы изъ Малой Азіи. Занятіе такого важнаго пункта, какъ Эрзерумъ, въ значительной степени парализовало бы этотъ источникъ. Что касается до Карса, то онъ вынужденъ былъ бы сдаться безъ боя. Наблюдательный отрядъ въ два-три полка пѣхоты и нѣсколько казачьихъ полковъ, были бы совершенно достаточны, чтобы не дозволить карскому гарнизону предпринимать вылазки и фуражировки на значительное разстояніе. Въ этомъ отношеніи мы имѣли уже опытъ во время ардаганской экспедиціи, когда подъ Карсомъ оставались очень незначительныя силы. Недостатокъ продовольственныхъ запасовъ слѣлалъ бы, современемъ, то, что не въ состояніи, часто, совершить крупновскія пушки и самыя отчаянныя штурмы.

Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, какъ мнѣ достоверно извѣстно, склонялся въ пользу немедленнаго движенія за Саганлугъ. Въ срединѣ мая, предположенію этому дала сильную поддержку отважная экспедиція, предпринятая ардаганскимъ отрядомъ. Начальникомъ нѣсколькихъ батальоновъ и конныхъ сотенъ, оставленныхъ въ Ардаганѣ, былъ полковникъ Комаровъ, младшій братъ генерала, командовавшего кавказскою гренадерскою дивизіею. 20-го мая, полковникъ Комаровъ, съ частью своего отряда, выступилъ изъ Ардагана и въ два дня, смѣлымъ налетомъ, нагрянулъ на часть турецкихъ войскъ, охранявшихъ сѣверный проходъ черезъ Саганлугскій хребетъ, въ ущельи Пенякъ и въ г. Ольты. Расположенные здѣсь турецкія войска имѣли, между прочимъ, цѣлью дѣйствовать, при первой возможности, противъ Арда-

гана. Полковникъ Комаровъ предупредилъ ихъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Турки отступили безъ боя, а наши войска заняли Пенякъ и Ольты, захвативъ значительное число различныхъ военныхъ запасовъ, въ томъ числѣ 2,000 ружей и 500,000 патроновъ. Оцѣнивая всю важность этихъ двухъ пунктовъ, въ случаѣ движенія на Саганлугъ, полковникъ Комаровъ донесъ командующему корпусу, что не движется, обратно, изъ Ольты, не получивъ на то особаго приказанія.

Такимъ образомъ, часть необходимыхъ условій къ движению за Саганлугъ была уже соблюдена: сѣверный путь находился уже въ нашихъ рукахъ; горные проходы по дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, не были заняты турками; отряду генерала Тергукасова также не трудно было бы подвинуться впередъ, особенно при совокупномъ наступленіи главныхъ силъ и ардаганскаго отряда на фланги и тылъ турецкой арміи, которая тогда еще не вполне была готова къ дѣйствію. Сосредоточившись у Гассанъ-Кале или въ другомъ пунктѣ, у Эрзерума, всѣ три отряда могли бы представить очень достаточныя силы для операцій противъ войскъ Мухтара-паши. Но для всего этого нужно было торопиться; необходимо было еще, чтобъ ріонскій отрядъ генерала Окложію прекратилъ свое трудное и стратегически неважное наступленіе противъ Батума и укрѣпленныхъ турками позицій, покровительствуемыхъ огнемъ непріятельскихъ броненосцевъ; генераль Окложію (какъ и случилось впоследствии, послѣ ряда неудачъ и значительныхъ потерь) могъ бы занять оборонительное положеніе, а добрая часть его войскъ перешла бы къ главнымъ силамъ или для охраненія тыла ихъ.

Для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ и предположеній необходимъ былъ пріѣздъ великаго князя главнокомандующаго; но пріѣздъ этотъ задерживался возстаніемъ въ Абхазіи, все болѣе и болѣе разгоравшимся, и волненіями въ другихъ частяхъ Кавказа. Полковнику Комарову послано было приказаніе отступить въ Ардаганъ, куда онъ и выступилъ 25-го мая; а изъ Александрополя, какъ можно скорѣе, потребована

была осадная артиллерія. Все это служило признаками, что саганлугская экспедиція на время отложена, что рѣшено прежде раздѣлаться съ Карсомъ. По господствовавшему, однако, въ лагерѣ убѣжденію, такая раздѣлка не могла настъ задержать на долго. Для взятія Карса, по мнѣнію многихъ, было необходимо: 1) устройство осадныхъ батарей, для чего считалось достаточнымъ одной ночи; 2) три дня усиленной, непрерывной бомбардировки и, наконецъ, штурмъ одного или двухъ укрѣпленій. Изъ остальныхъ, полагали, перепуганные турки сами побѣгутъ, да и карсскіе жители ихъ выгонять... Мы мѣряли, такимъ образомъ, на ардаганскій аршинъ!..

26-го мая состоялся пріѣздъ августѣйшаго главнокомандующаго въ лагерь при с. Мапра. Приближеніе этой минуты чувствовалось уже за нѣсколько дней. Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, оставивъ отрядъ Геймана въ Аравартанѣ, вернулся въ нашъ сѣверный лагерь. На особо отведенномъ и тщательно убранномъ отъ камней мѣстѣ, въ центрѣ лагеря, раскинулись палатки главной квартиры. На первой линейкѣ, въ срединѣ, одиноко, стояла ставка главнокомандующаго; съ боковъ, на нѣкоторомъ разстояніи, и сзади ея протянулись палатки чиновъ главной квартиры и свиты. Въ послѣднемъ ряду раскинуть продолговатый столовый шатеръ. Далѣе опять стояли палатки, назначенныя для прислуги, за ними шли коновязи лошадей главной квартиры и, наконецъ, бивуакъ конвоя.

Установка и устройство главной квартиры служили не малымъ развлеченіемъ для нашего лагеря, въ эти дни застоя въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кто не призванъ былъ самъ хлопотать, тотъ ограничивался осмотромъ того городка, который съ виду имѣло помѣщеніе главной квартиры; кто не могъ сдѣлать осмотра, тотъ ограничивался наблюденіями издали или распросомъ другихъ. Войска приготовлялись къ возможноторжественной встрѣчѣ главнокомандующаго. Лагерь чистился и прибирался. Комендантъ, казалось, удвоился и былъ въ движеніи, болѣе нежели когда нибудь. Кое гдѣ учреждены были новые караулы, чтобъ лишній людъ не шатался и уста-

новленный наружный порядокъ не былъ нарушенъ. Наконецъ, послѣ обѣда, 26-го мая, все было готово къ приему августѣйшаго главнокомандующаго. За исключеніемъ дежурныхъ частей, батальоны 39-й пѣхотной дивизіи, подъ ружьемъ, съ распущенными знаменами и музыкою, въ лагерной парадной формѣ, заняли свои мѣста, еще съ утра обозначенныя желнерами. Угломъ отъ пѣхоты стояли артиллерійскія роты. Нѣсколько разъ заблаговременно прорепетированный, почетный караулъ отъ бакинскаго полка, со знаменемъ и музыкою, вытянулся въ струнку около походной церкви, у входа которой ожидало военное духовенство въ облаченіи. Начальство, въ мундирахъ, лентахъ и шарфахъ, готовилось сѣсть на лошадей. Штабные и свободные отъ службы офицеры, главные военные медики и чиновники военныхъ управленій, въ парадной формѣ, вытянулись въ длинную линію около почетнаго караула. Словомъ, нашъ военный лагерь превратился на минуту въ своего рода Царицынъ лугъ.

Съ наблюдательнаго поста, впереди лагеря, уже версть за пять виднѣлось приближеніе экипажей главной квартиры, окруженныхъ казаками. Спустившись въ небольшую балку, бывшую впереди лагеря, экипажи остановились. Великій князь главнокомандующій сѣлъ на коня и въ сопровожденіи свиты направился къ лагерю. Взвились сигнальныя ракеты, на передовой линейкѣ выстроились караулы и забили барабаны. Корпусный командиръ, со свитой, поскакалъ на встрѣчу. Не сходя съ лошади, августѣйшій главнокомандующій обнялъ и поцѣловалъ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова. Далѣе, съ обнаженной саблей и почетнымъ рапортомъ, лихо подскакалъ генералъ Девель, командовавшій парадомъ и скоро оглушительное „ура“ и торжественные звуки музыки огласили лагерь: главнокомандующій объѣзжалъ войска. Проскакавъ по фронту, главнокомандующій еще разъ объѣхалъ войска, чтобы благодарить каждую отдѣльную часть, за недавніе военные подвиги. Затѣмъ онъ зашелъ въ церковь, а послѣ этого принялъ почетный караулъ. По окончаніи парада, всѣ разошлись довольные привѣтливостью и похвалами великаго князя и

надеждою на рѣшительныя дѣйствія. По окончаніи торжественной встрѣчи, опять приходилось вспомнить о туркахъ, о войнѣ, о Карсѣ, укрѣпленія котораго ужъ мы довольно долго созерцали то съ той, то съ другой стороны.

Вечеръ и слѣдующій день прошли частью въ отдыхѣ, частью въ совѣщаніяхъ начальства. Вѣроятнымъ послѣдствіемъ этихъ совѣщаній слѣдуетъ считать, что второй бригадѣ 39-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генерала Ореуса, приказано было перейти на лѣвую сторону Карсъ-чая и расположиться на нѣсколько выдвинутой позиціи, впереди Бердыхъ-чая и с. Меликъ-кевъ.

28-го мая, главнокомандующій ѣздилъ въ лагерь генерала Геймана. Путь лежалъ по западной сторонѣ карсскихъ укрѣпленій, черезъ Чалгаурскія горы. Этотъ путь мнѣ пришлось совершить уже второй разъ; теперь мы ѣхали по значительно улучшенной и разработанной дорогѣ, на всемъ протяженіи которой насъ встрѣчали различныя части кавалеріи. Тутъ и впервые имѣлъ удовольствіе видѣть нижегородцевъ и сѣверцевъ, а въ аравартанскомъ лагерѣ—знаменитые полки кавказской гренадерской дивизіи, съ которыми пришлось потомъ переживать столько радостей и горя. Въ аравартанскомъ лагерѣ повторилась встрѣча, устроенная 26-го мая въ Мацрѣ. Во время нашего отдыха и обѣда, со стороны сѣверныхъ и восточныхъ укрѣпленій Карса слышались довольно частые орудійные выстрѣлы. Возвратившись, мы узнали, что лагерь генерала Ореуса, у Меликъ-кева, былъ засыпанъ турецкими гранатами. Незамѣтно выдвинувъ полевую батарею изъ Мухлиса, турки открыли по нашему лагерю учащенную пальбу. По счастью, особыхъ потерь этотъ сюрпризъ не причинилъ отряду генерала Ореуса. Не смотря на гранаты, батальоны собрались безъ всякаго переполоха, а батареи быстро выдвинулись и прогнали непрошенныхъ гостей. Между тѣмъ, на правомъ, противоположномъ берегу Карсъ-чая, значительное число турецкихъ батальоновъ вышли изъ-за укрѣпленій Карадага и Арабъ-Табія и двинулись противъ лагеря при с. Мацра. Въ это время, генералъ Девель, инженеры и артиллерійскіе

офицеры производили рекогносцировку, выбирая мѣста для будущихъ осадныхъ батарей. Генераль Девель, замѣтивъ рѣшительное наступленіе турокъ, вызвалъ остававшуюся въ лагерѣ первую бригаду своей дивизіи. Какъ только показались наши батальоны, турки не замедлили повернуть назадъ. Все дѣло кончилось одной тревогой.

Обсуждая этотъ случай, нѣкоторые удивлялись, откуда это турки набрались такой смѣлости, рѣшаясь, среди бѣлаго дня, наступать на нашъ лагерь? Большинство же, на основаніи росказней лазутчиковъ, держались того мнѣнія, что на подобныя выходки карскій гарнизонъ вынужденъ вслѣдствіе тревожнаго настроенія жителей города, настоятельно требующихъ, чтобъ гарнизонъ или далъ сраженіе русскимъ, или очистилъ крѣпость. Наученное печальнымъ опытомъ прошлой войны, карское населеніе и слышать, будто бы, не хотѣло объ осадѣ: при первой, пущенной съ нашей стороны, гранатѣ, оно взбунтуется и потребуетъ сдачи крѣпости. „Только съ трудомъ и ложными обѣщаніями о приходѣ арміи Мухтара-паши жители Карса сдерживаются отъ безпорядковъ“, прибавляли, къ этимъ разсужденіямъ, наши лагерные вѣстовщики. Съ такими-то успокоительными мыслями приступали мы къ осаднымъ дѣйствіямъ подъ Карсомъ.

Осадная артиллерія и паркъ, наконецъ, прибыли въ лагерь. Доставлено было всего 110 или 115 орудій, изъ которыхъ большую часть составляли 24-фунтовыя нарѣзные, заряжающіяся съ казенной части пушки и 6-ти дюймовыя мортиры. Выстроившись въ два ряда, осадныя орудія заняли довольно обширное пространство и представляли очень внушительный видъ. Армяне и турки сосѣднихъ селъ съ любопытствомъ на нихъ посматривали; другіе были уже близко знакомы съ ними, такъ какъ везли ихъ изъ Александрополя и Кюрюкъ-Дара. По той же причинѣ, знали они хорошо и приблизительное количество доставленныхъ въ лагерь снарядовъ. Теперь значительное часло арбъ согнано было для доставки орудій и снарядовъ на мѣсто будущихъ батарей. Сосѣднее населеніе видѣло также, какъ изготовлялись платформы подъ орудія и

штурмовыя лѣстницы изъ дерева, проданнаго и доставленнаго изъ сосѣднихъ деревень. Указываю на всѣ эти факты, чтобы засвидѣтельствовать, что не отъ корреспондентовъ и не изъ газетъ непріятель узнаетъ необходимыя ему свѣдѣнія; онъ не настолько простъ, чтобъ дней двадцать ожидать петербургскихъ или лондонскихъ газетъ и изъ просмотра ихъ почерпать указанія для своихъ дѣйствій; тѣ временныя успѣхи, которые турки имѣли, приобрѣтены ими не на основаніи преслѣдованія газетъ и корреспондентовъ. Съ другой стороны, я не знаю и никто мнѣ ни разу не указалъ случая, который доказывалъ бы, что мы воспользовались хотя однимъ разоблаченіемъ или нескромностью европейской печати насчетъ турецкихъ позицій, плановъ и силъ. Во время осадныхъ дѣйствій подъ Карсомъ, я и нѣкоторые другіе корреспонденты постоянно слѣдили за ходомъ работъ и часто посѣщали самыя батареи: однако, отъ того никакого вреда не произошло. Мы воздерживались отъ описанія многихъ фактовъ, относящихся до хода осады, и публика о нихъ до сихъ поръ не вѣдаетъ; но туркамъ ничто не мѣшало своевременно знать эти факты лучше насъ всѣхъ. Мало того, мнѣ не разъ случалось удостовѣриться, что на лагерномъ базарѣ самыя важныя секреты узнавались всегда раньше, часто за нѣсколько дней, нежели они дѣлались достояніемъ корреспондентовъ и даже начальниковъ отдѣльныхъ частей. Все это очень понятно; мы жили и дѣйствовали не въ безлюдной степи, а среди населенной страны; населеніе это имѣетъ глаза и уши, съ которыми, къ сожалѣнію, нельзя поступить, какъ съ корреспонденціею или газетною статьею.

Первая осадная батарея сооружена была ночью, 29-го мая, впереди лагеря генерала Ореуса. Она была въ четыре орудія и предназначалась не для дѣйствія противъ турецкихъ укрѣпленій, а для обстрѣливанія тѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагено было соорудить ужъ настоящія осадныя батареи. Съ тою же цѣлью построены были, въ слѣдующую ночь, двѣ батареи на правомъ берегу Карсъ-чая, на небольшой возвышенности, именуемой Кабахъ-тапа.

Карсскія укрѣпленія остались почти на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они существовали и въ 1855 году. Безъ сомнѣнія, вѣѣшность и сила редутовъ и укрѣпленій значительно измѣнились и представляли теперь несравненно больше затрудненій для нападающаго. Такъ, напримѣръ, болѣе доступныя тогда Шорахскія высоты и Чахмахская возвышенность имѣли теперь очень грозный видъ. Карсскія укрѣпленія, какъ извѣстно, славятся тѣмъ, что они сооружены на возвышенностяхъ, представляющихъ какъ бы естественные форты; осаждающему же негдѣ поставить батарей, которыя командовали бы надъ укрѣпленіями крѣпости и могли производить сколько нибудь дѣйствительный огонь. Идти на штурмъ приходится по открытой мѣстности, а эскаладу дѣлать по страшной крутизнѣ, которая и безъ искусственныхъ препятствій представляетъ много затрудненій. При нынѣшнемъ беспощадномъ ружейномъ огнѣ, трудно даже вообразить, какаѣ сверхъестественная сила могла бы помочь штурмующему проникнуть въ подобныя укрѣпленія!

Между тѣмъ, повторяю, мы заготовили уже штурмовыя лѣстницы и готовились справиться съ Карсомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Юго-восточная сторона Карса болѣе доступна; здѣсь оборона только искусственная, естественныхъ препятствій нѣтъ. Фортъ Хафизъ-паша расположенъ на равнинѣ; но допустивъ, что эта часть укрѣпленій была бы взята, мы очутились бы тогда подъ страшнымъ огнемъ съ Карадага и Араба, которые, вмѣстѣ съ цитаделью, возвышаются надъ городомъ и юго-восточными укрѣпленіями. Удержаться тутъ было бы трудно. У насъ предположено было соорудить до семи батарей противъ шорахскихъ укрѣпленій: Техмасъ, Типъ-тапеси и Лазъ-тапеси; главнымъ же образомъ сосредоточить огонь на сѣверныхъ укрѣпленіяхъ, противъ Мухлиса и особенно противъ Араба или „арабки“, какъ его прозвали солдаты, и Карадага. Большая часть батарей предполагалась на правой сторонѣ Карсъ-чая.

Изъ этого видно, что предполагалось штурмовать Арабъ и Карадагъ; противъ всѣхъ западныхъ укрѣпленій и Мухлиса

дѣйствовать только демонстративно, для отвлеченія силъ гарнизона, а южную и восточную стороны оставить совершенно свободными. Этимъ надѣялись устроить туркамъ „золотой мостъ“, какъ въ Ардаганѣ. Разсчитывали, что послѣ занятія нами хотя одного сильнаго укрѣпленія, гарнизонъ, побуждаемый страхомъ и волненіями карсскихъ жителей, убѣжить по оставленному ему широкому пути къ Саганлугу. Тутъ ужъ его доканала бы наша кавалерія, стоявшая на юго-западѣ, возлѣ Аравартана.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюня рѣшено было разомъ соорудить и вооружить всѣ батареи, какъ съ сѣверной стороны, такъ и противъ Шорахскихъ высотъ. Первая задача выпадала на войска генерала Девеля, а вторая—на эриванскій отрядъ генерала Геймана. Вечеромъ, въ одинъ часъ, войска обоихъ лагерей должны были двинуться съ орудіями на назначенныя мѣста и построить въ теченіе ночи батареи, съ такимъ расчетомъ, чтобъ, съ разсвѣтомъ, по всей линіи могла загорѣться канонада. Въ первоначальномъ планѣ произошло только слѣдующее измѣненіе: признано, что имѣть только одну бригаду въ Мацрѣ, противъ Араба и Карадага, особенно въ виду штурма, было бы слишкомъ недостаточно; поэтому вторая бригада 39-й дивизіи была возвращена изъ Меликъ-кева, а вмѣстѣ съ тѣмъ не кому уже было сооружать и прикрывать батареи противъ Мухлиса, на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, отдѣленномъ отъ праваго огромнымъ оврагомъ и очень крутыми спусками. Поэтому, предположеніе соорудить здѣсь нѣсколько батарей было отмѣнено, а прежде устроенныя батареи, впереди лагеря генерала Ореуса,—сняты.

2-го іюня, цѣлый день въ лагерѣ замѣчалась лихорадочная дѣятельность. Войска готовились къ усиленной ночной работѣ, снабжались пищею и шанцевымъ инструментомъ. Артиллерійскіе снаряды укладывались на арбы и вывозились на мѣстность впереди лагеря; туда же направлялись и осадныя орудія. Полевые батареи готовились поддержать, въ случаѣ нужды, своимъ огнемъ сооруженіе батарей. Часамъ къ семи вечера все уже было на мѣстѣ, въ довольно просторной

ложбинѣ, версты полторы впереди лагеря. До Карса было до восьми верстѣ; батареи предполагалось соорудить на разстояніи 1,500 — 1,700 сажень отъ укрѣплений; такимъ образомъ, ночью нужно было придвинуться впередъ верстѣ на пять. Желая быть свидѣтелемъ всей этой сложной работы, я сѣлъ на коня и выѣхалъ изъ лагеря. Въ ложбинѣ, о которой я упомянулъ, арбы съ снарядами стояли еще въ безпорядочной кучѣ; осадными орудіями выстраивались по четыре; раздавались командныя слова, суетились артиллерійскіе офицеры, каждый около своихъ пушекъ. Впереди своихъ четырехъ орудій, уже изготовленныхъ къ походу, сидѣлъ на конѣ, насупившись и закутанный въ бурку мой добрый знакомецъ Р. Я подъѣхалъ, чтобъ позвать ему руку и пожелать успѣха.

— Пріѣзжайте же завтра на мою батарею, говоритъ онъ.

— Непремѣнно пріѣду...

— Что-жъ, по уговору, шампанское будетъ? спрашиваетъ другой артиллеристъ.

— Прежде-то подбейте орудія Арабки.

— Да ужъ это, какъ Богъ святъ!

Мы простились и я ѣду дальше. Войска выстраиваются по числу батарей; назначенныя для земляныхъ работъ части, кромѣ воинскаго вооруженія, снабжены кирками, топорами; досками для платформъ. У каждого солдата я замѣчаю нѣсколько полотняныхъ мѣшковъ. Одинъ изъ этихъ мѣшковъ мнѣ показываютъ. Полотно довольно тонкое; длина мѣшка около аршина, ширина на половину меньше. Ихъ набьютъ землею, составятъ изъ нихъ стѣнки и пересыпятъ еще слоємъ земли, а сверху дерну положить, чтобъ непріятелю не была замѣтна профиль батареи. Впереди этихъ рабочихъ командъ, стоятъ войска, которыя будутъ прикрывать работы, выдвинувшись впередъ. Если турки вздумаютъ сдѣлать вылазку, эти войска должны энергично отбросить ихъ. Подавать сигналы, даже курить не велѣно; идти приказано въ полнѣйшей тишинѣ, чтобъ турки не замѣтили. Команды и распоряженія будутъ передаваться словесно, черезъ ординарцевъ и адъютантовъ.

Еще часа два до начала движенія. Ожидать скучно. Впереди раздаются выстрѣлы съ нашихъ подготовительныхъ батарей на Кабахъ-тапѣ. Завтра часть этихъ орудій снимется, такъ какъ надобности въ нихъ ужъ не будетъ. Я поѣхалъ на Кабахъ-тапу. Турки стрѣляютъ лѣниво; когда мы молчимъ, и они бездѣйствуютъ; мы начинаемъ палить, и они отвѣчаютъ. Непріятельскія снаряды падаютъ или впереди батареи, или позади ея. На Арабкѣ есть пушка, которая иногда возьметъ да и удеретъ такую штуку, что снарядъ лѣтитъ съ версту и далѣе за наши батареи. У насъ такихъ дальнихъ орудій нѣтъ. Самое безопасное, сравнительно, мѣсто по бокамъ батареи, гдѣ обыкновенно и располагается прикрытіе. Не дурно также и на самой батарее, позади бруствера. Какъ только сигнальщикъ закричитъ „граната!“ или „опять пустилъ, ваше благородіе!“, обыкновенно, раздается команда „сидись“ и прислуга орудій лѣниво, не торопясь, усаживается около бруствера. Сердито жужжа и сверля воздухъ, перелетаетъ снарядъ черезъ головы, ударяется въ землю и взрывается, подымая коричневый столбъ дыма и пыли. Опять раздается команда „къ орудіямъ“, и наши спѣшатъ возвратитъ гостинецъ. „Первое“ или „второе пли!“ кричитъ офицеръ, провѣривъ наводчика, и батарея вздрагиваетъ отъ оглушительнаго выстрѣла 24-хъ фунтовой пушки или шестидюймовой мортиры.

Поглазѣвъ на батарею, возвращаюсь назадъ. Густыя, темныя тучи, съ юга и запада, заволакиваютъ горизонтъ. „Какъ бы дождь не помѣшалъ“, думается мнѣ. Подъѣзжаю къ войскамъ и вижу уже около нихъ генерала Девеля. Онъ лично принялъ команду и собирается провести въ полѣ всю ночь. Только что онъ объѣхалъ батальоны и сказалъ короткую, но сильную рѣчь. Генераль Девель отлично умѣетъ говорить съ солдатами. Узнавъ, наконецъ, что ихъ ведутъ не на рекогносцировку, а на дѣйствительное дѣло, войска отвѣчали генералу воодушевленнымъ „ура“: многія шапки полетѣли въ воздухъ.

Генераль Девель приказываетъ выдвинуть цѣпь и самъ

командуетъ, какимъ частямъ гдѣ расположиться. Сильный голосъ его раздается далеко, не хуже трубы. Въ это время сталъ накрапывать дождь и скоро сдѣлался настоящій ливень.

— Надѣтъ шинели, вольно! командуетъ генераль, а самъ остается въ одномъ сюртукѣ.

— Да вы бы хотя пальто надѣли, говорю я.

— А вы бы не мокли, отвѣчаетъ онъ.

Мнѣ и хочется вернуться въ лагерь, но я рѣшительно прогоняю эту малодушную мысль. Если всѣ они мокнутъ, останусь на дождѣ и я. А дождь все льетъ и льетъ. Черезъ часъ, когда ужъ близко было ночи, земля сильно растворилась; ноги людей и лошадей сильно вязли и облипали клейкою грязью. Общее настроеніе нѣсколько охладилось. Къ генералу Девелю подѣхалъ начальникъ артиллерійской бригады.

— Трудно будетъ провести батареи, говорить онъ.

Генераль Девель ужъ самъ сознаетъ эту трудность, особенно для осадныхъ орудій. Къ тому же онъ только что удостоившись, что не всѣмъ офицерамъ, назначеннымъ начальниками работъ, были въ точности извѣстны мѣста будущихъ батарей. Нѣкоторые изъ нихъ знали это только по картѣ, а ночью и въ хорошо знакомой мѣстности легко ошибиться. Главнаго руководителя, инженеръ-полковника Бульмеринга, невозможно было отыскать; за нимъ ужъ послано нѣсколько ординарцевъ. „Пожалуй и къ свѣту не доберемся“, ворчитъ старый генераль, и приказываетъ начальнику дивизионнаго штаба ѣхать въ лагерь и доложить обо всемъ корпусному командиру.

— Не говорите только объ инженерахъ, это устроится! добавляетъ въ догонку генераль Девель.

Сообщивъ, что пройдетъ еще добрый часъ, пока возникшее недоразумѣніе разъяснится и что въ это время можно усѣсть напиться чаю и потеплѣе одѣться, я тоже поскакалъ въ лагерь. Получивъ увѣдомленіе генерала Девеля, командующій корпусомъ самъ отправился къ войскамъ. Въ то же время, генералу Гейману послана была телеграмма, съ извѣще-

ніемъ, что вслѣдствіе дождя движеніе впереди Мацры будетъ затруднительно и что генераль Девель высказывается въ пользу отмѣны предположенныхъ работъ. Долго не было отвѣта изъ эриванскаго лагеря. Наконецъ, около полуночи пришла телеграмма генерала Геймана. Изъ нея было видно, что телеграфъ что-то напуталъ, такъ какъ генераль Гейманъ понималъ, что движеніе къ Мацрѣ отмѣнено окончательно, не дожидаясь его мнѣнія; поэтому, извѣщалъ генераль Гейманъ, онъ приказалъ своимъ войскамъ возвратиться въ лагерь. Между тѣмъ отрядъ генерала Девеля былъ ужъ въ пути и нѣкоторыя части приступили даже къ сооруженію батарей. Корпусный командиръ находился при войскахъ. Очевидно, выходила путаница, предположенный планъ разрушался. Помощникъ начальника корпуснаго штаба, полковникъ Немировичъ Данченко, самъ повезъ депешу къ корпусному командиру.

Въ это время, со стороны Карса, ясно стали доноситься ружейные выстрѣлы. Одинъ залпъ слѣдовалъ за другимъ. „Мы открыты, турки провѣдали“, мелькнула у меня мысль. Я вскочилъ на коня и поскакалъ, стараясь догнать полковника Немировичъ-Данченко; но онъ ужъ успѣлъ проѣхать цѣпь, стоявшую впереди лагеря. Здѣсь меня остановили, такъ какъ я не зналъ пропуска; по счастью, караульный офицеръ узналъ меня и велѣлъ дать дорогу. Окунувшись, за лагеремъ, въ полнѣйшую тьму, я не могъ ѣхать скоро; на каждомъ шагу лошадь спотыкалась о камни; я пустилъ ее на угадъ. Взобрались мы, наконецъ, на какой-то пригорокъ и до меня сталъ доноситься спереди какой-то глухой шумъ; точно волны моря колыхались въ ночной темнотѣ. Чѣмъ болѣе подвигался я, тѣмъ шумъ становился яснѣе. Я различаю уже скрипъ осей и топанье лошадей. Въ темнотѣ почти натыкаюсь на арбы, нагруженные снарядами. Но, странное дѣло, онѣ идутъ не впередъ, а назадъ, въ лагерь.

— Вы сбились, батареи сзади васъ, говорю я конвойному солдату, котораго едва могу различить.

— Приказано вернуться, отвѣчаетъ тотъ, и какая-то сер-

дитая нотка звучить въ его голосѣ. — Эй, ты, шалтай-балтай, поварачивайся! кричитъ онъ на аробщика.

Полковникъ Немировичъ-Данченко не отыскалъ корпуснаго командира и передалъ полученную изъ южнаго отряда телеграмму генералу Девелю. Узнавъ, что войска генерала Геймана возвращены въ лагерь, генералъ Девель, не медля ни минуты, сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи и своихъ войскъ. Ординарцы поскакали во все стороны передать это приказаніе. Ночное отступленіе, съ осадными орудіями, дѣло трудное. Въ темнотѣ трудно было всехъ отыскать. Части были разбросаны на пространствѣ пяти-шести верстъ, по мѣстности волнистой, ночь непроглядная. Начатыя работы нужно было уничтожить; общее отступленіе слѣдовало тщательно прикрыть, чтобы турки не сдѣлали вылазки. По счастью, перестрѣлка замолкла; наши охотники наткнулись было на турецкую цѣпь; всполошенный непріятель открылъ огонь, но наши не отвѣчали.

Здѣсь кстати сказать, что когда вызвали охотниковъ, для чего опрашивали каждую роту, то впередъ вышли все ряды; въ неохотникахъ никого не осталось и пришлось сформировать охотничью команду по жребію, или по назначенію. Таковъ духъ нашихъ войскъ!

Только къ разсвѣту, усталыя и разочарованныя, войска вернулись въ лагерь. Отступленіе совершенно благополучно, безъ всякихъ потерь, хотя многимъ, особенно штабнымъ офицерамъ, развозившимъ приказанія, пришлось порядочно поблуждать въ темнотѣ. Все были недовольны этою первою неудачею, — проклинали дождь, винили военно-походный телеграфъ. На другой или третій день послѣ этой ночи, получены были тревожныя извѣстія изъ Баязета; отъ генерала Тергукасова всемъ не было извѣстій. 3-го іюня турки сдѣлали неожиданное нападеніе на аравартанскій лагерь, въ надеждѣ, что большая часть войскъ его оставила и ушла за Саганлугъ. Карскій гарнизонъ, какъ видно, ужь зналъ, что необходимость заставить насъ сдѣлать эту экспедицію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Саганлугская экспедиція.

I.

Въ среду, 8-го іюня, мнѣ сказали, что командующій корпусомъ уѣзжаетъ въ лагерь генерала Геймана съ тѣмъ, чтобы на другой день предпринять движеніе на Саганлугъ и, быть можетъ, даже на Эрзерумъ, если обстоятельства поблагодарятъ. Не зная въ точности побудительныхъ причинъ этого движенія, нетрудно было, однако, догадаться, что оно направлено противъ Мухтара-паши, съ цѣлью или разбить его, или заставить отойти подальше отъ Карса на время рѣшительныхъ дѣйствій у этой крѣпости.

— Приводите къ намъ Мухтарку, говорили одни, обращаясь къ отъѣзжавшимъ.

— Лишь бы не уѣхалъ! Турки не такіе дураки, чтобы принять сраженіе. Мухтаръ-паша отойдетъ къ Эрзеруму, и мы только напрасно прогуляемся. Повѣрьте, ничего не выйдетъ.

Въ такомъ родѣ, большею частью, отвѣчали отъѣзжавшіе.

— А въ такомъ случаѣ мы возьмемъ Эрзерумъ, прибавляли другіе, — и тогда Карсъ самъ собою падетъ.

— Ну, батюшка, до Эрзерума далеко! А вотъ мы безъ васъ Карсъ возьмемъ, такъ это вѣрно, утѣшались остававшіеся.

— Ради Бога, не берите до нашего возвращенія.

Такіе разговоры слышались всюду, и я привожу ихъ нарочно, чтобъ охарактеризовать общее настроеніе здѣшнихъ войскъ и взглядъ большинства на турокъ. Упоенные несказанно легкимъ успѣхомъ при Ардаганѣ, войска ни во что уже ставили борьбу съ турками и только удивлялись, почему медлятъ и не ведутъ ихъ на штурмъ Карса, или отчего церемонятся съ Мухтаромъ-пашею, безнаказанно разгуливающимъ по Саганлугу.

Прошло уже болѣе мѣсяца со времени взятія Ардагана, а главныя силы дѣйствующаго корпуса стояли или кружились съ тѣхъ поръ въ виду укрѣплений Карса. Такое замедленіе приписывалось самымъ стороннимъ причинамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ стратегіей и тактикой. Многіе были увѣрены, что Карсъ могъ быть давно въ нашей власти, а войска Мухтара-паши разбѣжались бы, еслибъ мы захотѣли занять Эрзерумъ.

Прислушиваясь къ подобнымъ толкамъ и мнѣніямъ, я не зналъ, что дѣлать: ѣхать ли съ генераль-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ на Саганлугъ, или остаться подъ Карсомъ? Желательно было присутствовать при взятіи Карса, не хотѣлось упустить и разбитія на-голову Мухтара-паши, не говоря уже объ интересномъ переходѣ черезъ Саганлугскій хребетъ.

Въ это время въ лагерь при деревнѣ Мапра находились четыре корреспондента: отъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—Н. А. Потѣхинъ, отъ „Новаго Времени“—Н. В. Симборскій, отъ „Тифлискаго Вѣстника“ — Н. Я. Николадзе и я—отъ газеты „Голосъ“. Мы рѣшили раздѣлиться на двѣ партіи: гг. Потѣхинъ и Симборскій оставались подъ Карсомъ, а г. Николадзе и я предпочли отправиться на охоту за Мухтаромъ-пашею. Такимъ образомъ, думали мы, русское общество будетъ имѣть своевременно и отъ очевидцевъ описаніе главнѣйшихъ фазисовъ войны въ Малой Азіи. Уже корпусный обозъ былъ готовъ къ отправленію и мы собирались сѣсть на лошадей, какъ въ лагерь прибылъ корреспондентъ

газеты „Temps“, г. де-Кутули. Познакомившись съ нами, онъ также рѣшилъ присоединиться къ отряду генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Часовъ въ пять дня, мы тронулись въ путь, сопровождаемые пожеланіями успѣха и дружескими пожатіями рукъ. Еще разъ совершали мы хорошо знакомый путь кругомъ западной стороны карсскихъ укрѣплений. Съ Чалгаурскихъ высотъ очень хорошо видно было дѣйствіе нашихъ осадныхъ батарей, сооруженныхъ противъ Карадага, Арабъ-Табіи и отчасти Мухлиса. Мы любовались, какъ ловко нѣкоторые снаряды взрывались на валахъ и исходящихъ углахъ непріятельскихъ бастіоновъ. Особенно доставалось Арабу, который въ этотъ день былъ довольно сдержанъ и только изрѣдка бѣлый клубокъ дыма показывалъ, что орудія этого грознаго укрѣпленія могутъ еще потягаться съ нашими мортирами и двадцатичетырехфунтовками, незамѣтно лежавшими за чернѣющими издали брустверами батарей.

Лагерь генерала Геймана, находившійся съ юго-западной стороны Карса, у деревни Аравартана, представлялъ видъ бивуака, когда мы подъѣхали къ нему, часовъ въ восемь вечера. Палатки и всѣ тяжести были отправлены въ Мапру. Отрядъ двигался на легкѣ, имѣя только продовольственный запасъ на 18-ть дней и подвижной лазаретъ. Тѣмъ не менѣе, обозъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ, фургоновъ и арбъ. Насъ встрѣтили очень радушно. Отъ солдата до генерала — всѣ радовались предстоящему походу. Нѣкоторыя части гренадерской дивизіи, какъ, напримѣръ, мингрельскій полкъ, не были еще въ дѣлѣ и надѣялись наверстать свое при встрѣчѣ съ Мухтаромъ-пашею. Здѣшнія войска недовольны не тогда, когда имъ часто приходится идти на непріятеля, но тогда, когда ихъ оставляютъ въ резервѣ или при обозѣ.

Насъ засыпали рассказами о дѣлѣ 3-го іюля, въ которомъ главнѣйшая часть досталась на долю грузинскаго полка и особенно кавалеріи князя Чавчавадзе. Говорятъ, будто турки получили свѣдѣніе, что наши войска выступили изъ

Аравартана и въ лагерѣ остался только обозъ съ небольшимъ прикрытіемъ. Обманутые этимъ извѣстіемъ, турки рѣшились сдѣлать вылазку, чтобъ завладѣть лагеремъ. Около трехъ часовъ пополудни, часть карскаго гарнизона, въ составѣ восьми батальоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ батарей, спустилась съ Шорахскихъ высотъ и скрытно подошла къ возвышенностямъ, окружавшимъ лагерь при Аравартанѣ. Этому движенію благопріятствовало отсутствіе нашего пикета, по недоразумѣнію непоставленному въ тотъ день къ сторонѣ Карса. Въ лагерѣ предавались обычнымъ занятіямъ, когда неожиданно послышались выстрѣлы и между палатками зажужжали турецкія гранаты и пули. Ближе всѣхъ къ непріятелю находился гренадерскій грузинскій полкъ. Не теряя времени, два батальона грузинцевъ быстро собрались и двинулись на высоты, занимаемыя непріятелемъ. Стоявшіе въ лагерѣ, на позиціяхъ батареи, въ свою очередь, не замедлили открыть огонь. Четвертая легкая батарея подполковника Калауцкаго, снаряды которой, съ мѣста расположенія ея, не могли достигать непріятеля, быстро выдвинулась впередъ и меткими выстрѣлами стала поражать турецкую полевую артиллерию. Замѣтивъ наступленіе только двухъ батальоновъ, турки встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и, вопреки обыкновенію, не подавались назадъ. Тогда грузинцы ударили въ штыки и смѣло ворвались въ непріятельскіе ряды, принудивъ отступить ближайшіе батальоны и отодвинуть стрѣлявшія по лагерю батареи. Въ это время, въ подкрѣпленіе грузинцамъ, стали выходить другія части гренадерской дивизіи, а на лѣвомъ флангѣ турецкихъ войскъ показалась наша кавалерія. Говорятъ, генералъ Гейманъ нарочно медлилъ отбитіемъ турокъ, желая ихъ „заманить“ подальше отъ крѣпостныхъ верховъ и дать возможность нашей кавалеріи обойти ихъ съ тыла или фланга.

— Я отъучу ихъ дѣлать вылазки! будто бы, сказалъ генералъ Гейманъ, выразивъ даже неудовольствіе, что грузинцы и четвертая батарея черезчуръ горячо и не ожидая приказанія бросились на непріятеля.

Не ручаясь за достовѣрность, привожу этотъ рассказъ, какъ образецъ тѣхъ разговоровъ, которые приходится слышать послѣ cadaго удачнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, трудно обвинять части, незамедлившія броситься на непріятеля при неожиданномъ нападеніи его на лагерь; если это нападеніе было предвидѣно, слѣдовало предупредить начальниковъ частей и сдѣлать соотвѣтственные распоряженія; ожиданіе приказаній очень часто губитъ судьбу не только сраженій, но и пѣлыхъ кампаній. Какъ бы то ни было, кавалерія совершенно своевременно появилась на лѣвомъ флангѣ турокъ. Кавалерійская дивизія князя Чавчавадзе расположена была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ аравартанскаго лагеря. Узнавъ о вылазкѣ части карскаго гарнизона, князь Чавчавадзе двинулся съ нижегородскимъ и сѣверскимъ драгунскими полками и нѣсколькими сотнями казаковъ. Сѣверскіе драгуны были значительно впереди и потому первые могли появиться въ виду непріятеля. Въ это время турки начали уже отступать, понявъ ловушку, въ которую попались. Впереди ихъ строя разсыпана была густая цѣпь изъ двухъ батальоновъ; за ними отходили назадъ, въ совершенномъ порядкѣ, сомкнутыя части остальной пѣхоты. Все отступление прикрывалось жаркимъ огнемъ полевыхъ батарей и выстрѣлами крѣпостныхъ орудій съ трехъ бастіоновъ, расположенныхъ на Шорахскихъ высотахъ. Всего палило, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ орудій. Не взирая на этотъ страшный огонь, храбрые сѣверцы не задумались атаковать непріятеля. Неровная, волнообразная мѣстность не особенно благопріятна для дѣйствія кавалеріи. Сверхъ того, почва у Карса, какъ и вездѣ въ этой части Малой Азіи, щедро усыяна камнями, иногда незамѣтно скрытыми въ густой травѣ. При невычѣ или слабости ногъ лошади, самому ловкому кавалеристу, во время быстрой скачки, легко свалиться вмѣстѣ съ конемъ. Мнѣ самому, однажды, случилось свалиться, что называется, со всѣхъ четырехъ ногъ; не разъ случалось видѣть, какъ подобнымъ же образомъ слетали на землю даже такіе природные всадники, какъ казаки. И вотъ, не смотря на не-

ровность мѣстности, подъ градомъ гранатъ, обсыпаемые батальнымъ огнемъ пѣхоты и выстрѣлами засѣвшихъ за камнями стрѣлковъ, сѣверцы неудержимо ринулись на непріятельскій флангъ и передовую цѣпь турокъ. Очевидцы, любовавшіеся этою атакою, передавали мнѣ, что это молодецкое дѣло было совершено въ такомъ порядкѣ, какой не всегда можно встрѣтить даже на маневрахъ и парадахъ. Два турецкіе батальона, находившіеся въ цѣпи, были отхвачены и буквально изрублены драгунами. Остальные вмѣстѣ съ полевыми батареями быстро отступили подъ покровъ ближайшаго орудійнаго выстрѣла съ шораскихъ укрѣпленій. Драгуны потеряли шесть убитыми и 27 ранеными нижнихъ чиновъ. Легко ранены два офицера. Около шестидесяти лошадей выбыло изъ строя, въ томъ числѣ нѣсколько офицерскихъ. Замѣчательно, что всякій разъ, какъ падала лошадь подъ офицеромъ, солдаты быстро спѣшивались и предлагали своихъ коней, оставаясь на мѣстѣ боя съ ружьемъ въ рукахъ. Только одного офицера, подъ которымъ убита была лошадь, подхватилъ на свое сѣдло другой офицеръ, прежде, нежели успѣли это сдѣлать солдаты. Это характеризуетъ отношенія солдатъ къ тѣмъ офицерамъ, которыхъ они любятъ и уважаютъ, которые всегда впереди....

Скоро турки скрылись за крѣпостными верками, усыявъ поле битвы тѣлами своихъ менѣе счастливыхъ товарищей. Наша потеря, сравнительно, была невелика: кромѣ приведенной убили въ сѣверскомъ драгунскомъ полку, выбыло изъ строя грузинскихъ батальоновъ около ста человекъ. Вообще, дѣло 3-го іюня можетъ считаться однимъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ русской кавалеріи. Оно опровергаетъ нерѣдко высказываемое мнѣніе, что въ настоящее время кавалерійская служба мыслима только на аванпостяхъ, да развѣ при преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля. Удачные сѣверцы доказали, что лихая кавалерія можетъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю, вовсе неразстроенному боемъ и правильно отступающему, и, притомъ, подъ жаркимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

Передавая, въ краткихъ словахъ, это удачное дѣло, не могу умолчать о фактѣ, которому трудно было бы повѣрить, еслибъ онъ не подтверждался самымъ очевиднымъ образомъ. Между оставшимися на полѣ битвы непріятельскими тѣлами оказалось нѣсколько *женщинъ*. Одна изъ нихъ была очень молода и красива, что не помѣшало, а быть можетъ, и подвинуло карапапаховъ самымъ возмутительнымъ образомъ обойтись съ тѣломъ несчастной. Присутствіе женщинъ къ рядамъ защитниковъ Карса объясняютъ фанатическимъ настроеніемъ населенія этого города и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что прекрасный полъ вообще играетъ важную роль въ дѣлахъ и судьбахъ Карса. Говорятъ, всѣ базарныя волненія много зависятъ отъ настроенія тамошнихъ женщинъ. Прекрасный полъ въ Карсѣ, будто бы, не разъ требовалъ, чтобъ гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости и сразился съ русскими войсками въ полѣ, не подвергая дома и жителей всѣмъ тягостямъ осады, всѣ ужасы которой хорошо сохраняются въ памяти карскаго населенія со времени 1855 года. Все это идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ понятіемъ о положеніи женщины на Востокѣ.

II

9-го іюня насъ подняли очень рано. Войска, съ музыкой и пѣснями, были уже въ дорогѣ; на мѣстѣ оставался только арьергардъ, въ ожиданіи, пока вытянутся обозъ и парки. Въ корпусномъ штабѣ снимались палатки и быстро укладывались, въ то время, какъ мы спѣшно глотали горячій чай, пріятно согрѣвавшій насъ послѣ холодной ночи. Стаканы, съ блюдечками и безъ блюдечекъ, переходили изъ рукъ въ руки. Мы напоминали тѣхъ гостинодворскихъ прикащиковъ, которые, урвавшись на минуту изъ лавки, „балуются чайкомъ“ на морозѣ, глазѣя на прохожихъ. Казенные фургоны, бѣловерхія кибитки духоворцевъ, нанятые подъ перевозъ тяжестей, и скрипучія, запряженные буйволами или волами двухколесныя арбы медленно ползли передъ нами, спускаясь къ рѣчкѣ и вытягиваясь на сосѣдную возвышенность. Послѣдняя

повозка исчезла, наконецъ, за горою, пропала изъ глазъ и обозъ корпуснаго штаба, а мы все еще оставались на мѣстѣ. Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, который всегда везется за нимъ въ конвоѣ. Возлѣ командующаго корпусомъ находился начальникъ его штаба, г. Духовской, и еще кто-то изъ генераловъ. Далѣе, группами стояли или лежали на буркахъ различные штабные офицеры. Казаки держали наготовѣ осѣдланныхъ лошадей. Въ противоположность чинности и степенности начальства, въ кружкахъ штабной молодежи шелъ веселый разговоръ, прерываемый усерднымъ смѣхомъ. Вдругъ все засуетилось. Раздался крикъ: „лошадь!“ Когда слышится крикъ „лошадь!“ это значитъ командующій корпусомъ приказалъ подать себѣ коня; это значитъ, что кто нибудь изъ штабныхъ офицеровъ непременно крикнетъ: „Пороженко, лошадь!“ а другой и даже третій еще громче подхватятъ: „Эй, Пороженко, лошадь генералу!“ хотя Пороженко, бравый драгунъ, приставленный, въ качествѣ ординарца, смотрѣть за лошадью генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, первый слышалъ приказаніе и давно уже пробирается къ генералу съ красивымъ гнѣдымъ конемъ въ поводу. Вторая забота каждаго усерднаго штабнаго офицера послѣ того, какъ раздался, подхваченъ и переданъ крикъ „лошадь!“ — поскорѣ сѣсть на своего коня и изъ первыхъ присоединиться къ свитѣ командующаго корпусомъ. Поэтому, за сигнальнымъ возгласомъ насчетъ генеральской лошади, раздаются крики, требующіе другихъ, менѣе сановитыхъ лошадей. Зовутся всевозможные Ооменки, Барсуки, Свистуновы, Баскаковы. Каждый офицеръ имѣетъ въ конвоѣ своего казака, котораго обязанность подать и взять во-время лошадь, поддерживать стремя, когда офицеръ садится, или слѣдовать за нимъ, когда онъ отдѣляется отъ штаба для исполненія какаго нибудь порученія или передачи приказанія. Иной и видѣть хорошо, гдѣ его лошадь, а все таки кричить: „Эй, Ооменко, или Свистуновъ, лошадь“. Поползновеніе къ властолюбію сильно развито въ человѣкѣ; еще заразительнѣе оно въ арміи. Кругомъ, воля одного лица ворочаетъ тысячами,

сотнями, ну хоть десятками людей; у кого нѣтъ подъ командою тысячъ, сотенъ, даже десятка людей, тотъ довольствуется возможностью покомандовать хотя однимъ казакомъ или денщикомъ.

Перейдя въ бродъ рѣчку, мы обгоняли поднимавшіяся въ гору войска. При нашемъ приближеніи батальоны останавливались, вытягивались въ стройные ряды и раздавалась команда „на плечо“. Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сворачиваетъ лошадь къ фронту и нестройною толпою слѣдуя за нимъ, мы слышимъ, какъ привѣтствуетъ онъ солдатъ, предлагая иногда вопросы относительно пищи или здоровья. „Здравія желаемъ, слава Богу, ваше высокопревосходительство!“ прокатывается по рядамъ молодецкій откликъ гренадеръ. Показалась кавалерія. Это былъ сѣверскій драгунскій полкъ, такъ славно отличившійся въ дѣлѣ 3-го іюня. Командующій корпусомъ особенно благодарилъ сѣверцевъ. Я подѣхалъ познакомиться съ командиромъ полка и офицерами, желая поздравить ихъ съ побѣдою. У многихъ офицеровъ перевязи и портупей были забрызганы кровью. Рубились на славу! Страшно было подумать, что то были слѣды человѣческой крови...

— Противно смотрѣть на себя, точно мясники, замѣтилъ мнѣ одинъ офицеръ, и прибавилъ, какъ бы въ оправданіе: — въ пылу битвы перестаешь быть человѣкомъ.

Славные, храбрые люди! Они забываютъ, что каждый изъ нихъ рисковалъ жизнью, они думаютъ о томъ, что на долю ихъ выпало лишать жизни другихъ. Ужасное дѣло война!

Заиграла музыка, точно желая разогнать тяжелыя мысли. Какъ бы ни устали люди, какъ бы ни жарило солнце и ни душила пыль, но при стройныхъ звукахъ военнаго марша или удалой солдатской пѣсни приободряются войска, просвѣтляются загорѣлыя лица и забываются всѣ тягости похода. Даже лошади горячятся и идутъ веселѣе, гармоническія сочетанія звуковъ освѣжительно дѣйствуютъ и на ихъ природу. Впереди трубачей, на сѣрой лошади, ѣхалъ увѣсистый, плотный нѣмецъ-капельмейстеръ, усердно выводя какія-то варья-

ции и помахивая въ тактъ трубою. Полковой командиръ указалъ мнѣ на него, какъ на принимавшаго также участіе въ дѣлѣ 3-го іюня. Бравый пруссакъ вспомнилъ недавнія побѣды своихъ соотчичей и не захотѣлъ остаться безучастнымъ зрителемъ въ лихой атакѣ сѣверцевъ. Поровнявшись съ нимъ, я высказалъ ему на этотъ счетъ нѣсколько любезностей.

— Я исполнилъ только свой долгъ, гордо отвѣтилъ капельмейстеръ.—Я теперь на русской службѣ, а турки такіе негодяи и звѣри!

Храбрый капельмейстеръ представленъ, какъ я слышалъ, къ наградѣ. Здѣсь кстати привести слѣдующій еще эпизодъ изъ дѣла 3-го іюня. Одинъ турецкій офицеръ, какъ говорятъ, инженеръ, бывавшій въ Александрополѣ на смотрахъ нашихъ войскъ и нѣсколько знакомый съ русскимъ языкомъ, былъ ссаженъ нашею пулею съ лошади въ то время, когда грузинцы потѣснили турецкую цѣпь. Желая избавиться отъ плѣна, этотъ офицеръ сталъ уходить, бросая назадъ деньги, часы и другія цѣнные вещи и приговаривая, что все это онъ даритъ нашимъ солдатамъ, лишь бы они его пощадили. Онъ рассчитывалъ, очевидно, что солдатики кинутся подхватывать и дѣлить добычу и, такимъ образомъ, ему удастся улизнуть. Расчетъ оказался, однако, ошибочнымъ. Распаленные неровнымъ боемъ гренадеры уложили турецкаго офицера на мѣстѣ и только на возвратномъ пути занялись его вещами.

Нашъ отрядъ состоялъ изъ всей кавказской грендерской дивизіи (лейбъ-эриванскій Его Величества полкъ, грузинскій, тифлиссскій и мингрельскій), одного сапернаго батальона, сводной кавалерійской дивизіи князя Чавчавадзе, въ составъ которой входили два драгунскіе полка, нѣсколько казачьихъ и дагестантскихъ полковъ и принадлежащей къ этимъ дивизіямъ артиллеріи. Съ этими силами намъ предстояло идти на Саганлугскій хребетъ и, при случаѣ, встрѣтиться съ войсками Мухтара-паши.

Въ прошлую войну Саганлугскій хребетъ и ведущая черезъ него главная дорога изъ Карса въ Эрзерумъ не представляли другихъ препятствій, кромѣ физическихъ. Главнымъ

образомъ приходилось бороться тогда съ трудностями подъема на довольно высокій хребетъ по дурнымъ, мало разработаннымъ дорогамъ, а также съ холодомъ, господствующимъ на этихъ горахъ даже среди лѣта. Извѣстно, что тогдашняя стоянка нашихъ войскъ на Саганлугскомъ перевалѣ названа была сметливымъ русскимъ солдатомъ „холоднымъ лагеремъ“. Въ настоящее время, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Саганлугскій хребетъ, кромѣ физическихъ, представляетъ еще искусственныя препятствія. Мухтаръ-паша, или Мухтарка, какъ его часто называютъ, имѣетъ гдѣ-то, на склонѣ Саганлуга, укрѣпленный лагерь, откуда онъ съ удобствомъ можетъ дѣйствовать на помощь карескому гарнизону, или препятствовать нашимъ операціямъ, еслибъ онѣ имѣли цѣлью занятіе Эрзерума.

Въ точности неизвѣстно, какою цѣлью руководствовался Мухтаръ-паша, оставляя Карсъ, но въ поступкѣ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторой опытности въ военномъ дѣлѣ. Мухтаръ-паша, очевидно, не захотѣлъ повторить ошибку, сдѣланную турками въ 1855 году, когда почти вся анатолійская армія заперлась въ Карсѣ, благодаря чему взятіе этой крѣпости сдѣлалось равносильнымъ завоеванію почти всей Малой Азіи, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины. Въ нынѣшнюю войну, не смотря на ардаганскій погромъ, турецкій главнокомандующій не потерялъ головы. При приближеніи нашихъ войскъ къ Карсу, Мухтаръ-паша немедленно выступилъ оттуда съ восемью батальонами пѣхоты и большею частью кавалеріи, оставивъ въ Карсѣ достаточно сильный гарнизонъ для защиты первоклассныхъ укрѣпленій, окружающихъ этотъ городъ. Взятіе Карса не составляетъ, поэтому, альфы и омеги нынѣшней кампаніи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и не считаться съ такою важною крѣпостью, въ случаѣ движенія на Эрзерумъ, противъ Мухтара-паши. Во всякомъ случаѣ, Мухтаръ-паша поставилъ насъ въ такое положеніе: осаждая Карсъ, мы ежеминутно должны оглядываться на Саганлугъ, не предпринимаетъ ли непріятель какойнибудь диверсіи на помощь осажденному гарнизону, или на одинъ изъ нашихъ

побочныхъ отрядовъ, двигаясь же противъ корпуса Мухтара-паши, мы не можемъ оставить безъ наблюденія Карсъ, гарнизонъ котораго простирается, по имѣющимся свѣдѣнiямъ, отъ 15-ти до 20-ти тысячъ человекъ. Все это показываетъ, что Мухтаръ-паша далеко не дюжинный полководецъ...

III.

Ночь съ 9-го на 10-е iюня мы провели на бивуакъ за Бегли-Ахметомъ, расположившись по обоимъ берегамъ Карсъ-чая. Утромъ отрядъ возобновилъ движеніе, но подвигался медленно, благодаря обозу, который направленъ былъ сначала по болотистой дорогѣ, такъ что каждую повозку приходилось вытаскивать на людяхъ. Потребовалось личное вмѣшательство командующаго корпусомъ, чтобъ исправить оплошность чиновъ генеральнаго штаба: кое гдѣ былъ положенъ фашиникъ, а въ одномъ мѣстѣ саперы живо устроили настилку въ видѣ моста. Поджидавъ обозъ, корпусный штабъ сдѣлалъ привалъ. Подъ палящими лучами солнца мы пролежали на землѣ часа четыре. Вниманіе наше занялъ молодой, красивый турокъ, явившійся за охраннымъ листомъ къ корпусному командиру и изъявившій желаніе не покидать нашихъ войскъ. Турокъ этотъ — сынъ богатаго помѣщика, имѣніе котораго расположено было не вдалекѣ отъ мѣста движенія отряда. Дѣйствительная ли симпатія къ русскимъ руководила молодымъ туркомъ, или просто желаніе предохранить свое имѣніе отъ разоренія, которое въ турецкихъ понятіяхъ тѣсно связано съ движеніемъ войскъ по непріятельской странѣ, но дѣло въ томъ, что съ того дня этотъ красивый молодой человекъ не покидалъ отряда и почти всегда слѣдовалъ вмѣстѣ съ штабомъ. На вопросы, которыми мы его засыпали, онъ отвѣчалъ, между прочимъ, что его хотятъ женить въ Эрзерумѣ, но въ Эрзерумѣ женщины не красивы.

— А въ Карсѣ?

— О! въ Карсѣ чудо какія!

— Такъ подождите, заявилъ кто-то, мы возьмемъ Карсъ и женить васъ.

Турченокъ закачалъ, въ знакъ согласія, головою и улыбнулся, продолжая уписывать холодную баранину, которою мы угощались и которая, кстати сказать, страшно надѣбла.

На этомъ же привалѣ мы увидѣли князя Чавчавадзе, начальника кавалеріи отряда, и генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, котораго всѣ здѣсь называютъ „маленькимъ Лорисомъ“, въ отличіе отъ корпуснаго командира. „Маленькій Лорисъ“ также командуетъ какою-то частью въ кавалеріи. Въ этотъ день кавалерія сдѣлала ложное движеніе вправо, чтобъ скрыть истинное направленіе отряда. Изъ Бегли-Ахмета можно было идти по главной эрзерумской дорогѣ, но командующій корпусомъ предпочелъ направиться южнѣе, на Саракамышъ. Этимъ путемъ мы болѣе сближались съ эриванскимъ отрядомъ генерала Тергукасова. Наши разъѣзды нигдѣ не встрѣтили турокъ. Саганлугскіе проходы были, повидимому, свободны и ничто не препятствовало нашему движенію. Эти вѣсти приводили нѣкоторыхъ въ отчаяніе. „Очевидно, говорили, Мухтарка ушелъ; намъ не поймать его“.

Подходя къ Саракамышу, мы имѣли удовольствіе увидѣть горныя вершины, щедро покрытыя сосновымъ лѣсомъ. Мѣстность приняла очень живописный видъ. Съ степного пригорка, на которомъ мы находились, разстилалась обширная равнина, изобилующая ручьями и густою, темно-зеленою травою. Налѣво виднѣлся голый, скалистый пикъ, возвышавшійся, въ видѣ пирамиды, между зеленѣющихъ горъ. Всѣ разсѣлины этого пика были покрыты снѣгомъ, ярко освѣщеннымъ склонявшимся къ западу солнцемъ. Прямо передъ нами протянулись предгорья Саганлугскаго хребта, обѣщавшія намъ прекрасный бивуакъ среди сосноваго лѣса.

Ужъ почти стемнѣло, когда, оставши нѣсколько отъ отряда, г. де-Кутули (корреспондентъ „le Temps“) и я вѣзжали въ мѣсто расположенія отряда. Войска стали бивуакомъ въ лѣсу, и огромные костры быстро запылали, застала дымомъ всю окрестность. Солдатики рады были добратъ до лѣса. Кругомъ слышался стукъ топора, и смолистая сосна весело трещала на огнѣ. Вотъ одинъ изъ эриванцевъ чуть не

цѣлую сосну тащить на плечѣ. Тяжело, но на лицѣ написана радость: точно челевѣкъ добился давно желаннаго и теперь ему ужь ничего не нужно,

— Эй, землякъ, надорвешься!

— Ничего, ваше благородіе, штука рѣдкая! и, продолжая волочить по землѣ шуршащій иглами обрубокъ сосны, солдатъ радостно улыбается, почти бѣгомъ приближаясь къ своей ротѣ. А оттуда ему вторитъ веселое гоготаніе и слышится упрекъ ротнаго резонера.

— Что маленькую-то выбралъ, не по росту!

Неснѣй сосну солдатъ былъ небольшого роста.

— Ишь, вѣдь, турецкаго лѣсу жаль! подсаливаетъ кто-то.

И снова взрывъ общаго хохота.

Изъ темноты и сѣраго дыма вырастаетъ, вдругъ, передъ костромъ солдатикъ другого полка.

— Дайте, братцы, огоньку грузинцамъ

— Нешто своего нѣтъ?

Не отвѣчая, солдатикъ выхватилъ головешку и пропаль такъ же быстро, какъ явился.

— Вишь прыткій какой!..

— Держи!..

И опять гоготаніе и веселость не сходитъ съ запыленныхъ и усталыхъ лицъ.

Дѣйствительно, давно мы не видѣли дерева и забыли, что такое хорошій костеръ въ прохладную ночь. Подъ Карсомъ, на склонѣ одного изъ холмовъ, окружающихъ его укрѣпленія, съ юго-западной стороны, кажимъ-то чудомъ, уцѣлѣло одно дерево. Нѣсколько разъ проходили мы мимо и всякій разъ я удивлялся, что оно не пало жертвою топора, а остается нетронутымъ среди голой степи, гдѣ каждая щепка составляетъ своего рода драгоценность. Здѣсь же на Саганлугѣ, среди лѣса, расходилась широкая русская натура: топоръ шибко застучалъ, и высокое пламя безчисленныхъ костровъ засвѣтилось на всемъ пространствѣ расположенія отряда. Солдаты раздѣвались и грѣлись возлѣ огня, какъ въ банѣ. Вотъ, сквозь ярко освѣщенную зелень мелкой сосны, видно какъ одинъ

снялъ рубаху и вытряхиваетъ ее надъ пламенемъ; другой выгнулся въ дугу и, вертясь, какъ вьюнъ, чуть не подсаливаетъ себѣ голую спину. Загорѣлая, разогрѣтая огнемъ лица кажутся мѣдно-красными. Забывшись, можно подумать, что мы очутились среди дикихъ, управляющихъ какое нибудь священнодѣйствіе вокругъ огня.

И въ штабѣ было весело, среди пылающихъ въ сосновомъ лѣсу костровъ, и мы долго не хотѣли отходить отъ огня, съ наслажденіемъ вдыхая здоровый, смолистый воздухъ. Слабогрудые жаловались, впрочемъ, что имъ нечѣмъ дышать. Дѣйствительно, мы находились ужь на высотѣ семи тысячъ футовъ.

IV.

На другой день, 11-го іюня, мы сдѣлали переходъ отъ Саракамыша къ Мелидюзу, поднявшись на перевалѣ на высоту въ 8,000 футовъ и спустившись опять на тысячу футовъ ниже. Движеніе было медленное. Приходилось или подыматься на высокія горы или спускаться съ крутыхъ скаловъ по невыразимо дурной дорогѣ, на каждомъ шагу порѣзанной громадными выбоинами и усѣянной камнями. Саперы цѣлый день работали, срѣзывая косогоры, засыпая ямы и устраивая гати на топкихъ мѣстахъ, которыми изобилуетъ каждое дно оврага, благодаря многочисленнымъ источникамъ, просачивающимся съ горныхъ вершинъ, покрытыхъ еще, во многихъ мѣстахъ, снѣгомъ. Однако, не смотря на всѣ старанія саперовъ, орудія, при каждомъ спускѣ, приходилось тормозить на оба колеса и, вдобавокъ, придерживать на ремняхъ, прицѣпленныхъ сзади; наоборотъ, на подъемахъ припрягались лошади и часто надобилась еще помощь людей, если крутизна была слишкомъ велика. То же самое происходило и съ обозомъ.

Состояніе дорогъ можетъ служить прекраснымъ мѣриломъ образованности страны. Турецкія дороги наглядно доказываютъ, что такое Турція. Если здѣсь и встрѣчаются прочныя мосты, въ видѣ каменныхъ арокъ перекинутые черезъ рѣки, то это лишь памятники древней цивилизаціи края, въ эпоху

процвѣтанія персовъ или господства римлянъ. Такими же памятниками служатъ развалины замковъ, часто попадающія въ этой части Арменіи. Они являются свидѣтелями царившей здѣсь когда-то феодальной системы. Турецкое владычество все это разрушило и нивелировало, ничего не давъ взамѣнъ, кромѣ произвола, безправія и полуживаго прозябанія, безъ всякихъ надеждъ на лучшее будущее. Во многихъ мѣстахъ мы видѣли слѣды бывшихъ поселеній и печальные остатки разрушенныхъ армянскихъ церквей.

Одна изъ подобныхъ развалинъ сильно дымилась, когда мы, въ разстояніи версты, проѣзжали мимо. Г. Николадзе, г. де-Кутули и я поскакали узнать, что бы это значило, и вмѣстѣ осмотрѣть развалины. Опередивъ своихъ спутниковъ, я объѣхалъ четырехугольное, безъ крыши, зданіе и наткнулся на какого-то турку въ сивемъ военного покроя пальто. Я ужъ собирался вынуть револьверъ, когда изъ глубины подвального этажа вышелъ нашъ драгунъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Котелокъ разогрѣваемъ.

— А что это за турокъ?

— Кто его знаетъ! Говорятъ, домой пробирается!..

— Что-жъ вы его не представите?

Драгунъ какъ-то отчаянно махнулъ рукою и скрылся въ подземельи. Пока мы разговаривали, турокъ исчезъ въ лѣсу. На минуту у меня мелькнула мысль догнать и остановить его, но я вспомнилъ, что въ качествѣ частнаго лица и зрителя мнѣ не слѣдуетъ впутываться въ военные дѣла, особенно въ присутствіи разѣзда, который, вѣроятно, имѣетъ свои инструкціи. Въ это время подъѣхали мои спутники, и мы вмѣстѣ, черезъ дыру въ стѣнѣ, вошли въ нижній этажъ бывшей церкви. Надъ нами были полуразрушенные своды, нѣкогда поддерживавшіе верхній этажъ, въ которомъ помѣщалась, вѣроятно, церковь и который въ настоящее время представляетъ разваливающіеся обломки стѣнъ. Повсюду виднѣлись слѣды пребыванія лошадей; у одной изъ стѣнъ оказался родъ камня, гдѣ два драгуна что-то такое варили

или жарили. Можно было заключить, что бывший храмъ служить, въ обыкновенное время, притономъ для пастуховъ или для шаекъ разбойниковъ, которые безнаказанно, какъ извѣстно, рыскаютъ въ Малой Азіи. Тщетно поискавъ какой нибудь надписи и не найдя ничего достойнаго вниманія, мы покинули развалины и медленно присоединились къ отряду. Кстати сказать, еще раньше, намъ указали на дорогѣ продолговатый, отесанный камень, подъ которымъ, по словамъ окольныхъ армянъ, похоронено тѣло одного нашего офицера, убитого во время войны съ Турціей, въ 1828 году, когда Паскевичъ, идя на Эрзерумъ, разгромилъ турокъ близъ того мѣста, гдѣ мы теперь проходили. Фамиліи этого офицера никто не могъ назвать.

День склонялся уже къ вечеру, когда мы прибыли на мѣсто, называемое „урочище Мелидюзъ“. Это было довольно обширное плато, представляющее всѣ условія для того, что на военномъ языкѣ именуется хорошею позиціей. Влѣво отъ насъ виднѣлись только что пройденныя лѣсистыя вершины Саганлуга; впереди же — крутой, почти обрывистый спускъ, открывавшій, въ видѣ расширяющагося, окаймленного сосновыми рощами ущелья, обширную, волнообразную мѣстность, которая, протянувшись причудливыми холмами и террасами, окончивалась на дальнемъ горизонтѣ высокою цѣпью горъ. Въ сѣверной части этого горнаго края мы увидѣли нашего знакомого: тотъ самый пирамидальный пикъ, который привлекалъ наши взоры наканунѣ у Саракамыша. Мы обошли этотъ пикъ слѣва и глядѣли на него теперь съ другой стороны.

Въ то время, какъ многіе любовались живописною картиною, разстлавшеюся у подножія мелидюзскаго плато, между высшими лицами штаба замѣчалось особое оживленіе. Бинокли переходили изъ рукъ въ руки; командующій корпусомъ слѣзъ съ коня и отошелъ въ сторону съ генераломъ Гейманомъ и начальникомъ штаба. Какалерія, шедшая впереди, остановилась у противоположной окраины плато, а оставшіеся позади батальоны, одинъ за другимъ, подходили съ музыкою и пѣнями.

- Почему остановились, развѣ здѣсь будетъ лагерь?
- Турки видны! раздался вдругъ неожиданный о тѣтъ.
- Гдѣ, гдѣ?

— А вотъ, смотрите, дымъ направо, внизу—это ихъ лагерь, а вотъ еще другой лагерь на горѣ; прямо противъ насъ это, опять таки, турки.

Дымъ, поднимавшійся направо, верстахъ въ пятнадцати былъ явственно замѣтенъ даже безъ бинокля; другой же лагерь я никакъ не могъ найти, такъ какъ, по рассказамъ, онъ былъ расположенъ на одной изъ терассъ самыхъ отдаленныхъ горъ, въ расщелинахъ которыхъ было еще много снѣга; этотъ снѣгъ, при настроенномъ на воинственный ладъ воображеніи, легко было принять за палатки.

— Ну, что, видите? Вотъ правѣ этой сѣдины, прямо внизъ и немножко влѣво... Да вы не туда смотрите! Станьте сюда... Видите теперь?

— Вижу, вижу, отвѣчалъ я, хотя, въ сущности, ничего не видѣлъ.

— Такъ вотъ это и есть лагерь Мухтарки...

— А не Тергукасовъ ли это?

— Нѣтъ; Тергукасовъ дальше, за горами.

— А направо, гдѣ дымить, что у нихъ такое?

— Это укрѣпленный лагерь при Зевинѣ. Тамъ только нѣсколько батальоновъ, подъ начальствомъ какого-то Измаила-паши или Беги-паши.

— Должно быть, Беги, потому что, какъ придется бѣжать, такъ такого пашу впереди хорошо имѣть.

— Ну, господа, сегодня безъ палатокъ будемъ.

— Это почему?

— Обозъ далеко... Мы, вѣроятно, не будемъ ждать и ночью подойдемъ, чтобъ съ разсвѣтомъ атаковать.

— Какъ бы только они не замѣтили насъ и не ушли... Вы не повѣрите, лучше кавалеріи бѣгутъ! Послѣ Ардагана остатки турецкой пѣхоты на другой день ужъ за 70 верстъ были...

— А тутъ еще Беги-паша есть!.. Нарочито, должно быть, выбрали...

Въ то время, какъ между нами, простыми смертными, происходилъ этотъ разговоръ, оживленный ожиданіями чего-то новаго, неизвѣданнаго, начальствующія лица кончили свое совѣщаніе и во всѣ стороны поскакали офицеры генеральнаго штаба и ординарцы. Войскамъ передавались приказанія насчетъ бивуака. Рѣшено было спуститься внизъ и расположиться, не доходя селенія Меджингерта. Велѣно было зажечь какъ можно болѣе костровъ и пустить заревой выстрѣлъ. Мнѣ показались странными эти распоряженія. Кругомъ меня рассчитывали на неожиданное появленіе передъ турками, опасались, какъ бы они не ушли, а тутъ костры, заревой выстрѣлъ... Точно хотѣли предувѣдомить безпечныхъ турокъ о нашемъ приходѣ. Все это какъ-то не клеилось въ моихъ мысляхъ.

Когда корпусный штабъ снова тронулся въ путь, я, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, подъѣхалъ къ генераль-адъютанту Лорисъ-Меликову и поздравилъ его съ открытіемъ непріятеля. Къ удивленію моему, на лицѣ командующаго корпусомъ не было и признака той радости, которая замѣчалась въ его окружающихъ. Напротивъ, онъ смотрѣлъ сосредоточенно, почти печально. Изъ немногихъ, но вѣскихъ словъ, сказанныхъ мнѣ генераль-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, я понялъ наше положеніе. Никогда не забуду двухъ фразъ, слышанныхъ мною отъ него въ этотъ вечеръ. Одна изъ этихъ фразъ говорила: „Быть можетъ, всѣмъ намъ придется здѣсь лечь“, другая состояла въ слѣдующемъ: „Эхъ, было хорошо, да дымомъ заволокло!“ Объясненіемъ первой служилъ зевинскій бой, вторая объяснится только исторіей нынѣшней войны...

У меня раскрылись глаза на истинное положеніе дѣлъ. Почти безпрепятственное занятіе Карскаго пашалыка и необыкновенно удачное и быстрое взятіе такой сильной крѣпости, какъ Ардаганъ, поселили здѣсь слишкомъ легкій, пренебрежительный взглядъ на турецкія силы. Подступя, въ началѣ мая, къ Карсу, большинство увѣрено было, что эта

крѣпость такъ же легко можетъ намъ достаться, какъ и Ардаганъ. Быть можетъ, увѣренность эта и имѣла основаніе. Турецкій гарнизонъ въ Карсѣ, какъ говорили, былъ въ паническомъ страхѣ, подъ вліяніемъ ардаганскаго погрома; Мухтаръ-паша, казалось, бросилъ его на произволъ судьбы; населеніе, неждавшее ни откуда помощи, громко, будто бы, протестовало противъ осады, требуя, чтобы гарнизонъ или вышелъ въ открытое поле сражаться съ нами, или же сдать намъ городъ. Рассказывали, будто начальникъ турецкихъ войскъ въ Карсѣ со дня на день обманывалъ жителей, что Мухтаръ-паша не сегодня—завтра придетъ изъ-за Саганлуга и прогонитъ русскихъ; только этими, будто бы, увѣреніями успокоивалось карсское населеніе. Но, какъ бы то ни было, были или не были справедливы подобныя надежды на возможность легкаго взятія Карса, явились обстоятельства, заставившія насъ промедлить не менѣе мѣсяца у его стѣнъ. Этою проволочкою, какъ нельзя лучше, воспользовались турки. Успѣхи, пріобрѣтенные ими на черноморской береговой линіи извѣстны. Въ свою очередь, Мухтаръ-паша не терялъ времени. Онъ быстро занялся формированіемъ сильной арміи, частью изъ мѣстнаго населенія, частью изъ подвезенныхъ ему подкрѣпленій, какъ говорятъ, черезъ Трапезундъ. Кромѣ Эрзерума, Мухтаръ-паша избралъ опорнымъ пунктомъ для своей арміи сильно укрѣпленную позицію при Зевинѣ. Устроившись, онъ главными своими силами опрокинулся на небольшой отрядъ Тергукасова, черезчуръ выдвинувшійся впередъ, въ то время, какъ 13-тысячный корпусъ турокъ, со стороны озера Вана, неожиданно подошелъ къ Баязету, занялъ этотъ городъ и осадилъ баязетскую цитадель, въ которой заперся одинъ нашъ батальонъ, стоявшій здѣсь гарнизономъ. Уже двѣ недѣли, какъ батальонъ этотъ геройски защищался отъ окружавшаго его непріятеля. Генераль Тергукасовъ не только не могъ идти на выручку Баязета, но самъ вынужденъ былъ отбиваться отъ наседавшаго на него корпуса Мухтара-паши. Нѣсколько дней уже сообщеніе съ эриванскимъ отрядомъ было прервано.

Все посланные были перехвачены турками или возвращались, не успѣвъ пробраться къ Тергукасову. Обѣщана была награда въ 2,000 рублей тому, кто проникнетъ въ эриванскій отрядъ и привезетъ оттуда извѣстіе.

При такихъ-то обстоятельствахъ двинулись мы за Саганлугъ. Не охотиться „за Мухтаркой“ шли мы, какъ почти все думали, а освободить эриванскій отрядъ изъ того критическаго положенія, въ которое поставилъ его турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша. Оставивъ только одну дивизію подъ Карсомъ, съ осадною артиллеріей и всѣми тяжестями, намъ выпало на долю притянуть на себя превосходящія силы непріятеля, чтобы дать возможность эриванскому отряду отойти назадъ, на выручку Баязета.

— Во что бы то ни стало я освобожу Тергукасова, ска- залъ мнѣ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

Прошло не болѣе получаса, какъ мы съѣхали съ плато, съ котораго радостно примѣтили турокъ, и спустились внизъ, къ мѣсту бивуака у селенія Меджингерта; а между тѣмъ, цѣлая пропасть отдѣляла то настроеніе, которое владѣло мною тогда отъ душевнаго состоянія, охватившаго меня теперь, когда я узналъ истинное положеніе дѣлъ! Войска, по прежнему, бодро и весело, съ музыкою и пѣснями спускались въ ущелье и занимали предназначенныя имъ мѣста: а мнѣ думалось: кто и сколько изъ васъ, мои дорогіе и близкіе, ляжетъ здѣсь, кто не увидитъ своей родины, кому суждено въ послѣдній разъ глянуть завтра на Божій свѣтъ, чья мать или жена будетъ напрасно считать дни и часы, когда возвратится ся милый?.. И представился мнѣ кабинетъ петербургскаго журналиста и въ видѣ какого-то дикаго чудища, вспомнились слова, прославлявшія войну во что бы то ни стало, хотя бы для того, чтобы „новую монету подержать въ рукахъ“.

Добрую часть этой ночи мы провели у костровъ. Поздно пришелъ, впрочемъ, обозъ и разбили палатки. Я понялъ теперь, почему приказано было зажечь какъ можно болѣе костровъ и сдѣлать заревою выстрѣлъ. Одинаково важно было

дать знать а нашемъ прибытіи и Тергукасову, и Мухтару-пашѣ. Присутствіе наше ободряло Тергукасова и могло принудить къ отступленію окружавшія его турецкія полчища. Силы Мухтара-паши исчислялись въ 45—50 батальоновъ; у насъ ихъ было только 17, считая и саперный батальонъ.

На другой день, 18-го іюня, мы ожидали сраженія. Первый вопросъ, бывший почти у каждого на устахъ: „не ушли ли турки?“ Я очень хорошо зналъ, что они не ушли и не уйдутъ, но общее настроеніе заразительно: вчерашнія впечатлѣнія, вынесенныя изъ разговора съ командующимъ корпусомъ, показались мнѣ слишкомъ преувеличенными и мрачными; черезъ нѣсколько часовъ мнѣ тоже думалось, что турки не посмѣютъ принять сраженія и отойдутъ къ Эрзеруму. Дѣйствительно, присутствіе нашего отряда за Саганлугомъ, повидимому, разомъ измѣняло положеніе дѣлъ въ нашу пользу. Турецкій лагерь при Зевинѣ былъ у насъ подъ рукою; мы могли разгромить его прежде, нежели Мухтаръ паша, занятый Тергукасовымъ, можетъ приблизиться съ своими силами; завладѣвъ же зевинскимъ лагеремъ, мы могли наброситься на корпусъ Мухтара-паши. Такимъ образомъ, мы разрѣзывали турецкую армію и могли разбить ее по частямъ. Подобныя же соображенія имѣлись въ виду и въ средѣ начальствующихъ лицъ нашего отряда. По крайней мѣрѣ, все готовилось къ сраженію. Кавалерія выдвинута была впередъ, за Меджингертъ, на пресѣченіе сообщеній между зевинскимъ лагеремъ и Мухтаромъ-пашою; офицеры генеральнаго штаба производили рекогносцировку прилегающей къ Зевину мѣстности.

Слѣдуетъ замѣтить, что, во время нашего движенія на Саганлугъ, изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, состоящихъ при корпусѣ, наиболѣе замѣтенъ былъ подполковникъ Войновъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Малой Азіи и, по его словамъ, зналъ отлично этотъ край, населеніе, дороги и другія важныя въ военномъ отношеніи условія. Корпусный штабъ возлагалъ, очевидно, большія надежды на эти познанія г. Войнова и онъ въ нашемъ отрядѣ представлялъ нѣ-

что въ родѣ коловозжатаго. Наканунѣ онъ открылъ непріятельскій разбѣздъ и „чуть не захватилъ его въ Еникевѣ“. Въ этотъ день, 12-го іюня, онъ отправился на рекогносцировку и очень любезно пригласилъ меня съ собою. Я съ радостью принялъ это предложеніе.

Часовъ въ десять утра мы сѣли на коней и въ сопровожденіи 30—40 казаковъ, поѣхали къ Зевину. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ увидѣть непріятельскій лагерь. Отъ мѣста нашего бивуака дорога шла по длинному, мѣстами крутому склону. Налѣво, изъ подъ высокаго холма, виднѣлось селеніе Меджингертъ, съ развалинами стариннаго замка. Говорятъ, возлѣ этого селенія существуетъ очень рѣдкая армянская церковь: она высѣчена въ скалѣ и издали трудно отличается отъ окружающихъ ее камней. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось осмотрѣть эту достопримѣчательность. Мы свернули вправо и, переправясь черезъ небольшой ручеекъ, поднялись по косогору на противоположную высоту. Потомъ мы поѣхали по неглубокой ложбинѣ, съ правой стороны которой возвышалась круглая гора, скрывавшая, какъ говорили, видъ на непріятельскій лагерь. Въ то время, какъ я любовался прекрасною, густою травою и самыми разнообразными цвѣтами, въ видѣ восточнаго ковра пестрѣвшими по бокамъ узенькой дорожки, по которой мы ѣхали крупною рысью, впереди насъ показался казакъ, сломя голову скакавшій намъ на встрѣчу.

— Ваше высокоблагородіе! Тамъ кавалерія, проговорилъ запыхавшимся голосомъ казакъ, круто останавливая лошадь.

— Гдѣ?

— Вотъ за этимъ бугромъ, ваше бл—діе; увидѣли насъ и спускаются...

— Много ихъ?

— Много... Сейчасъ онъ, какъ увидѣлъ насъ, въ балку сталъ спускаться, а другіе пошли въ обходъ.

Не смотря на недоброе извѣстіе, мы пустились впередъ, усердно работая погайкою. Выскакавъ за возвышенность, скрывавшую отъ насъ лагерь, мы очутились на углу доволь-

но обширной равнины, замкнутой со всех сторон болѣе или менѣе высокими горами. Нѣсколько вправо, впереди, на сравнительно невысокомъ гребнѣ, разѣзжало около сотни всадниковъ. По объясненію казаковъ, другіе спустились внизъ и объѣзжали насъ съ обоихъ фланговъ. Подполковникъ Войновъ, не видя возможности податься впередъ, рѣшилъ взѣхать на бывшую у насъ справа гору, о которой я уже упоминалъ и съ которой можно было осмотрѣть непріятельскій лагерь. Оставивъ казаковъ внизу, которые выстроились, на всякій случай, къ атакѣ, мы, т. е. подполковникъ Войновъ, еще одинъ офицеръ генеральнаго штаба и я поскакали на гору. Поднявшись на эту высоту, мы увидѣли, верстахъ въ шести или въ восьми, ярко бѣлѣвшія палатки. Это былъ зевинскій лагерь. Мы слѣзли съ лошадей и офицеры начали осматривать, въ бинокль, непріятельскую позицію. Я присѣлъ на камень и тоже смотрѣлъ туда, гдѣ былъ онъ. По словамъ г. Войнова и его спутника, турокъ было немного, батальоновъ шесть, много восемь. Впереди лагеря я замѣтилъ нѣсколько черныхъ полосокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя особенно выдавались. Это были ложементы и батареи. Я передалъ свои наблюденія.

— Да, это у нихъ четыре батареи, отвѣчалъ г. Войновъ,

— А нѣтъ ли у нихъ еще лагеря сзади... Вонъ виднѣются палатки.

— Нѣтъ, это кухни, сказалъ опять г. Войновъ непреложнымъ тономъ.

Я замолчалъ, думая, что разыгрываю роль надоѣдливой мухи, отъ которой приходится отмахиваться во время серьезнаго дѣла. Прошло еще нѣсколько минутъ и мы поспѣшили къ своимъ лошадямъ. Оставаться долѣе было бы рискованно. Непріятельская кавалерія была уже близко и, замѣтивъ нашу малочисленность, могла насъ охватить. Подполковникъ Войновъ, казалось, былъ вполне удовлетворенъ своими наблюденіями; мое любопытство, напротивъ, было крайне возбуждено. Мнѣ казалось, что мы очень мало узнали. Приписывая, однако, эти сомнѣнія своему невѣжеству въ военномъ дѣлѣ, я заставилъ себя преклониться передъ опытностью и мудростью

специалиста. Мы вернулись въ лагерь, преслѣдуемые на нѣкоторомъ ратстоіініи турецкими всадниками Г. Войновъ немедленно отправился къ начальству отдать отчетъ въ произведенной „рекогносцировкѣ“.

Ожидали, что въ тотъ же день, часа въ четыре, мы выдвинемся впередъ, чтобы съ разсвѣтомъ атаковать зевинскій лагерь. Рѣшено было иначе: весь день и ночь мы оставались на мѣстѣ; движеніе должно было начаться только утромъ.

Всю ночь съ 12-го на 13-е іюня, въ нашемъ бивуакѣ при селеніи Меджингертъ слышался оживленный говоръ и смѣхъ. Почти никто не спалъ, ужиная и грѣясь у костровъ. Надежды всехъ, наконецъ, оправдались: давно желанная встрѣча съ турками была близка. Съ вечера, многія части войскъ тревожились вопросомъ, кто пойдетъ въ битву и кому выпадетъ прискорбная доля сторожить вагенбургъ. Рѣшено было весь обозъ и запасный паркъ вернуть нѣсколько назадъ, на ту позицію при урочищѣ Мелидюзъ, съ которой мы впервые замѣтили непріятеля. Охранять этотъ вагенбургъ назначенъ былъ одинъ изъ батальоновъ грузинскаго гренадерскаго полка, саперный батальонъ, за исключеніемъ одной роты, и 5-я батарея гренадерской бригады. Всѣ остальные войска, въ числѣ 15-ти батальоновъ, пяти пѣшихъ багарей, вся кавалерія съ артиллеріей должны были идти въ битву. Удовольствіе этихъ избранныхъ кавказскихъ войскъ было, поэтому, всеобщее: ни одна часть не была обижена, такъ какъ обидою здѣсь считается неучастіе въ сраженіи.

Едва стало разсвѣтать, какъ послышались звуки трубы, забилъ барабанъ и заскрипѣли повозки. То собирались войска и уходилъ на свою позицію обозъ. Саперы усердно, еще съ вечера, исправляли дорогу, чтобъ облегчить движеніе артиллеріи. Часовъ въ шесть утра, кавалеріи, большей части пѣхоты и артиллеріи уже не было на бивуакѣ. Я проснулся очень рано, думая, что и мы не замедлимъ двинуться. Однако, пришлось ожидать очень долго. Отъ нечего дѣлать г. Кутули (корреспондентъ газеты „Le Temps“) и я бродили по полю, болтая о событіяхъ переживаемыхъ дней. Долго намъ

пришлось заниматься болтовнею. Наконец, зашевелился и штабъ. Уже и чай былъ выпить, и осѣдланныя лошади давно были на готовѣ, а мы все не двигались. Въ томительномъ ожиданіи, многіе смотрѣли въ бинокли и зрительныя трубки на лежавшія предъ нами высоты. Кто замѣчалъ турецкій лагерь, кто говорилъ о движеніи непріятельскихъ колоннъ, которыя, однако, оставались ни для кого другого невидимыми.

Наконецъ, поданъ былъ сигналъ къ отъѣзду. Было ровно семь часовъ, когда мы тронулись: до Зевина насчитывалось не менѣе 15-ти верстъ.

Ѣхали мы знакомою мнѣ дорогою; только она была гораздо лучше вчерашняго: саперы потрудились усердно — громадные выбоины были засыпаны, наиболѣе крутые косогоры срызаны. На спускѣ мы застали тифлисскій полкъ, внизу стояли грузинцы и часть артиллеріи; остальные орудія съ трудомъ вытягивались на гору; эриванцы помогали вывозить орудія, впереди которыхъ, на высотѣ, уже находились батальоны мингрельскаго полка. Вся кавалерія съ конными батареями была впереди на той ложбинѣ, съ которой вчера мы увидѣли турецкую кавалерію.

Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо эриванцевъ, къ командиру корпусомъ подъѣхалъ карапахъ и вручилъ ему какой-то шарикъ. Это былъ посланный, пробравшійся къ генералу Тергукасову и привесшій теперь отъ него вѣсточку. Кто зналъ критическое положеніе эриванскаго отряда, тотъ вздохнулъ свободно. Сообщение съ этимъ отрядомъ снова было восстановлено, генераль Тергукасовъ освободился отъ превосходнаго въ силахъ непріятеля.

— Вотъ шарикъ, который стоитъ двухъ тысячъ рублей! сказалъ генераль адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, показывая приближеннымъ небольшой, желтоватый шарикъ, въ которомъ заключалась депеша генерала Тергукасова. И сумрачное до сихъ поръ лицо командующаго корпусомъ засвѣгилось радостною улыбкою. Посланному, какъ я уже говорилъ, обѣщаны были двѣ тысячи рублей: теперь онъ заслужилъ ихъ. На ближайшей

лужайкѣ командующій корпусомъ слѣзъ съ лошади, и вынувъ изъ шарика небольшой клочекъ тонкой бумаги съ шифрованной депешей, приказалъ перевести ее. Это было краткое сообщеніе о геройскомъ дѣлѣ 9-го іюня. Отрядъ генерала Тергукасова, имѣвшій не болѣе пяти—шести тысячъ, выдержалъ десятичасовое упорное нападеніе турокъ, имѣвшихъ до 22-хъ батальоновъ пѣхоты съ соотвѣтственнымъ числомъ кавалеріи и артиллеріи. Мухтаръ-паша, лично начальствовавшій этимъ корпусомъ, былъ отбитъ съ громаднымъ урономъ, такъ что просилъ перемирія для уборки тѣлъ. Нашу позицію защищали не только пѣхота и артиллерія, но и сѣшанные драгуны (перейславскій полкъ) и казаки. Сравнительно съ численностью непріятеля, съ упорствомъ и продолжительностью нападенія, потеря въ эриванскомъ отрядѣ не была особенно значительна, простираясь до 400 человекъ, въ томъ числѣ болѣе 50-ти убитыхъ.

Пріятная вѣсть, полученная отъ генерала Тергукасова, вселила еще большую увѣренность въ успѣха предстоявшаго намъ боя. Замѣтивъ неподдѣльную радость командующаго корпусомъ и помня вчерашнее мрачное настроеніе, я подошелъ и поздравилъ его.

— Почему вы знаете? спросилъ онъ.

— Да и знать не нужно; по вашему лицу видно.

Пользуюсь, кстати, этимъ случаемъ, чтобъ очертить наружность командующаго корпусомъ. Это человекъ средняго роста, брюнетъ, съ замѣтною уже просѣдью (родился въ 1825 году), съ смуглымъ продолговатымъ лицомъ, густо зарощеннымъ длинными бакенбардами и усами. Украшеніемъ лица служатъ большіе, черные, выразительные глаза. Наружность его вообще очень чутка къ душевнымъ впечатлѣніямъ и когда хитрая улыбка появляется иногда на губахъ, глаза быстро загораются веселостью и всѣ складки лица смѣются. Такія наружности, обыкновенно, вызываютъ симпатію и дышать умомъ; въ нихъ менѣе всего грубости или произвола.

Генераль Гейманъ—высокій, статный, довольно полный мужчина, съ короткими, свѣтлыми волосами, съ длинною, сѣдою,

широко расчесанною бородой; лицо его малоподвижно, выражает нѣкоторую рѣзкость и привычку не стѣсняться ни въ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ; глаза не безъ хитрости, а общій видъ являетъ полное спокойствіе, даже равнодушіе или пренебреженіе къ окружающему.

Прибавлю еще нѣсколько словъ о личности генерала Комарова, командующаго кавказскою гренадерскою дивизіей, и о князѣ Захаріи Чавчавадзе, начальникѣ кавалеріи, такъ какъ и на ихъ долю выпала выдающаяся роль въ зевинскомъ дѣлѣ. Генералъ Комаровъ, одинъ изъ числа многихъ Комаровыхъ, служавшихъ на Кавказѣ—довольно крупный человѣкъ, съ простымъ русскимъ лицомъ, съ нѣсколько болѣзноватою толщиною, слыветъ здѣсь за храбраго, образованнаго человѣка. Что касается кн. Чавчавадзе, онъ стяжалъ здѣсь славу опытнаго и смѣлаго кавалерійскаго генерала, благодаря двумъ удачнымъ дѣламъ, подъ Бегли-Ахметомъ, 18-го мая, когда, въ ночномъ нападеніи, разбитъ былъ Кундуховъ (бывшій нашъ генералъ, а теперь вачальникъ турецкой кавалеріи, состоящей большею частью изъ высланныхъ въ Турцію кавказскихъ горцевъ) и подъ Карсомъ, впереди Аравартана, 3-го іюня. Князь Чавчавадзе, безспорно, отличается неудержимою личною храбростью и хладнокровіемъ въ опасности. Онъ молчаливъ, говоритъ какъ бы нехотя; въ произношеніи его сильно слышится туземный акцентъ. Во время боя онъ всегда, неосторожно, заносится подъ непріятельскія пули. Подобно многимъ фрунтовикамъ, особенно на Кавказѣ, князь Чавчавадзе пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы посмѣяться надъ „вашею наукою“. Пустить, напримѣръ, кавалерію на неразстроенную пѣхоту, подъ сильнымъ огнемъ около 50-ти орудій, съ крѣпостныхъ фортовъ и полевыхъ батарей, едва ли согласно съ правилами военной науки; но князь Чавчавадзе сдѣлалъ это 3-го іюня и сѣверскіе драгуны отлично выполнили свое дѣло. „Вотъ вамъ и наука ваша“, говорилъ, поэтому, усмѣхаясь, князь Чавчавадзе.

Сдѣлавъ эту характеристику главнѣйшихъ участниковъ зевинскаго дѣла, возвращаюсь къ событіямъ 13-го іюня.

Во время нашего привала, артиллерія медленно съ усиленіями, двигалась по длинному косорогу и, заворачивая направо, выстраивалась на полянѣ, бывшей впереди зевинской позиціи и скрытой за возвышенностями отъ непріятеля. Какъ я упомянулъ, тутъ давно уже находилась наша кавалерія и сюда же сходились батальоны гренадерской дивизіи, имѣя во главѣ мингрельскій полкъ. Ожидая, пока сосредоточатся войска, мы воспользовались вкуснымъ завтракомъ и чаемъ, гостепріимно предложенными намъ эриванцами и двумя молодыми врачами этого полка. Наконецъ, и мы двинулись. Выѣхавъ на поляну, гдѣ сосредоточены были войска, мы увидѣли направо на гребнѣ, сотни двѣ нашихъ казаковъ. Это была какъ разъ та возвышенность, на которой наканунѣ, во время „рекогносцировки“, гарцовала турецкая кавалерія, недопустившая насъ приблизиться къ Зевину, вслѣдствіе ничтожности нашего прикрытія. Утромъ, 13-го іюня, означенный гребень также былъ занятъ турецкими аванпостами, поспѣшно удалившимися при появленіи нашей кавалеріи.

Корпусный командиръ, съ главнѣйшими начальниками и штабомъ, вѣхалъ на указанный гребень, чтобъ осмотрѣть непріятельскую позицію. Отсюда зевинскій лагерь и окружающая его мѣстность были гораздо лучше видны, нежели съ той высоты, съ которой я осматривалъ ее вчера. Прямо отъ насъ шель рядъ расширяющихся въ обѣ стороны холмовъ, выдавшихся болѣе въ правую сторону; мѣстность страшно пересѣченная: одна возвышенность скрывала другую. Все это было по сю сторону рѣчки Ханычай, протекающей въ глубокой ложбинѣ, внизу и не видимой съ этой точки наблюденія. Тамъ же, на рѣчкѣ, скрывалось селеніе Зевинъ, съ развалинами стараго укрѣпленнаго замка или крѣпости. За этою, такъ сказать, *нашею* частью позиціи, виднѣлись *верху* возвышенностей, занятыхъ непріятелемъ по ту сторону зевинскаго оврага и протекающаго въ немъ. Ханычая. Легко или трудно было взобраться на эти возвышенности, какъ велики были спускъ и подъемъ, отсюда не видно и судить было трудно. Направо отъ насъ—слѣдовательно, на правомъ

флангъ непріятеля—высилась огромная крутая гора съ сѣдловиной, гребень которой спускался наискось къ намъ; къ этому гребню примыкало плато, на которомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, расположенъ былъ турецкій лагерь; такихъ отдѣлений лагеря было не менѣе четырехъ. Впереди плато возвышалось нѣсколько гребней и отдѣльныхъ, конусообразныхъ горъ; только въ промежуткахъ, оставляемыхъ этими возвышенностями, можно было видѣть ближайшія къ нимъ оконечности занятаго турецкимъ лагеремъ плато. Изъ числа ихъ особенно выдавалась на лѣвомъ турецкомъ флангѣ остроконечная, точно сахарная голова, гора, на которой видѣлась батарея, окруженная, въ видѣ вѣнца, ложементами, находившимися въ нѣсколькихъ саженьяхъ ниже ея. Впереди этого пункта находилась еще возвышенность, надъ которою вполне командовали какъ упомянутая батарея, такъ и ея ложементы. Все это, какъ и сосѣднія возвышенности, круто, обрывисто спускалось внизъ, къ рѣчкѣ Ханычай; но, какъ я уже сказалъ, объема этого спуска съ пункта нашего наблюденья нельзя было видѣть: спускъ скрывался возвышенностями и пересѣченной мѣстностью нашего берега. За лагернымъ плато турокъ, нѣсколько вправо отъ насъ, возвышалась еще гора, на которой также видѣлись палатки; впереди этой горы плато нѣсколько понижалось и ничѣмъ, повидимому, не было занято. На эту часть плато можно было взойти или по дорожкѣ, видѣвшейся вправо (глядя отъ насъ) сахарообразной горы, или обходнымъ движеніемъ еще болѣе вправо, появившись совершенно съ боку, почти въ тылу означенной батареи. Весь лагерь турокъ и лежащіе передъ нимъ гребни были окаймлены ложементами, иногда въ нѣсколько рядовъ. Влѣво отъ сахарообразной горы съ ея батареей, въ центрѣ турецкой позиціи, находилась еще батарея, а двѣ другія, расположенныя еще лѣвѣе (отъ насъ), видѣлись на крутизнахъ высокой горы съ сѣдловиной, примыкавшей, какъ сказано, къ правому флангу турецкаго лагеря. Послѣднія двѣ батареи, очевидно имѣли цѣлью обстрѣливать обходные подступы съ нашего лѣваго крыла, тогда какъ первые двѣ дѣйствовали съ фронта.

Едва появились мы на нашемъ наблюдательномъ пунктѣ, какъ на сахарообразной батарее взвился бѣлый клубъ дыма, и секундъ черезъ двадцать послышался орудійный выстрѣлъ; за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй. Это турки выражали намъ свой привѣтъ. Я посмотрѣлъ на часы: былъ полдень. Прошло уже пять часовъ, какъ мы двинулись съ бивуака, войска же вышли двумя-тремя часами раньше!..

Паденья турецкихъ снарядовъ не было видно: они пропали гдѣ-то въ пространствѣ.

— Такъ попусту стрѣлять могутъ только трусы! сказалъ кто-то.

Дѣйствительно, разстояніе было не менѣе шести верстъ, но турки какъ бы поняли упрекъ и, послѣ двухъ выстрѣловъ, орудія ихъ замолчали, точно они желали только обнаружить свое существованіе, а не начать дѣйствительную стрѣльбу. Взамѣнъ того, послышалась ружейная стрѣльба налѣво, внизу. Это турецкая передовая цѣпь вела перестрѣлку съ конными дагестанцами, выдвинутыми впередъ, на крайній нашъ лѣвый флангъ. Командующій корпусомъ послалъ приказаніе стрѣлять только въ крайней надобности. Вскорѣ мы узнали, что тутъ былъ раненъ въ ногу дагестанскій офицеръ и нѣсколько рядовыхъ. Это были первые жертвы нынѣшняго дня.

Въ это время получено было, кажется, донесеніе, что Мухтаръ-паша окончательно оставилъ генерала Тергукасова и сближается къ Зевину. Главная цѣль нашей саганлугской экспедиціи была, слѣдовательно, достигнута: оставалось только дать возможность эриванскому отряду отдохнуть и благополучно отступить, или, разбивъ Мухтара-пашу, соединиться съ генераломъ Тергукасовымъ. Осматривая въ бинокль непріятельскую позицію, я замѣтилъ, что съ праваго ихъ фланга, къ сторонѣ высокой горы съ сѣдловиной, двигались двѣ колонны—одна пѣхотная, другая кавалерійская. У меня мелькнула мысль, что это часть войскъ Мухтара-паши, посланная въ подкрѣпленіе зевинскаго лагеря, и что, такимъ образомъ, турки располагаютъ большими силами, нежели мы думали

вчера. Я передалъ свои наблюденія нѣкоторымъ окружавшимъ корпуснаго командира лицамъ, въ томъ числѣ и князю Чавчавадзе. Тотъ посмотрѣлъ въ бинокль и замѣтилъ лишь нѣсколько всадниковъ; остальные уже скрылись въ это время за возвышенностью.

Очевидно, и командующій корпусомъ ожидалъ движенія непріятеля съ этой стороны, потому что, подозвавъ офицера, приказалъ ему взобраться на бывшую сзади насъ высокую гору, наблюдать оттуда, не покажется ли Мухтаръ паша и доносить немедленно о всемъ замѣченномъ. Послѣ этого мы съѣхали съ горы и, отъѣхавъ нѣсколько назадъ, на лѣвый флангъ, взобрались на громадную крутизну, съ которой отчасти можно было наблюдать какъ нашъ тылъ, такъ и зевинскую позицію. Прямо внизу, у подошвы этой крутизны, отдыхали наши войска.

Какъ только несчастныя лошади, карабкаясь по камнямъ, выгнувъ до невозможности спину и вытянувъ шею, взвезли насъ на крутизну, о которой я упомянулъ, генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, сѣвъ поодаль отъ свиты и подозвавъ къ себѣ начальника отряда генерала Геймана, начальника кавалеріи князя Чавчавадзе и начальника корпуснаго штаба генерала Духовскаго, открылъ совѣщаніе. Я не называю это совѣщаніе военнымъ совѣтомъ, такъ какъ оно имѣло, кажется, болѣе частный характеръ. Время отъ времени, подзывался тотъ или другой офицеръ генеральнаго штаба, разсматривались карты, допрашивались приведенные или сами явившіеся мѣстные жители. Слѣдя за этою сценой, гдѣ рѣшалась судьба многихъ людей, тотъ или другой исходъ битвы, даже кампаніи, мы лежали на землѣ или сидѣли на камняхъ, срывая и грызя траву, чтобъ освѣжить сохнушія отъ невыносимой жары губы, или покуривая въ десятый разъ папироску. Послѣдній глотокъ воды давно ужъ выпитъ, за стаканъ свѣжаго, прохладнаго питья дорого можно было бы дать: солнце безпощадно палило. Чувствовалась страшная истома, какъ всегда бываетъ послѣ сильнаго напряженія нервовъ и физической усталости. Въ душу проникло какое-то равнодушіе: гдѣ турки, уйдутъ или останутся

они, будетъ или не будетъ битва—не все ли равно? Вотъ тѣни нѣтъ, гдѣ бы укрыться отъ солнечнаго жара... Вижу, солдаты недвижно, какъ мертвые, лежатъ или сидятъ; запряженные въ орудія и стоящіе въ драгунскихъ и казачьихъ рядахъ лошади низко опустили голову, не шевелясь ни однимъ мускуломъ. А солнце жжетъ и жжетъ точно высушить хочетъ все живое...

Совѣщаніе все длилось и длилось; мнѣ казалось, что оно слишкомъ продолжительно въ виду непріятеля. Вдругъ, словно электрическая искра пронеслась въ воздухъ и оживила наше сонное царство. Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ всталъ и раздалось приказаніе потребовать всѣхъ начальниковъ частей, до батальонныхъ командировъ включительно. Совѣщаніе, длившееся ровно часъ, кончилось. Рѣшено начать бой.

Ординарцы, насколько было возможно, по камнямъ и крутизнамъ, пустились внизъ, къ войскамъ, и минутъ черезъ десять на „гору совѣщаній“ стали съѣзжаться бригадные генералы, командиры полковъ, батарей и батальоновъ. Не знаю, какимъ образомъ, но въ этомъ короткій промежутокъ времени сдѣлались извѣстны не только результаты, но и нѣкоторыя подробности происходившаго на совѣтѣ. Говорили, что генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сильно колебался, начать или не начинать боя. Это называли нерѣшительностью, тогда какъ, по преобладающему мнѣнію, турки были въ нашихъ рукахъ и въ *два часа* можно было завладѣть зевинскимъ лагеремъ; возникло предположеніе обойти ихъ съ фланговъ или отложить битву до слѣдующаго дня, пока хорошенько не выяснится, гдѣ Мухтаръ-паша; но возраженія эти были устранены тѣмъ аргументомъ, что не слѣдуетъ давать туркамъ соединиться и лучше разбить ихъ по частямъ. Вообще, замѣтно было, что общее сочувствіе было на сторонѣ генерала Геймана и генерала Комарова, которые стояли за быстрый, рѣшительный ударъ и опасались, какъ бы турки не ушли, не улизнули отъ нашихъ рукъ. Достовѣрные люди говорили, что на вопросъ, гдѣ открыть перерывочный пунктъ, генераль Гейманъ отвѣчалъ: „въ непріятельскомъ лагерѣ“. Фраза, которую военные историки занесли бы на свои страницы въ назиданіе потомству и причислили бы

къ числу героическихъ въ случаѣ удачнаго боя! Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдано было слѣдующее предусмотрительное приказаніе: назначить караулъ, для охраненія непріятельскаго лагеря по завладѣніи имъ; солдатамъ же объявить, что военная добыча будетъ впослѣдствіи раздѣлена между ними. Многіе, въ штабѣ нашемъ, рассчитывали на новыя палатки; я тоже просилъ, не позабыть и меня, такъ какъ въ походѣ у меня не было палатки и гостепріимный пріютъ оказывалъ мнѣ извѣстный генералъ Шульцъ, севастопольскій герой *). Мы дѣлили шкуру прежде поимки звѣря...

Когда всѣ начальники частей были собраны, генералъ Гейманъ подошелъ къ нимъ и передалъ диспозицію предстоявшаго боя. Рѣчь была немногосложна. Сущность ея состояла въ слѣдующемъ: командиръ гренадерскаго мингрельскаго полка, съ своими четырьмя батальонами и 4-ю батареями, подъ общимъ начальствомъ бригаднаго генерала Седергольма, долженъ былъ составлять *лѣвое* наше крыло и занять высоты, охватывавшія правый флангъ турокъ — это была указанная уже мною громадная гора съ сѣдлою, по гребню которой, кромѣ нѣсколькихъ рядовъ ложементовъ, непріятель имѣлъ двѣ батареи. Два гренадерскіе полка, грузинскій (три батальона) и тифлисскій (четыре батальона), съ шестою батареей и одною ротой саперъ, составляя *центръ*, должны были атаковать съ *фронта*. Начальникомъ этой колонны, какъ важнѣй-

*) Быть можетъ, многіе усилія ужъ позабыть, кто такой генералъ Шульцъ. Память на доброе у людей, вообще, коротка. Генералъ Шульцъ одинъ изъ благороднѣйшихъ, храбрѣйшихъ офицеровъ кавказской арміи, много разъ опасно раненый, былъ въ эпоху крымской войны комендантомъ александропольской крѣпости. Соскучившись своимъ бездѣйствіемъ, онъ выпросилъ себѣ четырехмѣсячный отпускъ и отправился проводить свое отпускное время на севастопольскихъ баціонахъ, гдѣ безвыходно пробылъ до конца осады, мужественно отстаивая развалины нашей Трои. Теперь генералъ Шульцъ, числясь по запаснымъ войскамъ, проживалъ за границею, въ средѣ своего семейства; но, при первой вѣсти о войнѣ, старый ветеранъ не выдержалъ, бросилъ семью и прилетѣлъ въ родную свою кавказскую армію. Объ этой свѣтлой, привлекательной личности мнѣ придется еще не разъ упомянуть.

шей, назначенъ былъ генералъ Комаровъ, командующій гренадерскою дивизіей. „Вы пойдете по этой дорогѣ“, говорилъ генералъ Гейманъ, указывая впередъ, по направленію сахарообразной горы. Г. Комаровъ кивнулъ, въ знакъ согласія, головою и принялъ видъ человѣка, котораго заставляютъ слушать азбучныя истины. Наконецъ, *правое* наше крыло, подъ начальствомъ бригаднаго генерала Авинова, образовалось изъ лейбъ-эриванскаго Его Величества полка (четыре батальона) и первой, второй и третьей девятифунтовыхъ батарей (четвертая и шестая батареи были четырехфунтоваго калибра).

— Да, я забылъ сказать, добавилъ генералъ Гейманъ, обращаясь къ князю Багратіону-Мухранскому, командиру мингрельскаго полка, — вся кавалерія, подъ начальствомъ князя Чавчавадзе, наблюдая къ сторонѣ корпуса Мухтара-паши обойдетъ правый флангъ турокъ и ударитъ имъ въ тылъ, такъ вы поддержите кавалерію... Ну, а затѣмъ (обращаясь ко всѣмъ), затѣмъ, господа, отправляйтесь на свои мѣста и расколотите скорѣе непріятеля!

Окончивая такъ эффектно свою рѣчь, показавшуюся многимъ изъ насъ образцомъ военного краснорѣчія, генералъ Гейманъ улыбнулся, сдѣлалъ что-то въ родѣ общаго полупоклона и, повернувшись, отошелъ къ командующему корпусомъ, который все это время задумчиво сидѣлъ въ сторонѣ. Предоставляя, очевидно, руководство боемъ генералу Гейману, корпусный командиръ сказалъ, однако, громко, такъ что всѣ слышали, отбѣзжавшему князю Чавчавадзе:

— Еще разъ прошу: берегите нашъ лѣвый флангъ!

Дѣйствительно, зная, что Мухтаръ-паша оставилъ уже отрядъ генерала Тергукасова и отступаетъ къ Зевину, слѣдовало опасаться, чтобъ онъ неожиданно не появился на нашемъ лѣвомъ флангѣ во время сраженія.

Начальники частей возвратились по своимъ мѣстамъ и все внизу ожило и зашевелилось. Было ровно половина второго, когда началось движеніе. У самой подошвы „горы со-вѣщаній“ пролегала дорога, спускавшаяся по ущелью въ обходъ тѣхъ возвышенностей, которыя были по нашу сторону

Зевина, и подходившая къ подошвѣ высоты, составлявшей правый флангъ турокъ, предоставленный мингрельцамъ. Отъ середины этой дороги шла другая, позади послѣдней возвышенности на лѣвой сторонѣ нашей позиціи, спускавшаяся къ Хыну-чаю у самаго селенія Зевинъ; та же дорога имѣла еще развѣтвленіе налѣво, въ гору, въ обходъ праваго турецкаго фланга. Поэтому, вся кавалерія, съ конными батареями, батальоны мингрельскаго полка съ четвертою пѣшею батареей, грузинскій и тифлискій полки съ шестою батареей, составлявшіе нашъ лѣвый флангъ и центръ, должны были потянуться по означенной дорогѣ и раздѣлиться только на ея развѣтвленіяхъ. Эриванскій же полкъ съ тремя девятифунтовыми батареями поднялся прямо и взялъ потомъ полусоборотъ направо.

Солнце, попрежнему, жгло нещадно, но нервы сильно были возбуждены, и, забывъ о жарѣ, мы слѣдили съ нашего возвышенія за каждымъ движеніемъ войскъ, боясь пропустить малѣйшую подробность растилавшейся передъ нами, какъ на ладони, картины. Сперва тронулись казаки и конный батареи. Движеніе замедлилось, потому что можно было идти только въ одно орудіе, и дорога была съ непрерывными неровностями и глубокими выбоинами. Потомъ пошли драгуны и, наконецъ, пѣхота, съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Какъ только мингрельцы, построившись въ боевой порядокъ, начали спускаться, четвертая батарея втащена была на ближайшую къ намъ, прикрывавшую дорогу, возвышенность и открыла огонь.

Первый нашъ выстрѣлъ раздался въ 2 часа 40 минутъ. Слѣдовательно, требовалось 1 часъ 10 минутъ, чтобъ только открыть первыя наступательныя дѣйствія. Между тѣмъ, три девятифунтовые батареи должны были сдѣлать большой объѣздъ, чтобъ выбраться на назначенную имъ позицію. Это былъ продолговатый гребень, почти параллельно лежащій къ турецкимъ центральнымъ и лѣвофланговымъ укрѣпленіямъ; по прямому направленію отъ нашихъ батарей до непріятеля было четыре и болѣе верстъ. Такимъ образомъ, съ самаго

начала уже оказалось, что правый флангъ нашъ вовсе не былъ *правымъ*, а обратился во *вторую линію центра*, но линію, почти оторванную отъ передовой, разстояніемъ не менѣе, какъ въ четыре версты; на дѣлѣ эти четыре версты удваивались крайне волнообразною, пресѣченною мѣстностью, заставлявшею дѣлать большіе обходы и утомлявшею какъ людей, такъ и лошадей. Первая, вторая и третья батареи также не замедлили открыть огонь.

Въ это время всѣ войска скрылись уже изъ глазъ, только кавалерія, исчезающая было внизу, снова показалась и узкою ленточкою вытягивалась влѣво, въ направленіи, почти противоположномъ непріятелю, во всякомъ случаѣ, отдалявшемъ отъ него. Обходное движеніе началось. Говорили, основываясь на показаніяхъ офицера генеральнаго штаба, что дорога эта хотя и кружная, но болѣе удобна, нежели ближайшая.

Мингрельцы, подаваясь впередъ, завязали, между тѣмъ, перестрѣлку съ непріятелемъ. Турки палили непрестанно и скоро всѣ ложементы ихъ праваго фланга засвѣтились синевато-бѣлымъ дымкомъ. Еще недавно безмолвныя, какъ пустыня, высоты точно ожили. Людей не видно было, почти незамѣтны были и ложементы, но непрерывная трескотня ружей и не-исчезавшія вспышки порохового дыма громко и ясно свидѣтельствовали о присутствіи непріятеля.

— Господи, турки уходятъ, снимаютъ палатки! сказалъ кто-то, наблюдая въ бинокль.

— Я говорилъ, что не выдержатъ, добавилъ другой.

Но турки не уходили. Нѣкоторыя палатки, дѣйствительно, были приняты, но, взявъ ихъ, можно было замѣтить, какъ подходили резервы, все гуще и гуще занимая окопы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на правомъ флангѣ непріятеля ружейный огонь все болѣе и болѣе усиливался; въ центрѣ же и на лѣвомъ флангѣ турки открыли орудійный огонь противъ нашихъ батарей. Очевидно, что мингрельцы уже лѣзли на непріятеля, тогда какъ центральная наша колонна еще была далеко. Генералъ Гейманъ послалъ сказать начальнику этой колонны, г. Комарову, что онъ пошелъ не по той дорогѣ, взявъ слишкомъ

влѣво. Потомъ, какъ бы недовольный, генераль Гейманъ потребовалъ коня.

Полагая, что начальникъ отряда ѣдетъ къ войскамъ, чтобъ ближе и непосредственнѣе руководить боемъ и опасаясь опустить самый интересный моментъ сраженія, я подошелъ и попросилъ у генерала Геймана позволенія слѣдовать за нимъ.

— Но я не веду сегодня колоннъ; здѣсь и безъ того довольно генераловъ, нужно же имъ дать случай отличиться.

Нѣсколько „осаженный“ въ своемъ рвеніи, я еще болѣе убѣдился, что генераль Гейманъ не придаетъ особаго значенія нынѣшнему дѣлу и считаетъ его пустякомъ сравнительно съ Ардаганомъ, когда онъ принималъ такое видное, личное участіе въ боѣ. Въ это время и командующій корпусомъ велѣлъ подать лошадь, чтобъ избрать болѣе близкій пунктъ наблюденія. Я послѣдовалъ за нимъ.

Спустившись съ „горы совѣщаній“ и взявъ немного влѣво мы пересѣкли дорогу, по которой еще недавно проходили войска, и взобрались на возвышенность, гдѣ первоначально оставилась и открыла огонь четвертая батарея. Въ настоящую минуту батареи этой здѣсь уже не было. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, убѣдившись въ чрезчуръ дальнемъ разстояніи этой позиціи даже отъ ближайшихъ непріятельскихъ укрѣпленій, четвертая батарея спустилась версты на двѣ ниже, наискосокъ праваго непріятельскаго фланга, и отсюда начала бить по турецкимъ окопамъ, пуская въ ходъ разрывныя гранаты. Проѣхавъ мѣсто первоначальнаго расположенія четвертой батареи и подавшись нѣсколько вправо, мы остановились на овальной, обрывистой горѣ. Съ этой горы, которую можно назвать „горою наблюденій“, была довольно ясно видна вся картина боя.

Направо отъ насъ, черезъ оврагъ, нѣсколько впереди, стояли наши 24 девятифунтовыя орудія, поддерживая не частый, но неумолкаемый огонь. Въ виду дальности разстоянія, они могли стрѣлять только обыкновенными гранатами, такъ какъ разрывныя можно пускать лишь съ дистанціи не болѣе 800 сажень. Лѣвѣе отъ насъ виднѣлись восемь четырехфун-

товыхъ орудій четвертой батареи. Турки отвѣчали преимущественно съ центральной и конусообразной батареей, направляя, главнымъ образомъ, огонь на первую, вторую и третью наши батареи. Непріятельскіе снаряды очень ловко ложились то впереди, то сзади орудій, но не причиняли особаго вреда. Въ гранатахъ ихъ количество разрывного состава невелико и разрывная трубка устроена такъ, что прежде взрыва снарядъ успѣетъ довольно глубоко войти въ землю, такъ что осколки оттуда летятъ вверхъ, почти не разбрасываясь по сторонамъ. Случалось, что турецкія гранаты падали у самага хобота орудія и не причиняли никакого вреда. Только одинъ непріятельскій выстрѣлъ былъ для насъ особенно несчастливъ, перебивъ лошадей въ зарядномъ ящикѣ и положивъ нѣсколько артиллеристовъ. Наоборотъ, на четвертую батарею турки направляли, главнымъ образомъ, ружейный огонь съ самыхъ дальнихъ разстояній. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что въ зевинскомъ сраженіи турки оборонялись болѣе всего ружейнымъ огнемъ; орудій же у нихъ было, сравнительно, немного; наоборотъ, наша артиллерія, во всѣхъ отношеніяхъ, преобладала надъ турецкою и могла играть самую видную роль въ боѣ, какъ и при взятіи Ардагана. Къ сожалѣнію, она лишена была возможности выполнить эту роль.

Прямо противъ насъ, по спуску, верстахъ въ четырехъ, между горныхъ разсѣлинъ, виднѣлась подошва зевинской позиціи. Тутъ шла упомянутая уже дорога и узкою ленточкою блестѣлъ Хыны-чай, черезъ который перекинутъ былъ мостъ. Далѣе, въ заворотѣ ущелья, виднѣлись живописныя развалины стараго замка и селеніе Зевинъ. Выдававшіяся здѣсь впередъ возвышенности нашей позиціи застилали дальнѣйшій видъ на Зевинское ущелье. Зато ясно была замѣтна крутизна подъемовъ на турецкія укрѣпленія. Конусообразная батарея была отъ насъ по направленію вправо.

Въ то время, когда мы остановились на „горѣ наблюденій“, ружейная перестрѣлка на лѣвомъ нашемъ флангѣ съ каждою минутою разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Видно было, какъ батальонъ мингрельцевъ поднимался на гребень,

бывшій противъ четвертой батареи; два другіе ихъ батальона карабкались еще лѣвѣе, противъ крайней непріятельской высоты, стараясь, повидимому, охватить ихъ правый флангъ. Еще одинъ батальонъ мингрельцевъ стоялъ въ резервѣ, прикрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, четвертую батарею. Центральная колонна стояла еще внизу у моста, не доходя селенія Зевинъ.

— Что жъ они не начинаютъ? спросилъ корпусный командиръ. Вѣдь, такъ мингрельцы одни останутся! и послалъ къ генералу Комарову приказаніе поддержать мингрельцевъ.

Я оглянулся, отыскивая глазами генерала Геймана. Оказалось, что онъ уѣхалъ. Голубой значекъ его спускался по направленію къ крайнему нашему лѣвому флангу, гдѣ, какъ муравьи, ползли вверхъ мингрельцы. Пока посланный достигъ центральной колонны, генералъ Комаровъ двинулся уже впередъ; головныя части его колонны пришли уже въ Зевинъ и стали подниматься на почти отвѣсныя высоты. Только тутъ были сняты ранцы съ людей. Въ то же время мингрельцы поднялись и, прогнавъ непріятеля съ перваго гребня, бывшего впереди четвертой батареи, залегли на высотѣ, поддерживая огонь съ турками, залегшими въ ложементахъ, бывшихъ впереди лагеря. Черезъ головы мингрельцевъ перелетали разрывныя гранаты четвертой батареи и цѣлыми букетами разрывались надъ турецкими ложементами. Иногда видно было, какъ турки, не выдержавъ нашего огня, быстро подавались назадъ, во вторую линію окоповъ, но, гонимые офицерами, подъ покровомъ дыма, снова занимали только что оставленные ложементы. Другія части мингрельскаго полка, бывшія лѣвѣе, тоже остановились и залегли на занятыхъ мѣстахъ. Имъ вѣнено было въ обязанность поддержать кавалерію, а кавалерія еще и не показывалась!

— Гдѣ же наша кавалерія? спросилъ командующій корпусомъ.

— Скоро покажется, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ офицеръ, изслѣдовавшій ту дорогу, по которой по-

слана была кавалерія. Прошло уже почти три часа, какъ началось движеніе князя Чавчавадзе.

Въ то время, какъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, въ ожиданіи кавалеріи, наступило, такимъ образомъ, затишье и если не прекращалась ружейная стрѣльба, то развѣ потому только, что у турокъ было изобиліе въ патронахъ, слышались первые ружейные выстрѣлы въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ непріятеля. Съ этой минуты весь интересъ боя сосредоточивался на этой сторонѣ...

Хотя приказаніе о поддержкѣ мингрельцевъ было получено въ центральной колоннѣ тогда, когда колонна эта уже значительно продвинулась впередъ, тѣмъ не менѣе, одинъ батальонъ тифлисецъ былъ посланъ влѣво, на высоты. Еще раньше, три роты грузинскаго полка выдвинуты были на правую сторону возвышенности, чтобъ прикрыть фланговое движеніе центральной колонны. Слѣдовательно, тифлискій батальонъ не могъ оказать никакого содѣйствія мингрельцамъ; они были гораздо лѣвѣе, отдѣлены непроходимыми крутизнами, и въ этотъ моментъ, выполнивъ первую часть своей задачи, залегли на занятыхъ гребняхъ въ ожиданіи кавалеріи: тифлискій батальонъ очутился, поэтому, въ изолированномъ положеніи, встрѣтивъ почти отвѣсныя скаты и оторвавшись, такъ сказать, отъ своей колонны. Между тѣмъ, остальные батальоны грузинцевъ и тифлисецъ, скинувъ, наконецъ, ранцы и принявъ еще правѣе, стали взбираться на высоты, бывшія впереди конусообразной батареи. Въ первой линіи были два батальона грузинцевъ, потомъ шли три батальона тифлисецъ и рота саперъ. Всего, слѣдовательно, главная атакующая колонна состояла изъ пяти батальоновъ и одной роты саперъ. Еще ниже была одна рота грузинцевъ изъ того батальона, который остался на лѣвомъ флангѣ.

Со всѣхъ турецкихъ окоповъ открылся самый страшный, ни на секунду неумолкавшій огонь. Они стрѣляли не только изъ ближайшихъ ложементовъ, бывшихъ впереди батарей, на гребнѣ, куда карабкались наши молодцы, но изъ окоповъ лагеря, съ самыхъ дальнихъ дистанцій, откуда только можно

было пустить на удачу пулю. Передавали потомъ, что въ турецкомъ лагерѣ не разъ паника пробѣгала по рядамъ. Турки изумлялись и не вѣрили своимъ глазамъ, видя, какъ наши удалцы неустанно ползутъ на высоты, по которымъ въ пору прыгать развѣ дикимъ козамъ. „Русскіе съ ума сошли, или пьяны“, говорили турецкіе начальники, съ трудомъ удерживая на мѣстѣ своихъ солдатъ, и солдаты эти, видя, что за ними еще открыта дорога, по которой всегда будетъ время бѣжать, оставались за насыпями своихъ ложементовъ и, уставивъ ружье въ одну точку, боясь выглянуть изъ-за прикрытія, посылали зарядъ за зарядомъ въ ту сторону, откуда тихо, шагъ за шагомъ, какъ туча, надвигались гренадеры. Наши колонны не стрѣляли; только шедшіе съ боку, по ущелью, поднимавшемуся параллельно высотамъ, охотники, засѣдая временно за камнями, поддерживали огонь. Приходилось опираться прикладомъ или штыкомъ, чтобы взбираться или чтобы не скатиться внизъ; отъ крутизны безконечнаго подъема нехватало воздуха въ груди и люди изнемогали отъ усталости; ружье, патронная сумка, мундиръ, шапка — все казалось невыносимою тяжестью.

Въ иныхъ мѣстахъ, чтобы удержаться на мѣстѣ, солдаты и офицеры хватались за низенькіе кустики колючекъ, единственное, кажется, растеніе, живущее на этихъ скалахъ. А турки все надавали и надавали огня; ружейная трескотня была такая частая, что, казалось, въ турецкихъ ложементахъ находятся тысячи митральезъ, приводимыхъ въ дѣйствіе одною рукою, посредствомъ какого нибудь адскаго механизма, придуманнаго для истребленія человѣчества *).

Налѣво отъ высотъ, на которыя поднимались наши храбрыцы, по указанному выше ущелью пролежала узкая дорожка, извиваясь между двухъ горъ. Дорожка эта вела къ турецкому лагерю. Взорвавшись по ней, охотники грузинскаго и тифлискаго полковъ захватили занятый турками, бывший на по-

*) Я не могъ достоверно узнать, были ли, дѣйствительно, митральезы на зевинскихъ укрѣпленіяхъ, какъ это предполагали многіе.

ловинѣ дороги заваль и завязали меткую перестрѣлку съ непріателемъ. Пользуясь этимъ, генераль Комаровъ приказалъ втащить туда же орудія шестой четырехфунтовой батареи и самъ поѣхалъ туда съ своею свитою. Ужъ видятъ наши солдатики, какъ взлетаетъ наша батарея; радостно замѣчаютъ они, какъ два первыхъ орудія завозятся впередъ и снимаются съ передковъ. „Вотъ-вотъ, думаютъ (разсказывали мнѣ потомъ), голубушка наша прыснетъ картечью и дѣло будетъ слажено; но не тутъ то было!“ Едва начальникъ колонны, генераль Комаровъ, появился позади только что занятаго завала, едва первые два орудія шестой батареи отыскали мѣсто, гдѣ можно было сняться съ передковъ, какъ всѣ ближайшіе турецкіе завалы огласились новыми залпами, направленными въ этотъ пунктъ. Нѣсколько очевидцевъ говорило мнѣ, что не прошло и минуты, какъ кучка всадниковъ, гдѣ былъ генераль Комаровъ, батарея, лошади, прислуга — все исчезло. Моментально почти всѣ конные были спѣшны и орудія остались безъ лошадей. Подъ генераломъ Комаровымъ одна лошадь убита, другая ранена; онъ самъ получилъ сквозную рану въ мягкую часть ноги, ниже колѣна; въ взводнаго артиллерійскаго офицера угодили двѣ пули; прислуга у орудій или перебита, или переранена. Пришлось оставить мысль поставить здѣсь батарею; разгояніе до непріятельскихъ ложементовъ было слишкомъ близкое, другого же мѣста, гдѣ бы могли удержаться, не скатываясь въ кручу, орудія, не было на этихъ почти отвѣсныхъ высотахъ. Шестой батареѣ приказано было вернуться назадъ, а изъ двухъ орудій, у которыхъ были перебиты люди и лошади, одно скатилось въ оврагъ, а другое осталось на мѣстѣ *). Кто знаетъ, какъ наши солдаты любятъ артиллерію, какъ дорожатъ ея присутствіемъ въ битвѣ, тотъ можетъ понять, что должны были почувствовать въ эту минуту гренадеры, бывшіе свидѣтелями описанной сцены. На содѣйствіе батареи нечего было расчитывать; про-

*) Ночью это орудіе было вывезено охотниками грузинскаго полка, а упавшее въ оврагъ орудіе было взято артиллеристами еще днемъ.

тивъ ружейнаго огня, картечи и разрывныхъ гранатъ не-
пріятеля гренандеры снова оставались одни...

И они, все таки, шли впередъ, помышляя только о томъ,
какъ бы добраться поскорѣе до непріятеля. Вскорѣ и коман-
диръ тифлискаго полка, полковникъ Ридигеръ, былъ раненъ.
Пуля, по счастью, ударила въ шашку и рикошетомъ разрѣ-
зала только ногу. Сдѣлавъ перевязку, полковникъ Ридигеръ
остался съ полкомъ, но не могъ двигаться.

За отъѣздомъ раненаго генерала Комарова, старшимъ на-
чальникомъ въ центральной колоннѣ остался командиръ гру-
зинскаго полка, полковникъ Рыдзевскій. Теперь, послѣ того,
какъ ближайшій его помощникъ, командиръ другого полка,
г. Ридигеръ, былъ раненъ, обязанность эта выпала всецѣло
на долю г. Рыдзевскаго... Со всѣхъ сторонъ слышалъ я, впо-
слѣдствіи, отзывы, свидѣтельствующіе, что полковникъ Рыд-
зевскій самымъ блестящимъ образомъ выполнилъ внезапно сва-
лившуюся на него тяжелую задачу. Извѣстно, какая крити-
ческая минута наступаетъ въ тотъ моментъ сраженія, когда
непріятель нетолько подается назадъ, но усиливаетъ оборону,
когда начальникъ раненъ и выбылъ изъ строя, когда еже-
минутно убилъ людей усиливается и ближайшіе командиры
убиты или ранены. Въ такихъ случаяхъ, въ рядахъ солдатъ,
неизвѣстно откуда, быстро распространяется сознаніе, что
дѣлается что-то неладное, что общаго руководства нѣтъ, что
сраженіе обращается въ безцѣльную бойню. Въ такіе момен-
ты, обыкновенно, легко падаетъ дисциплина, проходитъ увле-
ченіе и на мѣсто его является чувство самосохраненія, под-
сказывающее очень часто несомнѣнно красивыя поступки.

Положеніе гренандеръ, особенно тифлисцевъ—было крити-
ческое. Главный начальникъ былъ раненъ, ежеминутно вра-
жескія пули, градомъ сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, выры-
вали изъ строя товарищей, офицеровъ, ротныхъ и батальон-
ныхъ командировъ, а между тѣмъ, впереди все еще оставались
почти неприступныя высоты, для достиженія которыхъ нужно
было все присутствіе духа и полная свѣжесть физическихъ
силъ; а силы эти въ значительной степени были уже подор-

ваны еще до начала сраженія — походомъ въ 15 верстъ и
продолжительнымъ стояніемъ на мѣстѣ, подъ палящими лу-
чами солнца. Все это, безъ сомнѣнія, очень хорошо созна-
валъ полковникъ Рыдзевскій. Пренебрегая собою, онъ обо-
дрилъ ряды, ободрялъ людей и, образуя команды охотниковъ,
лично водилъ ихъ на непріятеля. И духъ гренандеръ ни на
минуту не ослабъ, и, изнемогая отъ физической усталости,
гренандеры подвигались и подвигались впередъ.

Безъ сомнѣнія, только долготерпѣливый и стойкій рус-
скій народъ могъ все это вынести. Въ свою очередь, дѣя-
тельными помощниками полковника Рыдзевскаго явились
офицеры и ближайшіе командиры. Какъ и всегда, они были
впереди, причемъ нѣкоторые не слѣзали даже съ лошадей.
Нужно замѣтить, что въ гренандерской дивизіи значительная
часть офицеровъ состоитъ изъ грузинъ; они видятъ въ кав-
казскихъ войскахъ что-то особенно близкое, родное. Да и не-
удивительно. Дѣды, отцы, братья служили въ этихъ же ря-
дахъ, жертвовали здоровьемъ и жизнью, сражаясь съ тѣмъ
же врагомъ. Офицеры-грузины увлекаются въ бою, какъ
французы. Еще достойная примѣчанія черта: они глубоко,
искренно любятъ русскаго солдата и говорятъ о немъ съ
горячностью и пыломъ южанъ, восхваляя его качества. Въ
числѣ здѣшнихъ офицеровъ есть также довольно поляковъ.
Они также прекрасно исполняютъ свой долгъ; о русскихъ
же офицерахъ нечего и говорить.

Невозможно передать всѣхъ отдѣльныхъ подвиговъ, кото-
рыми отличались въ этотъ день офицеры и солдаты гrena-
дерской дивизіи. Вольноопредѣляющіеся и юнкера, эта юная,
безусая молодежь, соперничала въ храбрости и стойкости съ
ветеранами. Падаетъ, напримѣръ, пораженный на повалъ
командиръ роты Аванасевъ. Вольноопредѣляющійся князь
Абашидзе спѣшитъ на помощь. „Абашидзе!“ вскрикиваетъ
только несчастный и умираетъ, какъ герой, впереди своихъ
солдатъ. „Впередъ! отмстимъ за командира!“ говоритъ князь
Абашидзе, а поднятую въ это время руку поражаетъ пуля,
повреждая два пальца. Не взирая на рану, молодой чело-

вѣкъ продолжаетъ идти впередъ. Черезъ нѣсколько шаговъ падаетъ его товарищъ, раненый въ ногу. „Абашидзе!“ кричитъ онъ, „приколи меня, но не отдавай туркамъ!“. Князь Абашидзе наклоняется, чтобъ поднять раненаго, но новая пуля поражаетъ другую его руку. Тѣмъ не менѣе, израненными руками князь Абашидзе помогаетъ товарищу протаскаться внизъ, до ближайшаго камня... Вотъ каковы эти молодые люди! Я видѣлъ ихъ потомъ почти всѣхъ и считалъ за честь каждому изъ нихъ пожать руку. Очень многіе изъ вольноопредѣляющихся и юнкеровъ ранены. Чудомъ спасшіеся отъ пули завидуютъ «счастливымъ», получившимъ раны. Помню маленькаго, худенькаго, съ впалою грудью вольноопредѣляющагося. Пришелъ онъ навѣстить раненныхъ, папиромъ что-ли, принесъ, и смотритъ грустными, блестящими глазами на раненую руку товарища.

— Поздравляю, говорю ему я, благополучно отдѣлались.

— Есть съ чѣмъ поздравлять! Вотъ ихъ поздравить можно... Ужъ несчастіе мое такое! Подъ Ардаганомъ былъ, теперь тоже, и ни одна не задѣла!..

— Да и слава Богу, что не задѣла!

— Нѣтъ, это великая честь...

— Успѣете еще! утѣшаю его.

— Дай Богъ! говорить.

Вотъ подите, разберите этихъ молодыхъ людей! Скажутъ, конечно (найдутся и такіе)—„награды ищеть“. Нѣтъ, не въ наградѣ тутъ дѣло! Жертвовать хочется, наглядно, осязательно отдать хотя частицу самого себя за общее дѣло. Ему кажется, что это не жертва, что онъ шель вмѣстѣ съ другими, подъ градомъ пуль, каждую секунду рискуя своею жизнью. Всѣ шли и онъ шель—что жъ это за жертва? Нужно быть раненымъ, пострадать, отдать болѣе другихъ—вотъ это будетъ жертва. Такъ думаетъ эта молодежь, которую у насъ такъ любятъ поносить. Сердце ея всегда тамъ, гдѣ требуется страданіе за общее дѣло... Эго по поступкамъ, по глазамъ видно...

Около 5-ти или 5¹/₂ часовъ, грузинцы и тифлисцы взоб-

рались, наконецъ, на высоты и выгнали турокъ изъ первой линіи ихъ ложементовъ. Охотники грузинскаго полка и батальонъ тифлисцевъ, продолжая наступать по ущелью, достигли подошвы конусообразной батареи. Остальные роты грузинцевъ и два батальона тифлисцевъ, шедшіе прямо на высоту, бывшую впереди конусообразной батареи, находились правѣе. Передохнувъ и устроившись на занятой высотѣ, гренадеры могли хотя отчасти отомстить туркамъ за ихъ убійственный, ни на секунду неумолкавшій огонь. Залегши за неровностями горы, наши открыли бѣглую и меткую стрѣльбу по ложеаментамъ. Передъ ними ясно виднѣлась батарея съ вѣнеобразнымъ ложементомъ вокругъ. Сбоку этой батареи, какъ на ладони, стояли палатки главнаго лагеря; съ другой стороны (вправо отъ насъ), разстилалась ровная мѣстность, о которой я упоминалъ уже, описывая зевинскую позицію. По прямой линіи, до батареи и лагеря было не болѣе 300—400 шаговъ. Оставалось завладѣть этою батареей, для чего нужно было только пройти указанное пространство. Съ гребня, который заняли уже съ боя гренадеры, казалось, что главнѣйшія трудности подъема уже были пройдены. Видно было, что мѣстность нѣсколько понижалась и, образуя небольшую ложбинку, по необыкновенно крутому, но не длинному подъему, подходила къ батарее.

Подъ прикрытіемъ огня съ гребня, охотники и нѣсколько ротъ пошли на приступъ. Каково же было удивленіе, когда, придвинувшись нѣсколько впередъ, штурмующіе встрѣтили новый глубокой оврагъ! Чтобъ приблизиться къ батарее, приходилось почти отвѣсно спускаться внизъ и потомъ опять подниматься на страшную крутизну. Совершить все это нужно было подъ жаркимъ огнемъ, такъ какъ оврагъ отлично обстрѣливался вдоль, особенно изъ лагеря и ложементовъ второй турецкой батареи; находившіеся здѣсь турецкіе резервы, почти безнаказанно, батальнымъ огнемъ могли поражать штурмующихъ какъ при спускѣ, такъ и во время подъема. Гренадеры, однако, не остановились. Сошедши внизъ, они смѣло стали подниматься на конусообразную гору. Атаку ихъ под-

держивали охотники и роты, поднявшіяся, какъ сказано, слѣва, по ущелью. Взобравшись на половину конусообразной горы, штурмующіе должны были только пройти шаговъ 150 до окружавшей батареи траншеи. Но всякій разъ, какъ подавались они впередъ, выбиваясь изъ силъ, чтобъ подняться на высоту, цѣлыя тучи пуль направлялись на горсть храбрецовъ, разомъ вырывая изъ строя половину и болѣе людей. Отстрѣливаясь и вынося убитыхъ и раненыхъ, возвращались герои за ближайшій изгибъ горы и, нѣсколько передохнувъ, снова бросались впередъ; но снова повторялось то же самое. Не менѣе четырехъ разъ возобновлялась эта атака. Офицеры показывали примѣръ, солдаты соперничали другъ съ другомъ; но дѣло было выше силъ человѣческихъ.

Тутъ пали смертью храбрыхъ офицеры тифлискаго полка Радзевичъ (молодой человѣкъ, только въ августъ прошлаго года выпущенный изъ училища, уроженецъ Витебской губерніи, общій любимецъ) и Ясовивъ; смертельно раненъ Софіевъ; сильно контуженъ въ животъ князь Орбеліани, изъ роты котораго выбыло болѣе половины людей. Тутъ же палъ грузинскаго полка штабсъ-капитанъ Боровикъ и смертельно раненъ Сагиновъ.

Еслибъ наши девятифунтовые батареи были поставлены ближе, онѣ могли бы, засыпавъ картечными гранатами неприятельскіе ложементы, хотя на пять минутъ прекратить или хотя ослабить страшный ружейный огонь турокъ; этихъ пяти минутъ было бы достаточно для штурмующихъ; но батареи находились далеко, бросаемыя ими обыкновенныя гранаты не могли оказать должнаго вліянія — онѣ не уменьшили даже огня конусообразной батареи. Наконецъ, въ самую нужную минуту, когда гренандеры бросились впередъ, наши батареи, поневолѣ, должны были прекратить стрѣльбу, чтобъ не поражать своихъ, такъ какъ за пороховымъ дымомъ и дальностью разстоянія нельзя было ручаться за вѣрность прицѣла.

Изнеможенные трудностями подъема, голодные, истомленные жаждою и палящими лучами солнца, грузинцы и тифлисцы, потерявъ множество ранеными и убитыми, вынуждены

были, наконецъ, прекратить наступленіе. Они остались на занятыхъ мѣстахъ, поддерживая рѣдкій огонь съ неперестававшимъ палить неприятелемъ. Къ туркамъ непрерывно подносили новые запасы патроновъ; въ нашихъ же батальонахъ бывшіе въ сумкахъ патроны, по 60-ти на человѣка, сильно уже оскудѣли. Послали людей за запасными патронами, чувствовалась сильная нужда въ подкрѣпленіи; но патронные ящики были далеко назади, резервовъ вблизи не было...

Раненыхъ и убитыхъ офицеровъ и товарищей гренандеры выносили изъ линіи наибольшаго огня, стараясь укрыть ихъ за камнями на склонѣ горы, противоположномъ неприятелю. Въ этомъ человѣколюбивомъ дѣлѣ они снова несли страшныя потери. Тучи пуль устремлялись въ тотъ пунктъ, гдѣ замѣчалось хотя небольшое скопленіе людей. Не разъ случалось, что раненаго поражали новыя пули и добивали окончательно, несшіе его также падали мертвыми или получали раны. Не менѣе 15-ти человѣкъ было поражено въ то время, когда гренандеры нѣсколько разъ бросались впередъ, чтобъ вынести тѣла двухъ офицеровъ — Ясовича и Боровика, слишкомъ близко павшихъ отъ неприятельской траншеи. Такъ и достались туркамъ трупы этихъ храбрыхъ офицеровъ...

Странное, непонятное чувство овладѣло гренандерами. Они, рвавшіеся въ бой, слышавшіе, какъ кругомъ нихъ все опасалось, чтобъ турки не убѣжали, они, видѣвшіе, какъ удиралъ передъ ними неприятель при Ардаганѣ или въ дѣлѣ 3-го іюня, не могли себѣ уяснить, что происходило въ этотъ день, отчего это избранное, храбрѣйшее въ мірѣ войско вынуждено было остановиться, когда неприятель находится въ нѣсколькихъ шагахъ...

— Ваше благородіе, это не турки, говорили солдаты.

— У него ружья лучше, замѣчали другіе.

Но ружья не были лучше. Турки стрѣляли, большею частью, какъ безумцы, не цѣлясь, на самыя большія дистанціи, навѣсно; шальные пули залетали очень далеко, на двѣ, даже на три тысячи шаговъ, и случайно на такомъ разстояніи могли ранить и даже убивать; но рука, руководившая тур-

ками въ зевинскомъ боѣ, дѣйствительно, была неполнѣ турецкая. Залегши противъ конусообразной батареи, многіе изъ гренадеръ очень ясно видѣли на турецкой траншеѣ офицеровъ съ вовсе не турецкими физіономіями. Одинъ изъ нихъ, долго, не скрываясь, стоялъ съ папироскою въ зубахъ и хладнокровно распоряжался; другой, подѣ выстрѣлами, мѣрно прохаживался вдоль батареи, заложивъ за спину руки.

— Этого не сдѣлаетъ турецкій офицеръ, говорили мнѣ потомъ лица, сами поступавшія такимъ же образомъ подѣ еще болѣе жестокимъ и продолжительнымъ огнемъ непріятеля.

— Что же, эти храбрецы такъ и уцѣлѣли?

— Нѣтъ, наши стрѣлки ихъ ссадили; по крайней мѣрѣ, они не появились потомъ.

Въ сраженіи, иногда, происходитъ охота на людей, и наиболѣе-то храбрые, смѣлые и подвергаются ей... Я сказалъ бы: „такова справедливость войны“, еслибъ и въ дни мира наиболѣе благородные, честные и добрые люди, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, не являлись зачастую и наиболѣе несчастными, благодаря неразумію, злобѣ или эгоизму господствующей среды. Въ настоящемъ же случаѣ подобная „охота“ очень извинительна. Не знаю навѣрно, кто такіе эти иностранцы, являющіеся въ рядахъ турецкой арміи, но здѣсь почти никто не сомнѣвается признать въ нихъ англичанъ; иные называютъ венгерцевъ и польскихъ эмигрантовъ. Во всякомъ случаѣ, въ здѣшней арміи проявляется сильное ожесточеніе противъ этихъ добровольныхъ защитниковъ турецкаго варварства. Солдатъ нашъ всегда окажетъ пощадѣ пораженному врагу; если онъ не находится въ пылу битвы, доброе сердце его пожалѣетъ даже турка; но если въ руки его, въ рядахъ турецкихъ, попадетъ иностранецъ, особенно англичанинъ, за жизнь англичанина рискованно прозакладывать даже копейку. Онъ считаетъ безчестнымъ, дикимъ, непростительнымъ, если въ рядахъ турецкихъ, этихъ угнетателей христіанъ, встрѣчается образованный человѣкъ, христіанинъ... Это уже не человѣкъ, думаетъ нашъ солдатъ,—это звѣрь!

Вскорѣ послѣ того, какъ грузинцы и тифлисцы, въ ожиданіи патроновъ и покрѣпленія, залегли на занятыхъ ими высотахъ, на лѣвомъ турецкомъ флангѣ, на той довольно ровной мѣстности, о которой не разъ уже было упомянуто и которая прилежала одною стороною къ конусообразной батарее, представляя незанятое пространство турецкаго лагеря, показалась кавалерія. Выславъ цѣпь застрѣльщиковъ, кавалерія приближалась къ лѣвому непріятельскому флангу, какъ бы стараясь примкнуть къ правому крылу грузинцевъ и тифлисцевъ. У многихъ изъ нашихъ сердце екнуло отъ радости. Вотъ эта кавалерія ударитъ во флангъ и въ тылъ турокъ, а наши воспользуются моментомъ, чтобъ довершить ударъ. Предположеніе это имѣло тѣмъ болѣе основанія, что еще съ утра много толковалось объ „обходномъ движеніи“ кавалеріи. Съ другой стороны, турецкіе завалы, бывшіе съ этой стороны, не переставали дымить и свѣтиться ружейнымъ огнемъ. Издавали казалось, что выстрѣлы съ этихъ заваловъ направлены противъ надвигавшихся всадниковъ. Мимолетная радость скоро, однако, смѣнилась разочарованіемъ. Приблизившись, кавалерія бросилась въ атаку на правый флангъ грузинцевъ. Это были новые враги—къ турецкой пѣхотѣ присоединилась кавалерія; непріятель полагалъ, вѣроятно, этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобъ сбить гренадеръ съ ихъ позиціи и перейти въ наступленіе. Какъ только истина обнаружилась, немедленно, два—три ближайшіе взвода грузинцевъ перемѣнили фронтъ и встрѣтили неожиданныхъ враговъ меткими залпами. Турецкіе драгуны и всадники не выдержали и дали тылъ. Отойдя, затѣмъ, на извѣстное разстояніе, они спѣшились и стали поражать нашихъ гренадеръ продолжными выстрѣлами, выжидая, очевидно, случая, чтобъ возобновить атаку въ конномъ строѣ. Такимъ образомъ, не наша, а турецкая кавалерія совершила „обходное движеніе“; на нашемъ правомъ флангѣ не было даже сотни, чтобъ встрѣтить, какъ слѣдуетъ, эту атаку.

Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе на сраженіе производитъ обыкновенно, неожиданное появленіе кавалеріи на флангѣ

сражающагося. Тѣмъ болѣе это вліяніе должно быть сильно, когда непріятельская кавалерія ведетъ атаку не на флангъ, а на одну изъ сторонъ или тылъ *центра*. Не слѣдуетъ забывать, что грузинцы и тифлисы имѣли право считать себя *центромъ* нашей боевой линіи. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, слово „обошли“ быстро обѣгаетъ ряды, а съ этимъ словомъ неразрывно соединяется представленіе о неудачныхъ распоряженіяхъ, объ отсутствіи помощи, о проигрышѣ сраженія. Только стойкая, закаленная пѣхота въ состояніи выдержать подобное испытаніе и не допустить паникѣ прокрасться въ свои ряды. Наша образцовая пѣхота, наши гренадеры стойчески выдержали это испытаніе. Отбивъ первую атаку турецкой кавалеріи, сильно порѣдѣвшіе ряды гренадеръ остались на своихъ мѣстахъ. Не турецкая сила могла выбить ихъ оттуда: они всѣ легли бы, но не отступили бы!

Критическое положеніе праваго фланга нашего „центра“ не измѣнилось, однако, послѣ отбитія первой атаки турецкой кавалеріи. Необходимо пояснить, что съ этой стороны у насъ находились только двѣ или три роты грузинцевъ, изъ которыхъ часть была въ цѣпи, и саперная рота, оставленная, по распоряженію полковника Рыдзевскаго, въ резервѣ *).

Когда кавалерійская атака была отбита, грузинцы, обвернувъ флангъ фронтомъ къ кавалеріи, стали тѣснѣе. Въ это время часть турецкой пѣхоты, пользуясь неровностями почвы, стала подбѣгать, желая, въ свою очередь, обойти нашъ флангъ, и начала съ близкаго разстоянія поражать насъ про-

*) Эти саперы не принимали еще активнаго участія въ боѣ, но успѣли же потерять офицера. Это былъ подпоручикъ Шрадеръ (Вильгельмъ), родомъ пруссакъ, прикомандированный къ 1-му саперному батальону. Онъ участвовалъ въ войнахъ Пруссіи съ Австріей и Франціей и всегда выходилъ цѣль и невредимъ изъ сраженій. Во время зевинскаго боя онъ долженъ былъ остаться съ сапернымъ батальономъ, отошедшимъ на Мелю. дизъ, для охраненія Вагенбурга; но Шрадеръ выпросился въ качествѣ охотника и пошелъ съ назначенною въ бой ротою саперъ. Шрадеръ сидѣлъ, облокотившись на руку, возлѣ своихъ саперъ и ротнаго командира, когда турецкая пуля ударила его въ високъ и, пронизавъ голову, сразу положила на вѣки.

дольными выстрѣлами. У грузинцевъ ужъ нечѣмъ было отвѣчать на этотъ губительный огонь — всѣ патроны были разстрѣляны. Узнавъ объ этомъ, полковникъ Рыдзевскій приказалъ наскоро собрать сумки убитыхъ и раненыхъ и передать ихъ взводамъ, на которые наступали турки; въ свою очередь, грузинцы „призывали“ патроновъ въ саперной ротѣ; эта рота также не дремала: въ то время, когда грузинцы получили возможность хотя отчасти отвѣчать туркамъ и задерживать ихъ наступленіе, саперы подошли и дали по непріятелю нѣсколько молодецкихъ залповъ. Пѣхота турецкая, понесши большую потерю, вынуждена была отойти къ кавалеріи.

Въ этотъ важный моментъ боя, на дорогѣ, пролегающей отъ праваго крыла нашей позиціи къ лѣвому флангу турокъ, въ обходъ конусообразной батареи и по направленію къ той площади, гдѣ дѣйствовала турецкая кавалерія, появились два батальона лейбъ-эриванскаго Его Величества полка. Снова радостное чувство овладѣваетъ нашими борцами: подошелъ резервъ, эриванцы ударятъ въ лѣвый флангъ непріятеля! Но вдругъ эриванцы остановились и не двигаются съ мѣста. Полковникъ Рыдзевскій посылаетъ туда офицера; за нимъ слѣдятъ: вотъ онъ благополучно, не смотря на пули, спустился внизъ; вотъ онъ передаетъ что-то батальонному командиру; но эриванцы остаются недвижимы. Что бы это значило? Между солдатами слышатся упреки: что жъ они нейдутъ? зачѣмъ остановка? Особенно негодуютъ грузинцы. Между ними и эриванцами существуетъ странная старинная неприязнь; исторія этой неприязни ведетъ свое начало еще съ войны 1853—1856 годовъ, чуть ли не съ башкадыкларскаго дѣла, и, по преданію, не смотря на всѣ усилія начальства, невольнѣ прекратилась до сихъ поръ. „Ясно, думаютъ солдаты грузинскаго полка—узнали, что мы здѣсь и не хотятъ подать помощи. Эхъ, народы!“.

Но обвиненія напрасно сыплются на голову эриванцевъ: они также радостно шли на врага, они готовы поддержать своихъ мужественныхъ товарищей—въ эту минуту въ сердцахъ ихъ нѣтъ и тѣни какого нибудь неприязненнаго чувства; но они

не могут идти: только что получено приказаніе, тяжкое, но категорическое приказаніе „не вступать въ бой“. И стоятъ они, недоумѣвая, въ виду врага, слыша призывъ товарищей, не смѣя послушаться и идти впередъ, но и не дѣлая ни шагу, чтобъ отойти назадъ, выйдти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ эту минуту прискакиваетъ новый посланный отъ полковника Рыздзевскаго, получается новое приглашеніе идти въ бой. Это ужъ выше силъ человѣческихъ, выше безусловной дисциплины, требующей буквального исполненія приказаній! Командиръ второго батальона эриванцевъ, князь Путята, спѣшитъ къ старшему штабъ-офицеру, подполковнику Микеладзе, начальствующему обоими батальонами; они объясняются, рѣшаясь выдвинуть впередъ хотя охотниковъ. Эриванцы радостно встрѣчаютъ это рѣшеніе. Наскоро составленная команда быстро подвигается къ правому крылу грузинцевъ, разсыпаетъ цѣпь, открываетъ огонь и окончательно прогоняетъ съ нашего фланга турецкую кавалерію. Гренадеры продолжаютъ занимать взятыя съ такими пожертвованіями и неимовернымъ трудомъ позиціи.

Тутъ, собственно, наступилъ конецъ активной части зевинскаго боя. Слѣдя за всѣми перипетіями его съ нашей „горы наблюденій“, мы, обреченные на бездѣйствіе люди, испытывали невыразимыя нравственныя муки. Я находился недалеко отъ командующаго корпусомъ; возлѣ меня, почти не отходя, былъ корреспондентъ газеты „Temps“ де-Кутули. Забывъ захватить свой бинокль, я часто пользовался биноклемъ г. Николадзе, корреспондента „Тифлискаго Вѣстника“. Въ сильномъ волненіи, боясь упустить малѣйшую подробность боя, я, что называется, проглядѣлъ глаза. Прислушиваясь къ безконечно жаркому огню турокъ, на который почти не было отвѣта съ нашей стороны, замѣчая эту муравьиную работу гренадеръ, медленно, шагъ за шагомъ, взбиравшихся на высоты, не имѣя возможности вполнѣ оцѣнить, что происходило *тамъ*, на мѣстѣ боя, я и г. де-Кутули не разъ порывались поѣхать *туда*, ближе, чтобъ только узнать, понять, что дѣлается съ нашими. Но болѣе опытный, бывший уже подъ

Ардаганомъ, г. Николадзе всякій разъ сдерживалъ насъ вѣскимъ указаніемъ, что мы рискуемъ упустить общую картину сраженія. И мы оставались, и опять глядѣли во всѣ глаза, не давая иногда себѣ отчета въ томъ, что передъ нами творилось.

Въ первые часы боя я раздѣлялъ общую увѣренность въ побѣдѣ, но, странное дѣло! какъ ни напрягалось мое воображеніе, я не могъ себѣ представить картину, какъ это турки побѣгутъ, какъ наши завладѣютъ лагеремъ и какъ очутимся мы *тамъ*, на этихъ недоступныхъ высотахъ. Чѣмъ сильнѣе и сильнѣе разгоралась ружейная пальба, чѣмъ болѣе затягивался бой, тѣмъ чаще смотрѣлъ я на часы, на склоняющееся къ западу солнце. Вспомнилось мнѣ, что полагали достаточнымъ двухъ часовъ, чтобъ завладѣть Зевиномъ; уже почти два раза прошелъ этотъ срокъ, а конца дѣла далеко не было видно. И странное неопредѣленное чувство безпокойства незамѣтно прокралось въ душу. Пришла вѣсть, что раненъ генералъ Комаровъ, пронесся, оказавшійся, по счастью, ложнымъ, слухъ, будто убитъ командиръ мингрельцевъ, князь Багратіонъ-Мухранскій, котораго видѣли, незадолго передъ тѣмъ, развѣзжающимъ въ передовой лавіи своихъ гренадеръ; вотъ пріѣхалъ и генералъ Комаровъ; не безъ труда сняли его съ лошади и врачъ началъ дѣлать перевязку; онъ не говорилъ, что дѣлалось *тамъ*, но всѣ уже знали, что батареи нельзя было поставить, что два орудія остались... А ружейная пальба становилась все сильнѣе и сильнѣе!

И замѣчаю я, какъ легкая тѣнь сомнѣнія легла на лицо моего собрата-француза, и становится эта тѣнь все гуще и гуще. Мнѣ не хочется уже отвѣчать на его вопросы: я отошелъ и сѣлъ поодаль на камень. И кажется мнѣ, что девятифунтовые батареи наши очень рѣдко стрѣляютъ. Слѣдя почти за каждымъ выстрѣломъ, я чувствую истинное наслажденіе, когда наша граната взрывается сѣровато-коричневымъ дымомъ на проклятой „сахарной головѣ“ или въ турецкихъ ложементѣхъ. Вотъ такъ, еще бы и еще поддать, со всѣхъ бы выпалить разомъ, въ одну точку... Нѣтъ, рѣдко, вяло стрѣляютъ! А стрѣляли,

между тѣмъ, какъ объясняли мнѣ потомъ, насколько было возможно, часто.

Командующій корпусомъ часто разсылалъ приказанія и непрерывно оглядывался на нашъ лѣвый флангъ. „Что, не показалась кавалерія?“ спрашивалъ онъ по временамъ, и бралъ бинокль и смотрѣлъ въ ту сторону; но кавалерія наша не появлялась. Около пяти часовъ, вскорѣ по прибытіи генерала Комарова, послано было приказаніе эриванцамъ двинуться на подкрѣпленіе тифлисцевъ и грузинцевъ. Батальонъ мингрельцевъ, прикрывавшій на лѣвомъ флангѣ четвертую батарею, также былъ подвинутъ въ боевую линію. Генерала Геймана въ то время не было: онъ, какъ уже сказано, отправился къ мингрельцамъ; но самая жаркая часть боя была уже въ эту минуту въ центрѣ. Командующій корпусомъ приказалъ предувѣдомить генерала Геймана о сдѣланномъ имъ распоряженіи.

Относительно эриванцевъ вышло недоразумѣніе; часть ихъ, по приказанію генерала Геймана, перешла въ прикрытіе четвертой батареи, на мѣсто выдвинутого впередъ батальона мингрельцевъ; остальные же два батальона пошли на правый флангъ грузинцевъ и тифлисцевъ. Три девятифунтовые батареи остались подъ прикрытіемъ, кажется, одной только роты. Узнавъ объ этомъ, командующій корпусомъ послалъ приказаніе въ томъ смыслѣ, чтобы прикрытіе было усилено и не вступало въ бой. Къ сожалѣнію, посланный, не заставъ эриванцевъ на мѣстѣ ихъ прежняго расположенія, передалъ означенное приказаніе не тѣмъ батальонамъ, которые, безъ особой нужды, прикрывали 4-ю батарею, а двумъ батальонамъ, появившимся на правомъ флангѣ, гдѣ они могли оказать сильную поддержку атакѣ тифлисцевъ и грузинцевъ. Остальное извѣстно.

Ужъ почти вечерѣло, когда, наконецъ, далеко влѣво, впереди крайняго фланга турокъ, передъ высокою горою съ Сѣдловиной, показалась наша кавалерія. Но странная вещь! кавалерія не двигалась впередъ и скоро повернула даже фронтомъ въ противоположную сторону. Еще позднѣе пріѣхалъ,

наконецъ, ординарецъ отъ князя Чавчавадзе съ запиской и словеснымъ объясненіемъ. Оказалось, что кавалерія вынуждена была сдѣлать слишкомъ длинный обходъ, что, не смотря на это, ей пришлось подниматься на страшную кручу, по которой конная артиллерія не могла подняться безъ помощи людей; что лошади и люди были крайне истомлены и князь Чавчавадзе не рѣшился атаковать непріятеля, не имѣя подъ рукою пѣхоты. Къ довершенію всего, князь Чавчавадзе извѣщалъ, что со стороны Хоросана показался непріятель.

До полученія этого извѣстія была минута, когда на нашей „горѣ наблюденій“ можно было еще вѣрить въ успѣхъ, думать, что дѣло обойдется даже и безъ кавалеріи. Мы замѣтили, какъ гренадеры открыли жаркій огонь съ занятого ими гребня и какъ нѣсколько ротъ, разсыпнымъ строемъ и стрѣляя, стали подниматься на конусообразную батарею. Издали, по дыму нашихъ выстрѣловъ, казалось, что своего рода тяжелый паровозъ поднимается въ гору; вотъ прямая линія дыма; потомъ онъ вытягивается впередъ, изъ середины, образуется какъ бы треугольникъ, едва слышно доносится родное „ура“! Глядя въ бинокль, можно замѣтить даже, какъ отдѣльныя лица выбѣгаютъ впередъ, опережая товарищей. Еще усиліе, и батарея наша! Но, вдругъ, неперестававшая пальба усиливается до невыразимой степени, всѣ непріятельскія высоты, на громадномъ протяженіи, разомъ запылали огнемъ, дымъ заволакиваетъ на минуту картину боя и, съ болью сердца, черезъ нѣсколько секундъ, замѣчаешь, что наши не двигаются впередъ и, послѣ короткой остановки, медленно отходятъ назадъ. Такъ повторялось нѣсколько разъ; въ такомъ видѣ издали представлялась мужественная атака грузинцевъ и тифлисцевъ.

Генералъ Гейманъ возвратился и о чемъ-то переговорилъ съ командующимъ корпусомъ. Вскорѣ онъ опять сѣлъ на коня и поѣхалъ. Не отдавая себѣ полного отчета, не зная въ точности зачѣмъ—чтобы видѣть ближе, или чтобы только не быть безучастнымъ зрителемъ происходившей впереди не-

равной борьбы—я отыскалъ свою лошадь и послѣдовалъ за генераломъ Гейманомъ.

Генераль Гейманъ отправился тою дорогою, по которой днемъ спускались наши войска, чтобъ выйти въ Зевинское ущелье. Не доѣзжая конца этой дороги, начальникъ отряда свернулъ направо, по направленію къ стоявшей на небольшой возвышенности четвертой батареи. Такъ какъ оттуда гораздо прямѣе можно было доѣхать въ Земинъ, а потомъ и въ центръ нашей боевой линіи, то я полагалъ, что именно туда направляется генераль Гейманъ. Вѣроятно, думалъ я, будутъ подвинуты резервы и атака возобновится, чтобъ до ночи докончить дѣло, на половину уже выполненное. Однако, я ошибся. Взѣхавъ на четвертую батарею, генераль Гейманъ остановился, пославъ приказаніе мингрельскому полку сойти съ занятыхъ имъ высотъ и сблизиться съ четвертою батареей. Оказалось, что никакого резерва, въ сущности, у насъ уже не было; два батальона эриванскаго полка, бывшіе на правомъ флангѣ, отчасти вышли въ боевую линію, а остальные два составляли прикрытіе четвертой батареи и, по дальности разстоянія, не могли во-время подать помощь тамъ, гдѣ она болѣе всего была необходима, именно на высотахъ впереди конусообразной батареи. Между тѣмъ, мингрельскій полкъ, въ напрасномъ ожиданіи кавалеріи, совершенно безцѣльно прслезалъ всю вторую, самую существенную часть боя подъ непріятельскими выстрѣлами; боевая линія наша вышла страшно растянutoю, такъ какъ отъ крайняго лѣваго фланга до того мѣста, гдѣ подъ вечеръ появились два эриванскіе батальона, было не менѣе пяти—шести верстъ (иные считаютъ больше); четыре батальона мингрельскаго полка, три роты грузинцевъ и одинъ батальонъ тифлисцевъ далеко не могли занять весь лѣвый флангъ, ихъ раздѣляли цѣлыя пропасти, и по всей линіи мы слишкомъ были слабы для успѣшнаго нападенія на такую неприступную съ фронта позицію, какъ зевинская. Поэтому, сдѣланное генераломъ Гейманомъ распоряженіе объ отступленіи мингрельскаго полка имѣло полнѣйшее основаніе. Мингрельцы могли перейти на

правый флангъ и атаковать оттуда зевинскую позицію съ самой слабой ея стороны, съ того пункта, гдѣ дѣйствовала турецкая кавалерія. Къ сожалѣнію, ужъ сильно вечерѣло, не раньше какъ черезъ часъ мингрельцы могли только сойти съ занятой ими позиціи и сблизиться къ четвертой батарее. Къ тому же, для успѣшнаго возобновленія штурма, необходимо было поставить на лучшую, болѣе близкую позицію и наши три 9-фунтовыя батареи; на это также уже не хватало времени. По всѣмъ этимъ причинамъ, я нисколько не удивился, когда генераль Гейманъ, сойдя съ коня, объявилъ, что онъ подождетъ на четвертой батарее прихода мингрельскаго полка, а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ приказаніе нашему „центру“, т. е. бывшей колоннѣ генерала Комарова, держаться на занятыхъ высотахъ, такъ какъ *съ разсвѣтомъ предполагается возобновить нападеніе*. Не хотѣлось и думать, что мы такъ и уйдемъ съ неудачею на плечахъ; всѣ вѣрили, что утромъ битва возобновится...

Оставаться на занятыхъ высотахъ центральной колоннѣ было необходимо и по другой причинѣ: иначе нельзя было вынести изъ боевой линіи, съ этихъ недоступныхъ бугровъ и овраговъ, куда мы забрались, нашихъ раненыхъ, нашихъ убитыхъ, павшихъ честною смертію. Оставлять ихъ въ рукахъ непріятеля, особенно же турокъ, было бы постыдно. Важно было бы, чтобъ турки не перешли въ наступленіе раньше, нежели мы могли устроиться и подкрѣпить правый флангъ и центръ. Но турки, повидимому, не рѣшались на подобный шагъ; они продолжали сидѣть въ своихъ завалахъ и, какъ бы на радостяхъ, едва ли не пуще прежняго выпускали заряды.

Очень удачно дѣйствовавшая картечными гранатами четвертая батарея молчала въ то время, когда мы къ ней подѣхали. На встрѣчу вышелъ командиръ батареи, подполковникъ Калакуцкій, котораго генераль Гейманъ спросилъ о причинѣ прекращенія палбы. Батареинный командиръ отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе не только прекратить палбу, но даже отступить; палбу онъ прекратилъ уже около получаса,

а послѣднее не рѣшился исполнить безъ письменнаго приказанія, такъ какъ впереди еще находились наши батальоны, которымъ поддержка батареи могла пригодиться. Очевидно, тутъ вышло какое-то недоразумѣніе, которое командиръ четвертой батареи, по счастью, понялъ и исправилъ. Генераль Гейманъ приказалъ батареѣ остаться на своей позиціи и поддерживать отступленіе мингрельцевъ.

Между тѣмъ, черезъ наши головы, стали перелетать гранаты. Можно было думать, что турки, успокоенные молчаніемъ батареи, надѣлавшей имъ много вреда, особенно въ ложементахъ, расположенныхъ около центральной батареи, и заимѣтивъ скопленіе конныхъ людей, набрались смѣлости и надумались отмстить теперь за свои потери. Я спросилъ командира батареи, большой ли уронъ понесъ онъ въ этотъ день, разумѣя уронъ отъ артиллерійскаго огня. Каково же было мое удивленіе, когда мнѣ отвѣчали, что турецкія гранаты не причинили ровно никакого вреда, а если нѣсколько людей и лошадей и было ранено на батареѣ, то этотъ уронъ нанесенъ ружейною пальбою.

— Да откуда же они стрѣляютъ? Вѣдь, на этой высотѣ, впереди, наши, кажется, батальоны?

— Да, это мингрельцы и грузинцы. А вотъ за ними, видите ли этотъ дальний бугоръ, вонъ дымить? Оттуда они и стрѣляютъ.

— Сколько же это будетъ шаговъ?

— Шаговъ 2,500, а можетъ, и цѣлыхъ 3,000 будетъ.

Не успѣлъ подивиться я такому неожиданному и нѣкоторыми и до сихъ поръ упрямо отрицаемому факту, какъ получилъ наглядное доказательство справедливости словъ командира батареи. Пройдя нѣсколько впередъ, къ первому орудію, я почувствовалъ, что надъ головой моей пролетѣло что-то въ родѣ жужжащаго жука.

— Что это такое? спросилъ я находившагося въ двухъ шагахъ отъ меня рослаго, статнаго урядника изъ конвоя генерала Геймана. Не успѣлъ урядникъ открыть рта для отвѣта, какъ, сердито сверля воздухъ, надъ нашими головами

пролетѣла и тяжело шлепнулась сзади, вздымая черный столбъ земли, турецкая граната, по счастью, неразорвавшаяся, а между мною и урядникомъ снова пронесся „жукъ“.

— Пуля, ваше благородіе, проговорилъ, наконецъ, урядникъ.

Послышался новый звукъ приближающагося снаряда; на этотъ разъ, кажется, еще ближе, будто прямо на насъ. Смотрю я въ глаза уряднику, а онъ на меня въ упоръ уставился. Граната все ближе и ближе. „Какъ бы не нагнуть голову“, думаю я въ эту секунду, и что есть силы стараюсь держать ее прямо. Вдругъ, вижу урядникъ дѣлаетъ нервическое движеніе, точно ударилъ его кто нибудь по головѣ, и въ этотъ моментъ какая-то плотная, тяжелая вещь, съ металлическимъ звукомъ, грузно ударила въ землю и раздался взрывъ. По счастью, никого не задѣло, урядникъ только „поклонился“ гранатѣ...

Генераль Гейманъ, въ ожиданіи выполненія сдѣланныхъ имъ распоряженій, присѣлъ съ боку батареи, на поданный ему складной табуретъ. Свита его стояла подлѣ; лошадей отвели въ сторону, къ заряднымъ ящикамъ. Солнце ужъ почти сѣло и быстро наступали сумерки. Стрѣльба, видимо, начала ослабѣвать; наши почти не отвѣчали. Видя, что еще долго придется ждать прихода мингрельцевъ и что сраженіе можно считать конченнымъ, я сѣлъ на коня, чтобъ за-свѣтло возвратиться къ корпусному штабу.

Бѣду мимо прикрытія. Лежатъ эриванцы за бугромъ, разговора не слышно — тоска видно одолѣла, утомились дневнымъ зноемъ, трудностями перехода, бездѣйствіемъ во время сраженія. Въ сумеркахъ разглядываю знакомыя лица офицеровъ.

— Здравствуйтесь! что, благополучно?

— Ничего...

— Неужели и сюда хватаютъ пули?

— А вотъ видите.. Навѣсно валяютъ... А тамъ что?

— Плохо, кажется...

— Завтра наверстаемъ...

— Еще бы!

Спускаюсь съ бугра и выѣзжаю на дорогу, по которой должна была идти въ бой колонна генерала Комарова, принявшая, по недоразумѣнію, нѣсколько лѣвѣе. По этой дорогѣ санитары несли теперь раненыхъ. Остановились, поставили носилки; кто снялъ шапку и вытираетъ крупными каплями пота, выступившаго на лбу, кто присѣлъ и отдыхаетъ отъ тяжести ноши; а „ноша“ лежитъ недвижно, прикрытая шинелью. Какое-то смѣшанное чувство не то боязни, не то сожалѣнія мѣшаетъ смотрѣть на раненаго. Нѣсколько пуль просвистало и шлепнулось на дорогѣ.

— Несите, братцы, а то и васъ перебьетъ... Много ли раненыхъ?

— Стрель!..

Носилки поднимаются, раздается болѣзненный, за сердце хватающій стонъ и печальная „ноша“ медленно, слегка колыхаясь, двигается дальше.

— Въ ногу иди! доносится запыхавшійся голосъ санитаря.

Ѣхать по дорогѣ было кружно; направившись напрямикъ, я надѣялся достигнуть корпуснаго штаба прежде наступленія полной темноты. Свернулъ коня и ѣду между камней прямо на гору, на которой, казалось мнѣ, я оставилъ командующаго корпусомъ. Становится все темнѣе и темнѣе! Едва взѣхалъ я на вершину горы, какъ пришлось снова спускаться и опять впереди былъ еще болѣе крутой подъемъ. Я очутился въ положеніи человѣка, незнающаго, куда онъ ѣдетъ. Крутизна горы страшная, лошадь, усталая, не кормленная цѣлый день, часто останавливается и тяжело дышетъ. Я слѣзъ и веду ее въ поводу. „Каково же было имъ, тамъ, подъ пулями, гдѣ подъемъ сто разъ труднѣе“, думаю я, едва переводя духъ. Возбравшись на высоту, распознаю, наконецъ, мѣстность, гдѣ находился корпусный штабъ, но его уже не было. Влѣво, верстахъ въ двухъ, свѣтился одинокій огонекъ; но дорога, вспоминалъ я, была впереди. Взираюсь опять на сѣдло; лошадь осторожно, ощупью ступаетъ между камней. Вдругъ, натыкаясь на человѣка.

— Не знаете ли, гдѣ корпусный штабъ?

— Тамъ гдѣ-то, впереди...

Въ темнотѣ распознаю офицера; идетъ тяжело, прихрамывая.

— Что съ вами?

— Раненъ.

— Вы откуда?

— Оттуда... Не можете ли указать, гдѣ перевязочный пунктъ?

— Кажется за горою, съ версту будетъ. Возьмите мою лошадь, я васъ проведу.

— Нѣтъ, благодарю...

— Не церемоньтесь, пожалуйста.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ тяжело.. я свою отослалъ...

— Да развѣ ближе нѣтъ перевязочнаго пункта?

— Какое тамъ ближе!.. Верстъ пять ужъ иду... Тамъ раненые по оврагамъ валяются...

Еще разъ просилъ я офицера сѣсть на свою лошадь, но онъ упорно отказался. Черезъ нѣсколько шаговъ наткнулись мы на солдата съ подвязанною рукою. Вмѣстѣ мы добрались, наконецъ, до перевязочнаго пункта и распрощались. Гдѣ находился корпусный штабъ—никто не могъ въ точности указать. Вскорѣ встрѣчаю солдата съ двумя лошадьми. Онъ ѣхалъ взять орудіе, оставленное въ боевой линіи послѣ несчастнаго появленія 6-й батареи, и спрашивалъ ближайшую дорогу. Указавъ ее, какъ могъ, я получилъ, взамѣнъ, извѣстіе, что корпусный командиръ переѣхалъ на правый флангъ, къ тому мѣсту, гдѣ находились наши девятифунтовые батареи. Позади послышался топотъ и скоро ко мнѣ присоединилось нѣсколько офицеровъ изъ штаба генерала Комарова. Это ихъ сегодня турки отдѣляли, сразу спѣшивъ почти всѣхъ. Генералу Комарову отдалъ лошадь одинъ армянинъ, которыхъ здѣсь много—они служатъ въ видѣ волонтеровъ, въ конвоѣ при штабахъ *).

*) По представленію генерала Комарова, армянинъ этотъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена. На-дняхъ, пользуясь близостью своей деревни,

о событіяхъ дня, мы крупною рысью ѣхали по дорогѣ. Впереди показалась артиллерія, съ трудомъ поднимавшаяся въ гору. Это была шестая батарея, такъ много пострадавшая въ первый же періодъ сраженія: она не успѣла, кажется, сдѣлать и выстрѣла.

Свернувъ влѣво, я набрелъ на кучу всадниковъ. Это оказались казаки изъ конвоя корпуснаго командира. По распоряженію его, они ѣздили въ разныя стороны, впереди позиціи, и собирали раненыхъ. Съ полверсты далѣе, по направленію къ нашимъ батареямъ праваго фланга, нашелъ я, наконецъ, небольшой обозъ корпуснаго штаба. Всѣ здѣсь суетились около раненыхъ, которыхъ подобрали посланные или которые сами набрали на огонекъ. Это тѣ, которые могли еще двигаться въ началѣ и старались до свѣтла выбраться изъ огня. Ближе всего имъ было добраться къ нашему правому флангу, тогда какъ перевязочный пунктъ былъ на лѣвомъ и отчасти въ самомъ Зевинѣ. У нѣкоторыхъ нехватило силъ, за трудностью подъема или за потерю крови, и они падали, гдѣ попало, замертво. Въ темнотѣ, ощупью, кое какъ отыскивали теперь несчастныхъ и сносили сюда, къ корпусному штабу. Значительное число раненыхъ скопилось въ Зевинѣ, гдѣ первую помощь подавали имъ полковые врачи и гдѣ неотлучно находились, ободряя и утѣшая людей, полковые священники. Зевинъ, слѣдуетъ замѣтить, находился вполне подъ выстрѣлами и былъ обсыпаетъ непріятельскими пулями. Говорили, что еще гораздо большая часть раненыхъ осталась на высотахъ и въ оврагахъ, въ боевой линіи. Общее впечатлѣніе получалось, что у насъ вышло изъ строя въ этотъ день не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Пристроивъ кое какъ своего коня, я подошелъ къ костру, онъ отправился навѣстить родныхъ. Въ это самое время, шайка курдовъ бросилась грабить деревню. Армянинъ схватилъ магазинный карабинъ, отбитый отъ турокъ, и уложилъ шестерыхъ; братья его также оборонялись. Шайка убѣжала, но храбрый армянинъ остался съ четырьмя ранами, отъ которыхъ и умеръ. Братья его также переранены. Георгіевскій крестъ попалъ на хорошую грудь и поощрилъ, вѣроятно, къ новому подвигу!

сложенному изъ сухого бурьяна. Всѣ лица были мрачны, разговоръ не клеился; ни обычныхъ шутокъ, ни смѣха. Какая разница съ вчерашнимъ настроеніемъ! Страшный дневной зной смѣнилъ холодъ. Спереди, у костра, грѣло, а сзади такъ свѣжо, что хоть шубу надѣвай. Послышался грохотъ артиллеріи, занимавшей впереди и наискосокъ позицію. Костеръ велѣли потушить; вблизи находились зарядные ящики. Мы встали и отошли нѣсколько назадъ.

Голодъ и жажда давали себя сильно чувствовать; но корпусный маркитантъ былъ изъ самыхъ плохихъ. Онъ часто повторялъ, что пріѣхалъ „изъ-за славянской идеи“, а потому кормилъ изъ рукъ вонъ дурно и обиралъ насъ безбожно. Онъ дѣлалъ вдобавокъ дерзости по поводу самыхъ справедливыхъ замѣчаній и упрековъ. Теперь отъ него ничего нельзя было добиться—онъ „спасалъ раненыхъ“, т. е. далъ имъ двѣ-три бутылки прокислаго вина. Вдругъ, видимъ, идетъ Иванъ, камердинеръ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, и несетъ вмѣстѣ съ деньщикомъ огромный самоварище. Иванъ—расторопный, добрый, услужливый человѣкъ, бывший солдатъ, преданный до мозга костей своему господину. У Ивана все спорилось, онъ всюду поспѣвалъ и всегда имѣлъ необходимое на черный день. Онъ успѣлъ уже поухаживать за ранеными, уложилъ офицеровъ въ коляску, напоилъ чаемъ, виномъ, а теперь подумалъ и о насъ.

— Голубчикъ, Иванъ, дайте чаю!..

Спасительный во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, чай явился къ нашимъ услугамъ. Корпуснаго командира еще не было—онъ объѣзжалъ раненыхъ и дѣлалъ распоряженія къ ихъ сбору и призрѣнію. Возвратился генераль Гейманъ и, спросивъ, гдѣ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, отправился его отыскивать. Когда они возвратились, для нихъ отыскивали и разбили двѣ палатки. Мы расположились подъ открытымъ небомъ. Бывшую у сѣдла бурку свою я почти сплою навязалъ генералу Шульцу, чтобъ хотя отчасти отплатить за его постоянное вниманіе и гостепріимство; самъ же примостился къ г. де-Кутули и г. Николадзе, у которыхъ

оказалось кое что теплое. Усталость взяла свое и я кое-как задремалъ. По временамъ, точно во снѣ, доносились съ зевинскихъ высотъ ружейные выстрѣлы; мнѣ казалось, что это турки пристрѣливаютъ и истязаютъ нашихъ раненыхъ.

Часа черезъ три, едва разсвѣло, слышу я сквозь сонъ, какъ чей-то голосъ, недалеко отъ меня, говорить:

— Нѣтъ ли здѣсь трубача? Прикажете зарю играть.

Я привсталъ и оглянулся. Вижу—генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ стоитъ у своей палатки и отдаетъ приказаніе. Потомъ онъ вынесъ табуретъ и сѣлъ. Лицо его было желтое, глаза съ черными кругами вокругъ. Невыразимая печаль и истома выражались на этомъ лицѣ; видно было, что командующій корпусомъ ни на секунду не смыкалъ глазъ. Сердце сжималось, глядя на него. Въ эту секунду я могъ наглядно взвѣсить ту отвѣтственность, которую несутъ на себѣ начальники войскъ; я понималъ, что долженъ чувствовать главнокомандующій въ случаѣ неудачнаго исхода сраженія. Сегодня побѣда—и слава, умъ, поклоненіе у ногъ побѣдителя, все хорошее признается за нимъ; завтра неудача—и посыпятся обвиненія, упреки и назиданія; всякій глупецъ и тотъ съ мнѣніемъ, съ совѣтомъ! А эти уложенные между камней, на чужбинѣ, люди, эти стоны и страданія раненыхъ—это еще хуже!..

Глаза наши встрѣтились; я поклонился. Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ печально покачалъ головою въ отвѣтъ. Вѣрный Иванъ тоже не спалъ и уже несъ стаканъ чаю «своему генералу». Командующій корпусомъ приказалъ подать и мнѣ. Въ это время отыскивали трубача и раздавался какой-то тоскливый, нестройный звукъ трубы. Еще одна труба гдѣ-то, одиноко, какъ бы нехотя, прозвучала въ отвѣтъ и потомъ все смолкло, наступила опять тишина. Необходимо замѣтить, что моментъ, когда въ лагерѣ или на бивуакѣ играетъ утренняя или вечерняя заря, очень эффектенъ. Сигналъ подаетъ труба или барабанъ у главнаго корпуса; немедленно, повсемѣстно, перебивами, во всѣхъ концахъ лагеря раздаются веселые или торжественные звуки. По вечерамъ, между по-

вѣсткою и зарею, играетъ музыка, слышится «Коль славень», гимнъ; солдаты поютъ пѣсни, молитву; утромъ же все оживляется, словно приветствуется начинающійся, свѣтлый и веселый день. Не то происходило въ это памятное утро, послѣ зевинской битвы. Заревая труба звучала какъ-то похоронно, отклика на нее не было, точно все, что жило еще вчера, не существовало болѣе—мы остались одни среди азіатской пустыни.

Я сталъ смотрѣть въ бинокль на турецкій лагерь, видѣвшійся верстахъ въ четырехъ—пяти, и на окружающія его высоты. На горахъ и оврагахъ, нѣсколько часовъ назадъ оглашавшихся невѣроятною пальбою, криками сражающихся, стонами умирающихъ и раненыхъ, гдѣ, казалось, каждый камень двигался и дышалъ враждою и смертью—все было тихо, безмолвно. Восходящее солнце, какъ ни въ чемъ не бывало, золотило своими лучами эти возвышенности, заглядывало въ ущелья, гдѣ не высохла еще рѣкою пролитая человѣческая кровь. Но впереди, въ турецкомъ лагерѣ, на ложементяхъ и батареяхъ кипѣла сильная работа; турки самымъ усерднымъ образомъ копались въ землѣ, сооружая новые завалы, исправляя прежніе. Особенно копошились они на своемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ дѣйствовала ихъ кавалерія, сознавъ, вѣроятно, что здѣсь была уязвимая сторона ихъ позиціи и что они дорого заплатились бы, еслибъ были атакованы отсюда. Хорошо видѣлось потомъ, что резервы ихъ были наготовѣ, всѣ ложементы наполнены людьми. Очевидно, турки ожидали возобновленія нападенія. Я замѣтилъ, какъ осторожно, рѣдкою цѣпью турки подходили къ мѣстамъ, которыми овладѣли во время боя гренадеры, и какъ все смѣлѣе и смѣлѣе подвигались они впередъ, занимая вчерашнія свои передовыя позиціи.

Нашихъ войскъ тамъ уже не было; они отошли назадъ послѣ того, какъ раненые и убитые были, по возможности, вынесены. До самаго утра, наша цѣпь, поддержанная необходимыми резервами, оставалась на занятыхъ вчера мѣстахъ, не допуская здѣсь турокъ не только двинуться впередъ, но

даже пошевелиться. Слышанные ночью выстрѣлы были изъ нашей цѣпи. Пользуясь дымнымъ свѣтомъ, избранные стрѣлы держали турокъ въ почтительномъ отдаленіи, не позволяя выглянуть изъ окоповъ. Меткими выстрѣлами наша цѣпь мстила за вчерашній губительный огонь и охраняла раненыхъ и убитыхъ. Только отъ 20-ти до 30-ти человекъ, большую частью убитыхъ, „пропали безъ вѣсти“, т. е. остались на мѣстѣ; въ этомъ числѣ находились и два убитые офицера — Родзевичъ и Боровикъ. Остальные всѣ были вынесены.

Да, турки готовились къ встрѣчѣ новаго нападенія; но мы не нападали. Наканунѣ зевинской битвы, въ турецкомъ лагерѣ было отъ 10-ти до 15-ти батальоновъ; ночью и утромъ, въ день сраженія, Мухтаръ-паша успѣлъ довести это число до 23-хъ батальоновъ, не считая кавалеріи и артиллеріи; ночью же и къ разсвѣту, послѣ битвы, уже весь корпусъ Мухтара-паши сблизился къ Зевину и готовъ былъ принять участіе въ сраженіи, еслибъ оно возобновилось. Мы потеряли отъ 850 до 900 человекъ; нѣкоторые батальоны грузинскаго и тифлискаго полковъ сильно ослабли; въ грузинскомъ полку выбыло изъ строя 358 человекъ и пять офицеровъ, въ тифлисскомъ 321 и 18 офицеровъ, причѣмъ, начиная отъ командира полка, выбыли изъ строя почти всѣ батальонные и ротные командиры; мингрельскій полкъ потерялъ до 100 человекъ и цѣлѣе всѣхъ были только эриванцы. Возобновить атаку, значило бы рисковать жизнью еще 2,000 или 3,000 человекъ, что даже при успѣхѣ, весьма вѣроятномъ, очень чувствительно подорвало бы небольшой нашъ отрядъ. Еслибъ Мухтаръ-паша, у котораго насчитывалось отъ 45-ти до 50-ти батальоновъ, былъ я даже сбитъ съ зевинской позиціи, все таки, онъ оказался бы въ нѣсколько разъ сильнѣе насъ, тѣмъ болѣе, что паша кавалерія и конная артиллерія были страшно заморены вчерашнимъ „обходнымъ движеніемъ“, неожиданно оказавшимся и слишкомъ кружнымъ, и чрезчуръ труднымъ, благодаря неровностямъ мѣстности. Наконецъ, у насъ едва хватало перевозочныхъ средствъ для находившагося уже числа раненыхъ; было бы слишкомъ опрометчиво начинать новую

битву, не имѣя увѣренности, что, въ случаѣ неуспѣха, всѣ наши раненные могутъ быть спасены. Наконецъ, одна изъ существеннѣйшихъ цѣлей экспедиціи—отвлечение корпуса Мухтара-паши отъ небольшого нашего эриванскаго отряда, была достигнута. По всѣмъ этимъ причинамъ, командующій корпусомъ рѣшилъ не возобновлять сраженія и начать отступленіе къ Карсу.

Между тѣмъ, генералъ Тергукасовъ ожидалъ исхода зевинской битвы, оставаясь на своей позиціи, съ которой онъ такъ славно отбилъ, 9-го іюня, насѣдавшія на него превосходящія силы Мухтара-паши. Штурмъ Зевинъ, мы были въ гораздо меньшемъ числѣ, сравнительно съ турками, засѣвшими въ своемъ укрѣпленномъ природою и искусствомъ гнѣздѣ; тамъ же, маленький отрядъ генерала Тергукасова отразилъ турокъ, превышавшихъ его численностью въ нѣсколько разъ. Въ случаѣ успѣха подъ Зевинымъ, эриванскій отрядъ могъ сблизиться съ нами и соединенными силами разбить Мухтара-пашу или загнать его въ Эрзерумъ. Теперь же эриванскому отряду ничего не оставалось болѣе, какъ отступить и возможно скорѣе спѣшить на выручку Баязета. Въ такомъ смыслѣ и послано было приказаніе генералу Тергукасову.

Отступленіе свое генералъ Тергукасовъ вынужденъ былъ совершать медленно, шагъ за шагомъ. Противъ него оставался, все таки, довольно сильный турецкій отрядъ. Между тѣмъ, въ эриванскомъ отрядѣ было не менѣе 400 раненыхъ, съ которыми спѣшить было невозможно; сверхъ того, нѣсколько тысячъ армянъ, цѣлыми семействами, съ имуществомъ, опасаясь быть перерѣзанными турками, не отставали отъ нашихъ войскъ, замысливъ переселиться въ Эриванскую губернію. Отправляя на полперехода назадъ раненыхъ, означенныхъ переселенцевъ и всѣ тяжести, генералъ Тергукасовъ вынужденъ былъ часто останавливаться, чтобъ давать отпоръ насѣдавшимъ на него туркамъ. Отступленіе, поэтому, обратилось въ рядъ ежедневныхъ стычекъ съ непріятелемъ. Отойти непосредственно къ Баязету генералъ Тергукасовъ не могъ, такъ какъ у него ощущался уже сильный недостатокъ въ за-

рядахъ и продовольствіи. Направился онъ, поэтому, на Игдырь. Здѣсь, позаботившись о раненыхъ и отдѣлавшись отъ переселенцевъ, генераль Тергукасовъ пополнилъ свои запасы и направился къ Баязету, гарнизонъ котораго, состоявшій изъ 600 человѣкъ, и былъ, наконецъ, освобожденъ отъ осаждавшаго его въ теченіе 23-хъ дней 13-ти тысячнаго турецкаго отряда.

Отрядъ генерала Геймана также не спѣшилъ въ своемъ отступленіи и прежде, нежели тронуться отъ Зевина, мы цѣлый день простояли на мѣстѣ. Турки не выказывали ни малѣйшаго желанія насъ тревожить.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Поѣздка въ Александрополь.

I.

Утромъ, 14-го іюля, корреспондентъ американской газеты „New-York Herald“, г. Уиллеръ, и я осѣдлали лошадей и отправились въ Александрополь. Цѣлью нашей поѣздки было, главнымъ образомъ, желаніе осмотрѣть военные госпитали, а потомъ у насъ имѣлись и другія, болѣе личныя побужденія: мы, что называется, порядочно поизносились — необходимо было сдѣлать кое какія покупки, да и вообще освѣжиться отъ лагерной жизни.

Путь отъ Кюрюкъ-Дара къ Александрополю не похожъ теперь на прежній. Когда, два мѣсяца назадъ, я ѣхалъ въ отрядъ, находившійся въ Займѣ, дорога вѣяла какою-то пустыней, но зато была вполне безопасна и почти не охранялась; по крайней мѣрѣ, охрана эта не бросалась въ глаза. Говорили тогда, что такое обезопасеніе тыла арміи слѣдуетъ приписать прекрасному обращенію съ населеніемъ, а также и тому, что главнѣйшіе разбойники страны—карапахы и куртины, отчасти курды—состоятъ на нашей службѣ и, получая хорошее жалованье, не заинтересованы въ грабежѣ, который въ присутствіи русской власти становился, къ тому же, дѣломъ довольно рискованнымъ.

Нужно замѣтить, что карапахи не представляют какойнибудь національности. Это сбродъ всякой сволочи, не желающей работать и живущей на чужой счетъ, болѣею частью путемъ насилия и грабежа. Значительная часть преступниковъ Закавказья и вообще тѣ лица, которымъ не живется на мѣстѣ, стараются пробраться въ Малую Азію, гдѣ и входятъ въ составъ карапачковъ. Слово „карапачокъ“, въ переводѣ, означаетъ черная папахъ, черная шапка; въ сущности же, карапахи не носятъ черныхъ шапокъ: головной уборъ ихъ состоитъ изъ грибовидной, толстой бараньей шапки, рыжаго или темнокоричневаго цвѣта, глубоко надѣтой на затылокъ и дающей отличную тѣнь шеѣ и всему лицу; шапка эта рѣдко когда снимается и служитъ отличной подушкой во время сна. Ее носятъ и армяне. Остальной костюмъ карапачковъ также мало отличается отъ армянскаго: это казакинъ, съ сборчатыми, довольно длинными полами, съ разрѣзомъ на груди, сѣраго и часто голубого цвѣта, и широкія шаровары. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ ружья или старой турецкой винтовки, допотопнаго пистолета, кинжала и кривой шашки. Курды, наоборотъ, представляя національность, имѣя свой языкъ и сохраняя стародавніе обычаи, отличаются яркими красками своего костюма, имѣющаго вполнѣ восточный видъ. Они носятъ на головѣ небольшую чалму и вооружены, кромѣ шашки, длинными, тростниковыми пиками. Живя отчасти въ нашемъ Закавказьи, отчасти въ Арменіи, они всегда готовы подняться. Одно время было даже слышно, что около Эрзерума противъ турокъ возсталъ до 10,000 курдовъ. Очень вѣроятно, что при приближеніи нашемъ къ Эрзеруму, курды охотно присоединились бы къ нашимъ войскамъ. Въ настоящее же время, та сотня курдовъ, которая находится съ нами, служитъ своего рода восточною прикрасою отряда, не представляя никакого боевого значенія.

По общимъ отзывамъ, было въ высшей степени тактично, что самые безпокойные элементы населенія въ занятой нашими войсками странѣ были привлечены на службу. Такимъ образомъ, они были обезсилены, находясь всегда подъ надзо-

ромъ; мирное населеніе было избавлено отъ ихъ набѣговъ и насилий; тылъ арміи получалъ совершенную безопасность. Дѣйствительно, приманка оказалась хорошею. Вчерашній разбойникъ и грабитель, имѣвшій счеты съ закономъ и правосудіемъ, открыто гарцовалъ сегодня рядомъ съ корпуснымъ штабомъ, исполнялъ различныя порученія относительно доставки письменныхъ распоряженій и извѣстій и, въ то же время, получалъ за это до 30 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Главнѣйшія же личности изъ этого сброда, то есть, разбойники изъ разбойниковъ, разыгрывали роль офицеровъ и получали до 150 рублей жалованья въ мѣсяцъ. Но есть и оборотная сторона медали. Не знаю, насколько выгодно для достоинства русской власти, если мирные жители могутъ считать ее хотя во временномъ и наружномъ только союзъ съ тѣми элементами населенія, которые во всякой благоустроенной странѣ преслѣдуются закономъ и которые справедливо вызывали ненависть и презрѣніе у каждаго честнаго мѣстнаго труженика и семьянина. Съ другой стороны, карапахи далеко не всегда оставались въ той роли невинной голубицы, которую они, повидимому, приняли на себя, состоя на нашей службѣ. Почти ежедневно жители приносятъ жалобы на совсѣмъ нецеремонное обращеніе этихъ „союзниковъ“ нашихъ съ ихъ собственностью. Правда, подобныя жалобы всегда удовлетворялись, но, главнымъ образомъ, на счетъ казны, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, очень трудно было доискаться правды и обнаруженія виновныхъ. При взятіи, напримѣръ, Ардагана, карапахи были уличены въ ограбленіи города, о чемъ и заявлено было даже въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“. Быть можетъ, подобныя поступки и послужили благовиднымъ предлогомъ для тѣхъ обвиненій въ насилиі и грабежѣ, которыя введены были на русскую армію туркофильскою частью иностранной печати и явились даже поводомъ къ парламентскимъ интерпелляциямъ. Между тѣмъ, малѣйшая тѣнь насилия со стороны войскъ преслѣдуется здѣсь съ чрезвычайною строгостью; да и нужно вполнѣ не знать, что такое русская армія, чтобы хотя на

минуту сомнѣваться въ добрыхъ отношеніяхъ ея не только къ мирному населенію, но даже и къ врагу, разъ онъ обезоруженъ. Слѣдуетъ, напротивъ, сказать, что здѣшнее населеніе скорѣе балуется русскою военною властью: съ нимъ иногда не въ мѣру деликатничаютъ, платя рѣшительно за все. Пруссаки, въ 1870 году, брали даже сигары и вино для солдатъ въ видѣ контрибуціи съ занятыхъ селеній и городовъ Франціи; передъ носомъ же нашего солдата, я самъ видѣлъ, какъ дерзко захлопывается иногда дверь сакли, когда во время похода, усталый и голодный, онъ протягиваетъ 15 или 20 копеекъ, чтобъ купить хлѣба или молока...

Итакъ, карапанахи составляютъ не совсѣмъ выгодный и удобный элементъ для нашей арміи. Съ другой стороны, нынѣшнія обстоятельства показываютъ, что не привлеченіе части ихъ въ нашу службу, а другія причины служили обезпеченіемъ тыла нашей арміи. Когда мы шли впередъ, въ чувствахъ и изліяніяхъ преданности не было недостатка, порядкомъ никто не смѣлъ нарушить. Теперь же, при временномъ, надѣюсь, отступленіи нашихъ войскъ, когда несчастное христіанское населеніе подвергается разграбленію и всяческимъ насиліямъ со стороны турецкихъ войскъ, когда отъ варварской мести не ускользаетъ даже чисто оттоманское населеніе, если только оно принимало насъ безъ враждебности или искало покровительства и охранныхъ грамотъ у русскихъ властей, теперь, говорю, тылъ нашей арміи находится далеко не въ томъ удовлетворительномъ положеніи, въ какомъ я засталъ его два мѣсяца назадъ. Снова появились разбойничьи шайки, совершающія набѣги на мирное населеніе у самой нашей границы; даже пограничные мѣстности Закавказья не безопасны отъ налета этихъ хищниковъ. По крайней мѣрѣ, недавно приняты особыя мѣры къ усиленію кордонной стражи и къ охранѣ нашей пограничной черты. Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ передавали мнѣ, что есть основаніе опасаться даже возстанія среди мусульманскаго населенія Эриванской губерніи, куда, будто бы, ужъ и направились эмисары Мухтара-паши.

Еще до войны было извѣстно, что турки, на случай разрыва, сильно рассчитываютъ на возстаніе въ предѣлахъ Кавказа. Возстаніе это, по ихъ плану, должно было задержать на мѣстѣ и занять большую половину кавказской арміи. Этимъ путемъ облегчались наступательныя дѣйствія турецкихъ войскъ въ Малой Азіи, чѣмъ турецкое правительство надѣялось воспользоваться въ видѣ противовѣса успѣхамъ нашего оружія на Дунаѣ и въ Балканахъ. Извѣстно, въ какой мѣрѣ приведенные рассказы оказались вѣрными. Едва началась война, какъ безпорядки возникли въ Видинскомъ округѣ; неудачныя дѣйствія, дозволившія туркамъ занять Сухумъ и утвердиться въ части нашего черноморскаго побережья, послужили поводомъ къ возстанію въ Абхазіи. Значительная часть нашей кавказской арміи, дѣйствительно, должна быть отдалена отъ главнаго театра войны; на всѣхъ пунктахъ мы оказались слабы, чтобы наступательно дѣйствовать противъ непріятеля. Обстоятельства вынудили насъ пока занять оборонительное положеніе, а между тѣмъ, побѣда и движеніе впередъ необходимы здѣсь, какъ воздухъ. Понятно теперь то чувство, съ какимъ мы ждали подкрѣпленій... Въ разнохарактерномъ, плохосколоченномъ наружною связью населеніи Кавказа легко обнаруживается то, что обыкновенно считается отличительною чертою азіатцевъ: населеніе всегда на той сторонѣ, на которой въ данную минуту находится видимая сила. Въ годы мира, къ сожалѣнію, мы не успѣли создать въ этомъ населеніи другія, болѣе нравственныя и сочувственныя къ намъ отношенія. По господствующему въ здѣшнихъ административныхъ сферахъ мнѣнію, на это мало и столѣтія; быть можетъ, для этого необходимо еще кое что; но говорить объ этомъ въ настоящее время не совсѣмъ удобно...

Въ арміи Мухтара-паши находится старшій сынъ Шамилъ, Казы-Магома, жившій послѣ смерти бывшаго имама въ Константинополѣ и получавшій отъ нашего правительства пенсію въ 6,000 рублей. Казы-Магома прибылъ, говорятъ, съ тысячею всадниками, набранными изъ выселенныхъ съ Кав-

каза горцевъ. Въ томъ же гостепріимномъ лагерѣ Мухтара-паши имѣются, говорятъ, два иностранные легіона, которые здѣсь называются „венгерскими“, но въ составъ которыхъ входятъ не одни венгерцы: тутъ, слышно, много англичанъ и польскихъ эмигрантовъ. Присутствіе этихъ элементовъ въ арміи Мухтара-паши сказывается не только въ чисто-военномъ отношеніи, но и въ такихъ явленіяхъ, какъ посылка эмиссаровъ въ наши предѣлы. Мало того, иностранцы, прислуживающіеся туркамъ, пустились ужъ на совсѣмъ нелѣпую попытку—ни болѣе, ни менѣе, какъ на попытку вызвать безпорядки въ нашей арміи посредствомъ прокламацій. Прокламаціи, сколько извѣстно, появились во время нашей саганлугской экспедиціи, когда началась усиленная бомбардировка Карса. Невѣжественные, полуграмотные авторы воззваній приглашали русскихъ соединиться съ турками для борьбы противъ „ретрограднаго“ русскаго правительства подъ знаменемъ „радикальнаго“ султана! Само собою разумѣется, что подобныя прокламаціи могли встрѣтить только стѣхъ, даже не негодованіе, въ тѣхъ, кто имѣлъ случай ихъ прочесть. Наша армія, та молодежь, которая наполняетъ ея ряды, отважно жертвуя своею кровью за отечество, по отзывамъ даже самыхъ старыхъ служилыхъ, сильно опасавшихся за духъ и дисциплину *новыхъ молодыхъ* войскъ, не разъ ужъ имѣла случай наглядно доказать, что она не только ни въ чемъ не уступаетъ *старой* арміи, но во многомъ даже превосходитъ ее. Что же, кромѣ колкой насмѣшки или сожалѣнія, могутъ возбуждать подобныя выходки эмиграціи, очевидно, все еще ничему ненаучившейся и ничего забывшей?! Эти выходки могутъ оказаться пригодными только тѣмъ элементамъ нашего общества, которые рѣшаются создавать свое личное благополучіе на проповѣди разлада, недовѣрія, на полномъ отсутствіи любви къ человѣку и вѣры въ его добрыя качества.

Какъ бы ни было, дорога къ Александрополю, т. е. главный путь въ тылу нашей арміи, представляетъ теперь совершенно иной видъ, нежели два мѣсяца, даже мѣсяцъ назадъ. Правда, движеніе по ней въ настоящее время даже

болѣе сильное, чѣмъ прежде — точно наша старая широкая почтовая дорога, но зато мѣръ къ охранѣ сообщенія принимается больше, самая свобода сообщенія становится съ каждымъ днемъ труднѣе...

II.

Дорогой въ Александрополь, не доходя Кизилтихчаха, мы встрѣтили отрядъ пѣхоты, шедшій со всѣми военными предосторожностями, даже съ цѣпью по бокамъ, точно въ виду непріятеля. Это былъ лучший признакъ, что тылъ нашего отряда, даже въ виду александропольской крѣпости, не считается безопаснымъ: разставленные черезъ каждыя три версты, и даже чаще, казачьи пикеты дополняли это впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, мы ѣхали одни, нисколько не помышляя ни о туркахъ, ни о разбойничьихъ шайкахъ карапанаховъ или куртинъ. Чтобъ скоротать незамѣтно время, мы оглашали воздухъ Малой Азіи никогда неслыханными въ ней мотивами современныхъ оперъ, что не разъ заставляло встрѣчныхъ конныхъ армянъ и арбщиковъ открывать „ротъ изумленія“ и провожать насъ выпученными глазами.

— Двадцать два года назадъ, быть можетъ, слышались здѣсь тѣ же звуки, замѣтилъ я г. Уиллеру.

— Нѣтъ, справедливо возразилъ онъ—въ эпоху крымской войны этихъ оперъ не существовало.

Встрѣчный отрядъ пѣхоты состоялъ изъ совсѣмъ новенькихъ людей. Все на нихъ, начиная отъ мундира и кончая молодымъ, бойкимъ лицомъ, вѣяло свѣжестью и здоровьемъ. Это были молодые солдаты, поступившіе на службу только въ послѣдній призывъ. Они или теперь, обучившись военному дѣлу, на укомплектованіе порѣдѣвшихъ батальоновъ гренадерской дивизіи. Еще раньше пришли въ Кюрюкъ-Дара маршевые эскадроны драгунскихъ полковъ. На душѣ легче стало—необходимой намъ силы прибывало!

Солдаты шли весело, не въ разбродъ, какъ часто бываетъ на маршѣ, а сохраняя ряды. Здороваясь и поздравляя съ

приходомъ, я, шутя, сказалъ, чтобъ спѣшили; не то турокъ удереть.

— Ничего, нагонимъ! смѣялись они въ отвѣтъ.

Это былъ цвѣтъ нашего народа! Красивые, здоровые, веселые, съ добрыми, умными глазами, они однимъ видомъ своимъ говорили, какая могучая сила скрыта въ этомъ народѣ и въ выдѣленной имъ изъ себя *новой*, преобразованной арміи. Гдѣ эти наши алармисты? Пусть откроютъ глаза, если у нихъ есть честь и сердце, и уразумѣютъ хотя теперь, къ какому народу они имѣютъ счастье принадлежать, насколько основательны тѣ страхи, которые порождали у насъ въ послѣдніе годы столько недоразумѣній! Кто имѣлъ случай часто сталкиваться съ нашимъ солдатомъ, тотъ, поистинѣ, будетъ пораженъ тою осмысленностью, тѣмъ сознаніемъ долга, которыя сквозятъ въ ихъ разговорѣ, въ поступкахъ. Послѣ Зевина и особенно послѣ отступленія отъ Карса, лица солдатъ нѣсколько приуныли. Но, помню, получена была депеша о взятіи Никополя на Дунаѣ; я подошелъ къ группѣ свободныхъ отъ службы солдатъ и сообщилъ имъ пріятную вѣсть. Нужно было видѣть, какъ они обрадовались, какъ составили около меня кружокъ, какъ спрашивали они о переходѣ нашихъ черезъ Дунай, гдѣ находится Государь.

— Теперь за нами очередь, братцы!

— Ужъ поведутъ, такъ не вырвется!..

— Что онъ, какъ кротъ, въ землѣ роется... Нѣтъ, ты въ полѣ, на чистоту выходи...

Такъ разсуждали солдаты, намекая, что турки не могутъ разбить лагерь, не окопавшись завалами и не соорудивъ цѣлыхъ бастіоновъ вокругъ.

Въ Александрополь мы пріѣхали около полудня, чуть не вернувшись назадъ, когда до цѣли нашего путешествія оставалось не болѣе шести верстъ. Дѣло въ томъ, что со стороны Башкадыклара, гдѣ находился нашъ авангардный лагерь, слышалась канонада. Съ возвышенности мы замѣтили даже турецкую батарею, вырытую на склонѣ горы Аладжа и стрѣлявшую залпами. Одну минуту казалось, что турки затѣяли

что-то противъ нашего авангарда, быть можетъ съ тѣмъ, чтобъ оттѣснить его и прорваться къ нашей границѣ, черезъ Ани, гдѣ находятся интересныя развалины древней столицы Арменіи, одного изъ древнѣйшихъ въ мірѣ христіанскихъ городовъ. Мы остановились въ тяжкомъ сомнѣніи, прислушиваясь къ пальбѣ. Упустить сраженіе было бы непростительно, но и вернуться напрасно назадъ, по страшной жарѣ, не хотѣлось. Канонада стала стихать и мы рѣшились добратся до Александрополя.

Этотъ грязный, отвратительный городишка, очень похожій, благодаря своимъ землянымъ, плоскимъ крышамъ, на опустошенный пожаромъ поселокъ, рисовался въ воображеніи нашемъ въ видѣ какой-то столицы — такъ лагерная и бивуачная жизнь, непрерывные переходы, отсутствіе даже намека на осѣдность опостылили намъ, кабинетнымъ людямъ, неумѣющимъ даже писать и спокойно мыслить безъ извѣстнаго комфорта человѣческой обстановки. Александрополь быстро и безъ особыхъ усилій разсѣялъ, однако, наши иллюзіи и воспоминанія объ удобствахъ городской жизни. Этотъ городъ созданъ для того, чтобъ раздражать нервы! Никто въ немъ ничего не знаетъ изъ того, что слѣдуетъ знать, а если кто и дастъ вамъ какое нибудь трудно понимаемое указаніе, то непременно напутаетъ или просто солжетъ. Большинство жителей играетъ роль глухихъ, и часто нужно выбрать или заплакать, чтобъ добиться отвѣта. Привѣтливости, услужливости, гостепріимства — нѣтъ и слѣда; вся задача, всѣ помыслы господствующаго здѣсь армянскаго населенія заключаются, кажется, только въ томъ, какъ бы васъ обобрать какъ можно больше и безотвѣтственнѣе. Рѣшительно слѣдуетъ удивляться страданіямъ, которыя должны испытывать офицеры и семейства здѣшнихъ военныхъ, обреченные прозябать въ этой армянской ямѣ. Двѣ или три несчастныя, грязныя гостиницы Александрополя были биткомъ набиты. Многіе офицеры, пользуясь близостью, ѣздить сюда на день, на два изъ лагеря; сверхъ того, теперь усилился проѣздъ офицеровъ, ѣдущихъ пополнить значительную убыль въ нашемъ отрядѣ;

въ числѣ этихъ новыхъ членовъ нашей военной семьи находятся и офицеры, командированные изъ гвардейскихъ полковъ. Мы встрѣтили фургонъ, наполненный офицерами, бѣлыми португеей которыхъ ясно изобличали, кто они такіе. Нечего было и пытаться найти мѣсто въ гостиницѣ — тамъ располагались и спали даже на билліардѣ. Мы заѣхали, поэтому, къ доброму знакомому изъ управленія осадной артиллеріи и нашли радушный пріютъ въ комнатѣ, служившей одновременно и квартирой, и канцеляріей.

На другой день, добрую часть утра мы вынуждены были посвятить хлопотамъ о пропускѣ въ отрядъ. Къ немалому нашему удивленію, оказалось, что легче выѣхать изъ отряда, нежели обратно пробраться къ нему. Мой спутникъ, г. Уиллеръ, не хотѣлъ вѣрить, чтобъ нужно было еще новое разрѣшеніе, когда мы имѣли его разъ навсегда отъ главнокомандующаго и командующаго корпусомъ. Будучи опытнѣе его и зная хорошо, сколько всевозможныхъ паспортовъ, разрѣшеній и формальностей существуетъ на Руси, чтобъ стѣснять свободу частныхъ людей — формальностей, которыя такъ легко обходятся желающими или имѣющими возможность не подчиняться требованіямъ закона, я настоялъ на необходимости справиться, не встрѣтится ли препятствія къ нашему обратному путешествію. Оказалось, что предусмотрительность моя была далеко не излишнею.

Уѣздный воинскій начальникъ категорически объявилъ, что пропустить онъ насъ не можетъ. Хотя капитанъ и не обнаруживалъ словоохотливости, считая, конечно, что не стоитъ тратить время на бесѣду съ „штатскими“ господами, тѣмъ не менѣе, намъ удалось вызвать его на откровенность. Изъ объясненій, которыми онъ насъ удостоилъ, мы узнали, что дѣло заключалось собственно въ заботливости его о процвѣтаніи нашихъ драгоценныхъ дней. Онъ не можетъ насъ отпустить однихъ — дорога небезопасна, а отправить съ колонною, которая дня черезъ два, а можетъ, и черезъ три двинется изъ Александрополя. Подъ именемъ „колонны“ разумѣтся какой-нибудь транспортъ съ конвоемъ. Напрасно

мы убѣждали воинскаго начальника, что мы не представляемъ тяжести и не казенная вещь, которую нужно оберегать; что забота о нашей жизни излишня, такъ какъ въ отрядѣ мы ежедневно рискуемъ подвергнуться опасности, гораздо существеннѣе той, которая, даже при пламенномъ воображеніи, можетъ встрѣтиться на оцѣпленной пикетами дорогѣ изъ Александрополя въ Кюрюкъ-Дара; что, наконецъ, мы только вчера пріѣхали и не встрѣтили ни малѣйшаго препятствія или признака опасности — капитанъ былъ неумолимъ. Ожидать колонны, которая неизвѣстно когда двинется, оставаться въ Александрополѣ, когда съ минуты на минуту въ отрядѣ ожидаются важныя военныя событія — было бы для насъ страшнымъ ударомъ. По счастью, гдѣ много излишнихъ стѣсненій и формальностей, тамъ немало и практическихъ лазеекъ для обхода ихъ. Схватившись, какъ за якорь спасенія, за проскользнувшую въ разговорѣ капитана фразу, что все зависитъ отъ „начальства“, мы спросили, кто въ данномъ случаѣ „начальство“, и отправились къ нему. Оказалось, что это начальникъ военныхъ сообщеній, квартиру котораго съ немалымъ трудомъ могли мы отыскать черезъ какіе-то ужасныя задворки и проулки, и не прежде, какъ ошибочно понавѣ предварительно къ двумъ другимъ, не компетентнымъ въ данномъ случаѣ начальникамъ. Вопреки ожиданіямъ, дѣло здѣсь уладилось гораздо скорѣе и проще, чѣмъ можно было надѣяться.

Начальникъ военныхъ сообщеній подтвердилъ, что путь не безопасенъ, что есть свѣдѣнія о намѣреніи непріятеля сдѣлать набѣгъ на нашу границу, но что онъ отпуститъ насъ, когда угодно, давъ конвой. Какъ ни непріятно было беспокоить нашими особами конвойныхъ казаковъ, мы по необходимости вынуждены были воспользоваться любезнымъ дозволеніемъ начальника военныхъ сообщеній. Онъ вручилъ намъ открытый листъ, съ которымъ мы снова должны были сдѣлать визитъ воинскому начальнику. Капитанъ медленно прочелъ бумажку и повертѣлъ ее нерѣшительно въ рукахъ, видимо отыскивая, какія бы еще препятствія къ нашему

отъѣзду могли встрѣтиться „съ его стороны“. По счастью, таковыхъ, должно быть, не оказалось, потому что бумажка снова очутилась въ моихъ рукахъ съ надписью: „Прошу назначить двухъ казаковъ“. Два казака должны были оберегать насъ отъ нападенія турецкой арміи.

Успокоившись насчетъ возможности нашего возвращенія въ отрядъ, мы отправились посѣтить раненныхъ.

III.

Всѣ военновременные госпитали, бывшіе вначалѣ въ Кюрюкь-Дара, съ переходомъ сюда нашего отряда, сосредоточены въ Александрополь. Тамъ же находятся и больницы, устроенныя обществомъ „Краснаго Креста“. О всѣхъ этихъ врачебныхъ учрежденіяхъ, сколько ни приходилось слышать, отзываются съ самой прекрасной стороны. Довольно продолжительное пребываніе великой княгини Ольги Феодоровны въ Александрополь, какъ главы кавказскаго отдѣла „Краснаго Креста“, очень много способствовало отличному устройству попеченія о больныхъ и раненныхъ, попавшихъ въ александропольскіе госпитали. Александропольскія дамы, большею частью, жены служащихъ въ здѣшнихъ войскахъ офицеровъ, наперывъ другъ передъ другомъ соперничаютъ въ дѣлѣ облегченія участи и скучныхъ дней леченія раненныхъ. Лично мы имѣли возможность удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится госпиталь, устроенный кавказскимъ отдѣломъ „Краснаго Креста“ и состоящій подъ управленіемъ врача Рейера, изъ Дерпта.

Госпиталь врача Рейера помѣщается на лужайкѣ, внизу горы, на которой расположена александропольская крѣпость, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ рѣки Арпачая. На квадратной площадкѣ находится шесть-семь большихъ продолговатыхъ палатокъ, въ которыхъ совершенно просторно можетъ размѣститься отъ 12-ти до 15-ти кроватей, въ два ряда, съ довольно широкими промежутками. Тутъ же раз-

бито нѣсколько киргизскихъ или калмыцкихъ войлочныхъ кибитокъ и около десятка офицерскихъ палатокъ. Сверхъ того устроенъ большой деревянный баракъ для производства операций и перевязокъ. Большинство раненныхъ, находящихся на попеченіи врача Рейера, имѣетъ тяжкія поврежденія, изъ которыхъ значительнѣйшая часть получена въ злополучномъ зевинскомъ боѣ. Мнѣ особенно желалось навѣстить и узнать о судьбѣ своихъ зевинскихъ знакомцевъ, съ которыми пришлось дѣлать походъ и которыхъ потомъ, съ горестью, пришлось видѣть въ числѣ раненныхъ.

Мы застали врача Рейера на дорогѣ въ операціонный баракъ. Очень любезно встрѣтивъ насъ, онъ предложилъ намъ обойти съ нимъ всѣхъ больныхъ. Въ баракѣ производилась перевязка трудно раненаго. Пуля пробила ногу у колѣна; во время перевозки изъ Зевина въ Кюрюкь-Дара произошло сильное нагноеніе, вздувшее всю среднюю часть ноги. Пришлось сдѣлать много прорѣзовъ, чтобъ дать исходъ гною и предупредить общее зараженіе крови. Въ каждое изъ отверстій раны вставленъ дренажъ, т. е. тоненькая гуттаперчевая трубочка. Во время перевязки всѣ эти трубочки и порѣзы промывали водою помощью спринцовки. Одновременно, на рану былъ направленъ непрерывный токъ раствора карболовой кислоты. Врачъ Рейеръ придерживается „листеровскаго способа“, т. е. ни одной операціи, ни одной перевязки не дѣлаетъ безъ подверженія раны и окружающей атмосферы дѣйствию раствора карболовой кислоты посредствомъ пульверизатора. Это хлопотливо и потому не всѣми охотно примѣняется, да и при желаніи не всегда можетъ быть примѣнено, такъ какъ требуетъ особыхъ приспособленій и занимаетъ много времени; но, по глубокому убѣжденію г. Рейера, „листеровскій способъ“ является лучшимъ, если не единственнымъ въ настоящее время обезпеченіемъ хорошаго исхода раненій, предупреждая развитие гангрены и появленіе разрушительной госпитальной горячки. „Листеровскій способъ“, по его мнѣнію, есть наилучшее орудіе „консервативной“ хирургіи; еслибъ возможно было примѣненіе его всегда и на всякомъ мѣстѣ, начиная съ пере-

вязочного пункта, то число ампутацій значительно сократилось бы, хотя, къ чести современной хирургіи и ея представителей, слѣдуетъ сказать, что въ нынѣшнюю войну ампутаціи и безъ того являются въ видѣ исключенія. Какъ бы то ни было, благодаря „листеровскому способу“ или другимъ причинамъ, какъ, напримѣръ, тщательному уходу за ранеными, строгому соблюденію гигиеническихъ условій, но ни гангрены, ни госпитальной горячки нѣтъ въ александропольскихъ госпиталяхъ.

Воспользовавшись приглашеніемъ г. Рейера, мы обошли палаты. У постели каждого больного врачъ останавливался для обычныхъ разспросовъ и часто обращалъ наше вниманіе на особенно выдающіяся раненія. Большинство раненыхъ, сосредоточенныхъ въ этой больницѣ, принадлежитъ къ тяжелымъ. Много переломовъ и поврежденій кости, главнымъ образомъ, отъ пуль. Были два несчастные съ страшно изуродованнымъ лицомъ: они были ранены на батареяхъ подъ Карсомъ отъ взрыва нашей же гранаты. Одному изъ нихъ сдѣланъ новый носъ. Почти цѣлая палата занята ампутированными, большею частью изъ числа тѣхъ, которые вынесли всѣ неудобства перевязки послѣ зевинскаго боя.

Не смотря на тяжкія поврежденія, раненные смотрятъ весело; въ ихъ отношеніяхъ къ врачу Рейеру проглядываетъ полное довѣріе, и они пользуются каждымъ случаемъ, чтобы высказать ему благодарность. Я вездѣ спрашивалъ, дозволены ли они уходомъ, и всегда получалъ самые сочувственные отзывы о врачахъ и сестрахъ милосердія. Нѣкоторые раненные лежатъ безъ повязки и черезъ каждый часъ или и меньше сестра милосердія промываетъ рану. Почти всѣ ужасно боятся мухъ и чувствуютъ ихъ приближеніе чуть не издали.

— Сестра! муха! муха!... почти испуганно кричитъ раненый.

— Да нѣтъ, право, нѣтъ, уговариваетъ сестра.

— Какъ нѣтъ! я чувствую...

Сестра приподнимаетъ уголь полотна, которымъ прикрыта рана, и дѣлаетъ жестъ, будто прогоняетъ муху.

— Я говорилъ, что муха, успокоивается больной.

Они опасаются, чтобы въ ранѣ не завелись черви.

Нѣкоторые изъ раненыхъ подъ Зевинымъ меня узнали и обрадовались, какъ дѣти, почти со слезами благодаря за посѣщеніе. Мы цѣловались и пожимали другъ другу руки. Завязались рассказы о зевинскомъ дѣлѣ, о томъ, кто гдѣ былъ, при какихъ обстоятельствахъ раненъ. Фельдфебель роты несчастнаго Ясовича, раненый въ то время, когда хотѣлъ вынести тѣло этого храбраго офицера, бросившагося впереди всѣхъ на турецкую батарею, чуть не рыдая вспоминаетъ о своемъ командирѣ.

— Такого командира, ваше благородіе, нѣтъ и не будетъ; словно отецъ родной! Достался поганымъ туркамъ! Ну, ужъ доберемся мы до нихъ, дай Богъ выздоровѣть только! Накладѣмъ знатно.

И переходя къ новому порядку мыслей, фельдфебель продолжаетъ:

— Я ничего, я добрался самъ.... Вижу оружейный мастеръ.... Прошу, дайте лошадь. На, говорить, голубчикъ, садись. Не смогъ взлѣзть, посадили.... А нога болтается, кровь такъ и льетъ... а, все таки, въ стремя ее всадилъ, покавалерійски, значитъ... Такъ и доѣхалъ...

Только что принесенный изъ операціонной солдатъ, капризно жаловавшійся, что сестра подушку высоко поднимаетъ (это дѣлалось по приказанію врача), тоже оживился и заговорилъ, въ свою очередь.

— Лежу этто я, вдругъ, словно ожгло ногу... Я въ панталоны, глядь — пуля! Нѣтъ, думаю, шалишь! Вложилъ патронъ и ссадилъ одного. Не успѣлъ этто я снова зарядить, какъ опять хватилъ онъ этто меня въ другую ногу. Упалъ, не въ моготу было идти. Тутъ товарищъ подошелъ... Ползи, говорить, помогу... Я поползъ; иначе, все таки, пулю-то выпустилъ...

Мы не знали, кого слушать, и съ трудомъ распрошались съ нащими знакомцами, пожелавъ имъ скорѣйшаго выздоровленія. Въ другой палатѣ я нашелъ юнкера, которому, бла-

годаря дурнымъ условіямъ перевозки изъ Зевина, пришлось лишиться ноги выше колѣна. У несчастнаго молодого человѣка нервы были еще страшно потрясены; безъ слезъ онъ не могъ говорить и раздражался безпрестанно, какъ ребенокъ. Въ видѣ слабаго утѣшенія, я сказалъ, что теперь умѣютъ дѣлать отличныя деревянныя ноги; танцовать будете, прибавилъ я.

— Да гдѣ же онѣ дѣлаются?

— Вездѣ, я думаю; въ Америкѣ, на примѣръ, на филадельфійской выставкѣ, всѣ видѣли..

— До Америки далеко: куда намъ! перебилъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ.

— Ничего не значить, что далеко... Вотъ со мною американецъ, корреспондентъ большой американской газеты... Онъ пріѣхалъ описывать ваши подвиги, онъ подтвердить вамъ, что близко...

— Они наши друзья, я люблю ихъ, но куда намъ до Америки!.. упрямо твердилъ молодой человѣкъ, какъ-то особенно нѣжно, почтительно глядя на американца.

Г. Уиллеръ, понявъ, что рѣчь идетъ объ Америкѣ, спросилъ, въ чемъ дѣло. Когда я передалъ содержаніе нашего разговора, г. Уиллеръ наклонился, поцѣловалъ юнкера и подтвердилъ:

— Да, да, мы друзья ваши; ноги отличныя дѣлаются; вамъ доставятъ такую ногу, плясать будете...

Я перевелъ слова американца, а юнкеръ горячо пожималъ его руку.

Настоятельная необходимость русскому обществу позаботиться объ участи тѣхъ лицъ, которыя, получивъ тяжкія раны, не въ состояніи работать и не имѣютъ средствъ, чѣмъ содержать себя. У насъ, обыкновенно, полагаютъ, что попеченіе о раненомъ прекращается, какъ только онъ вышелъ изъ больницы; но тутъ-то и важнѣе всего помощь общества. Позорно будетъ видѣть, если контингентъ нищихъ, какъ послѣ крымской войны, на половину наполнится лицами, сражавшимися въ рядахъ нашихъ войскъ, если сегодняшніе герои обречены

будутъ на попрошайничанье. Хотя бы общество позаботилось доставить, по крайней мѣрѣ, хорошія искусственныя ноги тѣмъ, которые лишились ихъ на войнѣ.

Отдавая должную справедливость тому, что совершенно кавказскимъ отдѣломъ „Краснаго Креста“ въ Александрополь, къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать, что совсѣмъ инныя заключенія приходится сдѣлать объ общей его дѣятельности на здѣшнемъ театрѣ войны. Подъ Ардаганомъ раненые валялись неподобранные, безъ перевязки, въ теченіе цѣлой ночи и многіе попали на перевязочный пунктъ только къ пяти часамъ пополудни слѣдующаго дня. Присутствія общества „Краснаго Креста“ не было замѣтно. Послѣ зевинскаго боя раненые были собраны къ утру, но ни при уходѣ за ними, ни при передвиженіи ихъ, общества „Краснаго Креста“ не было. Существовалъ, правда, какой-то „уполномоченный“; но у него, кромѣ небольшой дорожной сумки, ровно ничего не имѣлось. Въ Кюрюкъ-Дара, вотъ ужъ нѣсколько недѣль, какъ общество „Краснаго Креста“ блистаетъ своимъ отсутствіемъ. На-дняхъ пріѣзжалъ сюда г. Петлинъ, приглашенный изъ Петербурга отъ главнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Кажется, благодаря только его настоянію, къ намъ явится санитарный отрядъ изъ Москвы, снаряженный подъ управленіемъ г. Всеволожскаго.

Возвратившись изъ Зевина, я высказалъ, кому слѣдуетъ, упрекъ по поводу отсутствія общества „Краснаго Креста“ тамъ, гдѣ присутствіе его было бы наиболѣе полезно. Мнѣ отвѣчали, что у мѣстнаго отдѣла нѣтъ перевязочныхъ средствъ и что военное начальство, какими-то судьбами, отклоняетъ помощь членовъ „Краснаго Креста“. Однакожъ, здѣшній отдѣлъ находитъ средства выплачивать громадное содержаніе своимъ уполномоченнымъ, по 300 рублей, на примѣръ, въ мѣсяцъ, кромѣ разныхъ подъемныхъ и проч. Наконецъ, присланный еще въ маѣ, изъ Москвы, санитарный отрядъ, отправленный на счетъ дворянства, сумѣлъ устроиться съ военнымъ начальствомъ и явиться съ своею помощію на са-

момъ полѣ сраженія во время кровопролитныхъ битвъ, выдержанныхъ войсками генерала Оклобжіо. О дѣятельности этого отряда приходилось слышать только самые лестные отзывы. Онъ не имѣлъ возможности явиться на главный театръ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, но ходъ войны позволилъ ему показать себя на первомъ мѣстѣ и въ той второстепенной роли, которая отведена была на его долю.

О дѣятельности здѣшняго отдѣла „Краснаго Креста“ ничего местного не слышно и въ Тифлисѣ, гдѣ сосредоточено около 2,000 раненыхъ и больныхъ. Больные помѣщаются очень тѣсно и въ городѣ, гдѣ страшная жара, тогда какъ желѣзная дорога позволяетъ устроить больничные бараки на болѣе возвышенныхъ и прохладныхъ мѣстахъ, куда и тифлисскіе чиновники, обыкновенно, убѣгаютъ отъ нестерпимыхъ лѣтнихъ жаровъ. Мнѣ сообщали также, что и въ санитарномъ персоналѣ чувствуется недостатокъ въ Тифлисѣ. Одинъ врачъ, одна сестра милосердія, одинъ фельдшеръ и четыре служителя приходится, среднимъ числомъ, на 80 больныхъ. Можно ли ожидать, при такихъ условіяхъ, правильнаго ухода за ранеными?..

Сопоставляя всѣ эти неудовлетворительныя свѣдѣнія со всѣмъ тѣмъ, что сообщено выше относительно дѣятельности кавказскаго отдѣла „Краснаго Креста“ въ Александрополь и что у всѣхъ, съ кѣмъ приходилось мнѣ говорить, вызываетъ самыя восторженныя похвалы, я надѣюсь, что не заслужу упрека въ желаніи „очернить“ или „подорвать“ авторитетъ этого отдѣла въ общественномъ мнѣніи. Въ интересахъ самого отдѣла знать, въ чемъ его упрекаютъ и гдѣ желали бы видѣть проявленіе его дѣятельности. Одними хвалебными гимнами это не достигается.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Рекогносцировка 16-го іюля.

Около девяти часовъ вечера, 15-го іюля, г. Уиллеръ и я возвратились въ лагерь, безъ всякаго сожалѣнія разставшись съ Александрополемъ. Само собою разумѣется, что нашъ путь былъ совершенно безопасенъ. Въмѣсто двухъ конвойныхъ казаковъ, намъ дали одного. Конвойные мѣнялись на каждомъ посту, черезъ двѣ-три версты. При первой возможности, мы освободились отъ нихъ, не желая вполнѣ напрасно морить и отвлекать людей отъ службы.

— Говорятъ, турецкая кавалерія хочетъ прорваться за нашъ кордонъ. Не видно ли чего? спросилъ я на одномъ посту, гдѣ мы остановились на минуту, чтобъ утолить жажду.

— Все одни разговоры, ваше благородіе, отвѣчалъ урядникъ, какъ-то презрительно подернувъ плечомъ.

Мнѣ показалось, что въ этомъ отвѣтѣ кроется гораздо болѣе вѣрнаго пониманія вещей, нежели во всѣхъ тѣхъ „страхахъ и ужасахъ“, которыми многіе преисполнены въ настоящее время. Два съ половиною мѣсяца назадъ, мнѣ совѣтовали и въ Тифлисѣ и въ Александрополь „спѣшить“, такъ какъ „не сегодня—завтра Карсъ будетъ взятъ“; теперь же, послѣ зевинской битвы и отступленія отъ Карса, каждый пушечный выстрѣлъ со стороны непріятеля принимаетъ чудо-

вищные размѣры и Богъ знаетъ какъ истолковывается въ перепутанныхъ умахъ. Къ сожалѣнію, господство цензуры приучило общество не вѣрить не только официальнымъ заявленіямъ, но и частнымъ независимымъ статьямъ и корреспонденціямъ. „Правды нельзя печатать“, слышится отовсюду, а отсюда одинъ только шагъ къ заключенію, что печатается только ложь. Мы еще не вернулись изъ Зевина, а въ Тифлисѣ уже говорили, что нашъ отрядъ разбитъ наголову и что въ гренадерской дивизіи мало кто остался въ живыхъ. Посыпались запросы, телеграммы, письма отъ обеспокоенныхъ семействъ офицеровъ; а между тѣмъ, наша телеграмма, правдиво излагавшая сущность дѣла, была задержана на нѣсколько дней въ Мацрѣ и отправлена по назначенію только послѣ нѣкоторыхъ „исправлений“.

Допустимъ даже, что два-три „неосторожныхъ“ слова прокрались бы въ печать, но исключеніе этихъ словъ искупить ли происходящее отсюда развитіе слуховъ, стоустой молвы, которую никакая цензура не въ силахъ ограничить и надъ которою ужъ не можетъ быть контроля? искупится ли этимъ и развивающееся рядомъ съ молвою недовѣріе къ печатному слову, этому единственному орудію противъ заблужденій и неосновательныхъ пересудовъ? Когда въ Александрополь уезжаны были пушечные выстрѣлы со стороны Башкадыклара, 14-го іюня, въ тотъ же день, вечеромъ, въ городскомъ населеніи сложился ужъ безобразный рассказъ о нападеніи турокъ на нашъ авангардъ, причемъ, будто бы, мы понесли убыль въ 1,000 человекъ. Даже цифра, и, какъ видится, немалая, оказалась въ пламенномъ воображеніи александропольцевъ! Мой спутникъ, американецъ, всполошился ужъ было немедленно, ночью, ѣхать въ лагерь, такъ какъ эту крупную новость, въ видѣ достовѣрнаго извѣстія, передалъ ему одинъ казачій офицеръ. Не безъ труда пришлось мнѣ убѣдить г. Уиллера во всей невѣроятности этого „достовѣрнаго извѣстія“. Канонада длилась полчаса, много часъ; въ такой короткій промежутокъ невозможно лишиться 1,000 человекъ, если не предположить въ нашемъ лагерѣ безум-

цевъ; наконецъ, подобная потеря не могла быть приведена въ извѣстность такъ скоро, тѣмъ менѣе ее имѣли бы возможность въ тотъ же день узнать въ Александрополь. Я говорилъ это на основаніи того, что видѣлъ въ зевинскомъ сраженіи и подъ Карсомъ. Американецъ убѣдился; но не такъ легко было разувѣрять александропольцевъ. Возвратившись въ лагерь, мы узнали, что 14-го іюля наши войска производили рекогносцировку праваго турецкаго фланга и что вся наша убыль состояла изъ двухъ или трехъ раненыхъ казаковъ. Полагаю, этотъ примѣръ не нуждается въ комментаріяхъ.

Искренно желая, чтобъ печать наша была поставлена въ тѣ условія, при которыхъ въ слово ея „можно было бы вѣрить“, надѣюсь, что читатели не откажутъ въ довѣріи къ тому, что я говорю, что могу сказать. Послѣ Ардагана черезчуръ ужъ пренебрежительно относились къ туркамъ. Эти отношенія напоминали отчасти то легкомысліе, съ которымъ, въ прошломъ году, г. Суворинъ и комп., въ своемъ вильмесса-новскомъ невѣжествѣ и наглости, прорицали на тему „Низъ взять, а оттуда дорога скатертью въ Константинополь!“ А между тѣмъ, зевинскій бой заставилъ многихъ вспомнить, что не слѣдуетъ презирать непріятеля, кто бы онъ ни былъ; само достоинство арміи того требуетъ. Напротивъ, послѣ неудачи, какъ бы велика она ни была, постыдно падать духомъ или труса разбигрывать. Не въ духѣ это нашего народа, который именно въ тяжкія минуты исторіи, среди труднѣйшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ осложненій, умѣлъ выказываться истиннымъ героемъ. „Все одни разговоры!“ слышится теперь изъ устъ простого казака, въ то время, когда лицо несравненно высшаго положенія чуть не со страхомъ поглядываетъ на высоты, въ которыхъ обрылись и за-сѣли турки. И можно быть увѣреннымъ, что въ этихъ окопахъ они и будутъ сидѣть, въ ожиданіи нашего нападенія. Какъ бы ни были энергичны настоянія изъ Константинополя „о преслѣдованіи русскихъ“, Мухтаръ-паша едва ли рѣшится двинуться впередъ, если мы сами не отойдемъ, какъ не осмѣ-

лился онъ преслѣдовать насъ даже послѣ проиграннаго зевинскаго сраженія. Если положеніе дѣлъ на Кавказѣ нѣсколько затруднительно, то въ этомъ, какъ я уже, кажется, указывалъ, слѣдуетъ винить, главнымъ образомъ, обстоятельства, ничего общаго съ войною неимѣющія. При иномъ состояніи „внутреннихъ дѣлъ“ на Кавказѣ во время мира, намъ не пришлось бы теперь, во время войны, удерживать большую часть арміи въ тылу, чтобъ держать въ страхѣ мѣстное населеніе или даже подавлять вспыхивающія среди него возстанія. Съ другой стороны, нельзя не сказать, что первоначальный планъ войны на малоазійской границѣ состоялъ въ сохраненіи *оборонительнаго* положенія. Если нѣкоторая неподготовленность турокъ къ войнѣ на здѣшнемъ театрѣ и дала намъ возможность перейти въ наступленіе, а успѣхъ подъ Ардаганомъ еще болѣе склонилъ къ измѣненію первоначальнаго плана, то, сообразно съ этимъ, слѣдовало бы и избрать другія средства для его выполненія. Между тѣмъ, мы *вездѣ*, и въ ріонскомъ отрядѣ, и у Карса и у Баязета, перешли въ наступленіе, оставивъ въ отрядахъ то число войскъ, которое отвѣчало прежнему, *оборонительному* плану. Разбросанность силъ и желаніе вездѣ одержать верхъ, повсюду идти впередъ привели къ тому, что мы нигдѣ не оказались достаточно численными противъ непріятеля, очень хорошо сьумѣвшаго этимъ воспользоваться. Слѣдствіемъ этого и были неудачныя дѣла за Саганлугомъ, у Цихидзири, въ Сухумѣ и, какъ конечный результатъ—наше отступленіе по всей боевой линіи.

Теперь же, когда ошибка признана и исправляется, когда главный отрядъ получаетъ сильное подкрѣпленіе, почти на одну треть, обстоятельства измѣнятся къ лучшему. Бояться Мухтара-паши съ нашими войсками—смѣшно, постыдно; думать, что онъ ворвется въ наши предѣлы, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Если какой нибудь батальонъ выдержалъ 23-дневную осаду со стороны 13-ти тысячнаго турецкаго отряда, если генераль Тергукасовъ съ 5,000 человекъ отразилъ всѣ силы Мухтара-паши, нанесъ ему громадный

уронъ, какое же основаніе допускать, чтобъ турецкія войска могли, такъ сказать, у носа нашего отряда, безнаказанно прорваться чрезъ нашу границу? Не стоимъ ли мы теперь на поляхъ Кюрюкь-Дара и Башкадыклара, прославленныхъ нашими побѣдами надъ тѣмъ же врагомъ—на поляхъ, гдѣ до сихъ поръ еще находятся осколки ядеръ, выпущенныхъ во время этихъ жаркихъ и славныхъ битвъ? Мы тогда были въ гораздо меньшемъ числѣ, нежели теперь, а непріятель, сравнительно, гораздо сильнѣе.

Итакъ, воскресшее было блаженной памяти „шапками закидаемъ“ не должно смѣняться теперь неосновательными преувеличеніями и опасеніями. Лишь бы... Но я скажу тутъ чужими словами—словами русскаго солдата. 8-го іюля былъ праздниекъ гренадерскаго тифлискаго полка. На обѣдѣ, которымъ, по обычаю, съ необыкновеннымъ радушіемъ угощали насъ тифлисцы, въ тотъ моментъ, когда излишнія церемоніи остаются въ сторонѣ и языки становятся развязнѣе, къ генералу Гейману подошелъ солдатъ съ стаканомъ вина въ рукѣ. Получивъ дозволеніе, неожиданный ораторъ сказалъ очень складную и исполненную смысла рѣчь. Упомянувъ о храбрости, отвагѣ русскаго воина, о томъ, что войска пойдутъ куда угодно, не задумавшись, готовыя встрѣтиться со всякими трудностями и опасностями, ораторъ заключилъ, приблизительно, въ такомъ родѣ: „Ваше, начальниковъ, дѣло за насъ подумать, сообразить, осторожно оглядѣться и приказать куда идти; свое же дѣло мы слѣлаемъ безъ оглядки“.

Возвратившись въ кюрюкь-дарскій лагерь, я тотчасъ же узналъ, что на слѣдующій день назначено произвести *усиленную* рекогносцировку лѣваго фланга турецкой позиціи. Выступать назначено было въ четыре часа утра. Времени для отдыха послѣ дороги оставалось немного; но я утѣшался мыслью, что мы, по крайней мѣрѣ, избѣгнемъ жары, которая истомляетъ хуже всего. Хотя заснуть, все таки, не пришлось ранѣе полуночи, тѣмъ не менѣе, въ четыре часа утра, при первыхъ же звукахъ музыки выступавшихъ войскъ, я вскочилъ съ постели и разбудилъ г. Уиллера. Онъ и другой

американецъ, г. Микке, второй корреспондентъ той же нью-йоркской газеты, непремѣнно желали быть на рекогносцировкѣ; изъ русскихъ корреспондентовъ отправлялся только я.

Слѣдуетъ замѣтить, что возлѣ нашего лагеря, съ лѣвой стороны, имѣется высокая холмообразная гора, которая носитъ названіе „Караялъ“. Съ этого Караяла, по разстилающейся верстѣ на 14 долинѣ, отлично видна часть возвышенностей, замыкающихъ означенную долину. Особенно ясно виднѣется гора Аладжа, на которой находятся авангардный лагерь и передовыя укрѣпленія турокъ. Позицію на Аладжѣ слѣдовало бы назвать лѣвымъ турецкимъ флангомъ, еслибъ Мухтаръ-паша не загнулъ это крыло нѣсколько назадъ и не протянулъ его далѣе, не покидая горъ; при другихъ обстоятельствахъ можно было бы думать, что такое протяженіе лѣваго фланга предпринято съ тѣмъ, чтобъ отбросить насъ отъ границы, но въ дѣйствительности вѣрнѣе допустить, что турки опасаются обходнаго движенія нашихъ войскъ съ этой стороны, на ихъ тылъ, вызывая на атаку съ фронта. Съ горы Караялъ, такимъ образомъ, отлично видны лѣвый турецкій флангъ и часть центра; но остальное расположеніе непріятеля, до самаго Визинкея, маскируется горою Большой Ягны и отчасти другими возвышенностями. Хотя на Караялѣ и поставленъ телескопъ и каждое утро, изъ числа ординарцевъ корпуснаго командира, туда отправляется офицеръ для наблюденія за непріателемъ, но необходимо было точнѣе убѣдиться, что дѣлается у турокъ со стороны Карса, на правомъ ихъ флангѣ, и, если возможно, заставить ихъ выказать свои силы. Цѣль усиленной рекогносцировки представлялась, поэтому, вполне понятною; ясно также, почему представляла она интересъ и для меня.

Въ движеніи этого дня принимали непосредственное участіе два гренадерскіе полка: лейбъ-эриванскій и грузинскій, съ двумя пѣшими батареями, пять кавалерійскихъ полковъ, въ томъ числѣ сѣверскій драгунскій, конная казачья батарея и ракетная команда. Движеніе это поддерживалось демонстраціей генерала Девеля со стороны авангарднаго лагеря. Сверхъ

того, приказано быть наготовѣ и другимъ войскамъ, на всякій случай, если послышится усиленная канонада и непріатель попытается завязать серьезное дѣло.

Мы взяли направленіе, черезъ поля, прямо на Большую Ягны. Нужно было слѣлать не менѣе 22—23 верстѣ. Когда мы приблизились къ горѣ, былъ уже десятый часъ; становилось жарко, послѣ довольно прохладнаго утра. У подножія горы виднѣлась наша кавалерія; частью дагестанцевъ занята была вершина. Сколько извѣстно, послано было приказаніе кавалеріи двинуться, для демонстраціи, впередъ. Скоро послышались два или три одинокіе, съ довольно длинными промежутками, пушечные выстрѣлы. Они очень походили на сигналы, на условленные заранѣе знаки. Турки замѣтили наше движеніе.

Обогнавъ пѣхоту верстѣ на пять, командующій корпусомъ, съ своимъ штабомъ-конвоемъ, поднялся на отлогость горы Большой Ягны. Передъ нами открылась отличная военная картина. Турецкія позиціи находились на разстояніи трехъ-четырехъ, даже пяти верстѣ. Они занимали возвышенности, довольно правильно склоняющіяся къ Большой Ягнѣ. Повсюду виднѣлись траншеи и другія земляныя укрѣпленія. Центръ позиціи былъ прямо противъ насъ, а лѣвый флангъ скрывался за горою Большой Ягны. Правѣе, наискосокъ, виднѣлся главный турецкій лагерь. Еще правѣе, выдаваясь впередъ и отлично фланкируя подступы къ центру, высилась крутая, почти остроконечная гора, расположенная у Визинкея; на ней чернѣлъ, полосами свѣжевыкопанной земли, чуть не цѣлый бастионъ. Ужъ совсѣмъ вправо открывался совершенно свободный видъ на Карсъ, до котораго было не болѣе 12-ти—15-ти верстѣ. Въ бинокль отлично виднѣлся нашъ старый знакомецъ Карадагъ; далеко внизъ, къ подошвѣ его, уходилъ городъ, съ возвышающеюся надъ городскими строеніями цитаделью; впереди, въ долинѣ Магараджика, замѣчались юго-восточныя укрѣпленія Карса. Такимъ образомъ, можно было судить, что укрѣпленная позиція Мухтара-паши входитъ въ ближайшую связь съ карскою крѣпостью; она служитъ почти

непосредственнымъ опорнымъ пунктомъ для стоящей противъ насъ непріятельской арміи...

Наша кавалерія стояла вправо отъ горы Большой Ягны, у самого подножья, имѣя впереди конную батарею. Казачья цѣпь, выдвинувшаяся на версту, если не болѣе, по направлению къ непріятелю, завязала перестрѣлку съ турецкими всадниками. Выстрѣлы винтовокъ непрерывно оглашали воздухъ, но не причиняли ни намъ, ни туркамъ, ни малѣйшаго вреда. Командующій корпусомъ, съ окружавшею его свитою, поднявшись немного на высоту Большой Ягны, переѣхалъ на тотъ склонъ ея, который спускался къ сторонѣ непріятеля. Остановились, слѣзли съ лошадей и вооружились биноклями.

Между тѣмъ, съ Визинкѣйской высоты и съ центра непріятельской позиціи показалась турецкая пѣхота и сомкнутыя части кавалеріи. Батальоны шли въ шахматномъ порядкѣ, имѣя цѣпь впереди. Непріятель двигался стройно и не спѣша. Ободренные этимъ, бывшіе на аванпостяхъ всадники стали смѣлѣе надвигаться на нашихъ застрѣльщиковъ. Скоро послышался свистъ пуль и одна изъ нихъ очень близко шлепнулась возлѣ моей лошади. Казачья батарея дала нѣсколько выстрѣловъ, чтобъ задержать рвеніе непріятельскихъ всадниковъ. Дѣйствительно, съ правой стороны они поспѣшили укрыться въ небольшой балкѣ; но взамѣнъ ихъ выѣхала на позицію турецкая батарея и съ разстоянія трехъ верстъ открыла пальбу по нашей кавалеріи, стоявшей въ полковыхъ колоннахъ. Гранаты начали ложиться очень удачно, разрываясь передъ самымъ фронтомъ драгунъ и казаковъ. Такъ какъ непріятельскіе всадники все еще продолжали тѣснить нашу казачью цѣпь съ фронта, то приказано было выдвинуть впередъ ракетную команду.

Въ нынѣшнюю войну въ Малой Азіи ракетная команда дѣйствовала въ первый разъ. Подобныя команды имѣются теперь, сколько извѣстно, въ большинствѣ казачьихъ полковъ, не составляя, однако, отдѣльной части, какъ батареи. Просто, нѣсколькимъ избраннымъ казакамъ выданы ракеты и ставки, которые и везутся съ полкомъ. Кажется, образованію ракет-

ныхъ командъ мы обязаны полковнику князю Витгенштейну, который не такъ давно прибылъ сюда изъ Ташкента. Въ Туркестанскомъ округѣ, гдѣ, большею частью, приходится имѣть дѣло съ непріятельской кавалеріей, какъ извѣстно, ракеты въ большомъ ходу. Они не столько смертоносны, сколько наводятъ панику. Удачно пущенная ракета, шумя и извиваясь, какъ змѣя, можетъ легко ссадить до 50-ти всадниковъ; нѣсколько такихъ ракетъ въ состояніи обратить въ бѣгство цѣлый полкъ; лошади, слыша, что какое-то чудище летитъ надъ ихъ головами, поднимаются на дыбы, опрокидываются или, какъ обезумѣвшія, бросаются въ сторону. У турокъ сравнительно немного кавалеріи; особенно незначительно число ея было въ началѣ войны. Поэтому, вѣроятно, до прибытія корпуса Мухтара-паши, у котораго насчитывается до 4,000 всадниковъ, не встрѣчалось надобности въ ракетахъ. Къ сожалѣнію, въ день рекогносцировки, я не зналъ объ этомъ нововведеніи въ нашемъ отрядѣ, и не обратилъ особаго вниманія на дѣйствіе ракетной команды. Очевидцы передавали, что оно не произвело особаго эффекта, но все же нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ были ссажены съ коней.

Въ это время, корпусный командиръ объѣзжалъ кавалерію. Гранаты сыпались все чаще. Другая турецкая батарея выѣхала на позицію и открыла огонь съ фронта, тогда какъ первая палила наискосокъ съ лѣваго турецкаго фланга, впереди Визинкѣя. Наша конная батарея, по калибру своихъ орудій, не могла состязаться съ турецкими орудіями. Къ сожалѣнію, находившіяся съ гренадерскою бригадою девятифунтовыя батареи были еще далеко. Пѣхотѣ приказано было поспѣшить впередъ, а кавалеріи отходить. Турки стрѣляли очень удачно: гранаты падали у самого фронта и только счастливой случайности слѣдуетъ приписать, что мы не имѣли потери отъ этихъ выстрѣловъ.

Кавалерія отступала медленно, въ стройномъ порядкѣ. Турецкія батареи „били прямо въ хвостъ“, по выраженію одного офицера. Вдругъ, на горѣ послышалась жаркая ружейная пальба. Зная, что тамъ находились наши дагестанцы,

я отсталъ отъ штаба и поѣхалъ посмотрѣть въ чемъ дѣло. Точно также и многіе другіе полагали, что гора Большой Ягны все еще находится въ нашихъ рукахъ. Французскій военный агентъ, находящійся въ здѣшнемъ отрядѣ, генераль-графъ де-Курси, преспокойно расположился завтракать; тѣмъ же мирнымъ дѣломъ занялся и генераль Шульцъ. Между тѣмъ, турецкая кавалерія, пользуясь тѣмъ, что, по оплошности, половина горы, обращенная къ непріятелю, была очищена дагестанцами, взобралась туда и открыла ружейную пальбу.

Начальникъ кавалеріи, князь Чавчавадзе, приказалъ сѣверскому драгунскому полку повернуть налѣво кругомъ и снова выдвинуться впередъ. Замѣтивъ это движеніе, дагестанцы, разсыпнымъ строемъ, неистово крича и стрѣлая, бросились въ атаку. Турецкіе всадники быстро повернули назадъ; но, къ сожалѣнію, значительная часть ихъ спѣшилась и, размѣстившись за камнями на самой вершинѣ горы, начала сильнымъ бѣглымъ огнемъ поражать бывшихъ на склонѣ горы дагестанцевъ и проходившихъ внизу драгунъ. Турецкій кавалеристъ вооруженъ магазиннымъ ружьемъ и можетъ выпустить шестнадцать пуль прежде, нежели нашъ дагестанецъ, имѣющій старую, пистонную винтовку, успѣетъ зарядить второй разъ. При такихъ обстоятельствахъ понятно на чьей сторонѣ находилась вся выгода. Дагестанцы и сѣверскіе драгуны попали подъ разстрѣлы; турецкіе всадники, скрываясь за камнями, били въ массу почти безнаказанно. Командующій корпусомъ, замѣтивъ это, приказалъ немедленно отступить; но ужъ было поздно. Въ нѣсколько минутъ, у насъ вышло изъ строя до 60-ти человѣкъ, въ томъ числѣ 10 убитыхъ, и много лошадей.

Наконецъ, стала подходить и пѣхота. Подъ прикрытіемъ ея, дагестанцы и драгуны повернули назадъ. Я попалъ въ толпу дагестанцевъ. Они неистово и горячо о чемъ-то разсуждали. Казалось, всѣ говорили, никто не хотѣлъ слушать. Командиръ грузинскаго полка, получивъ приказаніе прикрыть отступленіе кавалеріи, лично распорядился разстановкою ротъ.

и цѣпи. За недостаткомъ офицеровъ, однимъ взводомъ командовалъ фельдфебель.

— Вотъ тутъ, за этими камнями... Командуй: стой, ложись! говорилъ полковникъ Рыздзевскій. Когда появится непріятельская кавалерія — продолжалъ онъ, обращаясь къ фельдфебелю — такъ ты прими ее залпами... Не торопясь, разъ, два, три... Знаешь свое дѣло?

— Знаю, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ фельдфебель, разставляя солдатъ.

Полковникъ Рыздзевскій поѣхалъ дальше, а я, замѣтивъ генерала Шульца, подѣхалъ къ нему. Съ нимъ были два казака; но одинъ изъ нихъ отпросился впередъ, пострѣлять противъ турокъ, а другого генераль послалъ кого-то розыскать. Зная, что генераль Шульцъ плохо видитъ и не любитъ спѣшить при отступленіи, я присоединился къ нему опасаясь, чтобъ онъ какъ нибудь не заѣхалъ въ толпу турецкихъ всадниковъ, которыхъ, даже и при хорошемъ зрѣніи, не трудно смѣшать съ нашими. Извѣстно, что турецкая кавалерія состоитъ, большею частью, изъ выселенныхъ изъ предѣловъ Кавказа горцевъ, а потому очень мало отличается по костюму и качеству отъ нашей иррегулярной кавказской кавалеріи.

— Что тамъ дѣлается на горѣ? спросилъ генераль Шульцъ?

— Турецкая кавалерія спѣшилась и стрѣляетъ.

— Не можетъ быть, тамъ были наши.

— Были дагестанцы да сплыли... Теперь гора занята турками.

— Отчего же я не слышу пуль? все еще не довѣряя моимъ свѣдѣніямъ спросилъ уважаемый генераль.

Самъ непріятель взялся отвѣтить за меня: нѣсколько пуль прожужжало съ боку и надъ нашими головами. Драгуны проходили ужъ мимо насъ и турецкіе всадники провожали ихъ выстрѣлами. Въ это время новая, шумная волна дагестанцевъ нахлынула на насъ. Многіе были безъ лошадей и размахивали вынутыми изъ чехловъ ружьями; другіе везли раненыхъ. Какой-то раскраснѣвшійся, запыленный офицеръ да-

гестанскаго полка подъѣхалъ къ намъ и ломанымъ русскимъ языкомъ сталъ жаловаться генералу Шульцу, что драгуны не хотятъ принять въ свой больничный фургонъ раненаго офицера.

— Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, прикажите принять. У нихъ есть куда положить, у насъ нѣтъ фургона...

— Гдѣ этотъ фургонъ? Прикажите остановить. Эй! фургонъ, стой!.. закричалъ, видимо возмущенный, генералъ Шульцъ, отыскивая глазами больничную фуру и пуская лошадь, на удачу, впередъ.

Я поспѣшилъ догнать фургонъ, будучи увѣренъ, что тутъ произошло какое-то недоразумѣніе. Дѣло вполнѣ объяснилось: фургонъ не могъ взять болѣе того, что въ немъ уже было. Онъ остановился и безъ приказа: изъ него вылѣзли, при помощи санитаровъ, два драгунскіе офицера и солдатъ. Подоспѣвшіе врачи хотѣли сдѣлать первую перевязку. Возвратившись, я сказалъ объ этомъ генералу Шульцу; онъ подъѣхалъ къ раненымъ, слѣзъ съ лошади и смотрѣлъ на быструю работу медиковъ. Одинъ офицеръ счастливо отдѣлся: пуля пробила ногу на вылетъ, не тронувъ кости; другой, дивизіонеръ, майоръ Гонпе, получилъ тяжкую рану: пуля ударила въ правый бокъ у спины и, пронизавъ животъ, вышла съ лѣвой стороны, спереди. Боль была, очевидно, нестерпимая; здоровый, сильный штабъ-офицеръ, по временамъ, судорожно сгибался и стоналъ.

— Скорѣе, скорѣе же, говорилъ несчастный. Спѣшите, не то турки, пожалуй, захватятъ или всадятъ новую пулю...

Дѣйствительно, стрѣльба еще продолжалась, но впереди были грузинцы и наступленія турецкой кавалеріи нечего было опасаться. Мы сообщили объ этомъ раненому. Онъ, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только кончилась перевязка, онъ быстро, какъ бы желая предупредить чужую помощь, застегнулся и вскочилъ въ фургонъ. Видя это, у меня явилась надежда на благополучный исходъ раны. Но ужъ въ три часа ночи майора Гонпе

не стало въ живыхъ. Послѣ смерти его остались вдова и нѣсколько сиротъ-малютокъ...

Въ славномъ и жаркомъ дѣлѣ, 3-го іюля, подъ Карсомъ, сѣверскіе драгуны понесли, сравнительно, ничтожную потерю; изъ офицеровъ тогда только одинъ былъ слегка раненъ; теперь, благодаря несчастной случайности, въ ничтожной перестрѣлкѣ, которую „дѣломъ“ нельзя назвать, драгуны лишились двухъ офицеровъ—одного временно, другаго навсегда. Дагеставцы потеряли трехъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ. Начальникъ тушинской сотни, капитанъ Натіевъ, тѣло котораго не разъ уже знакомилось съ пулями, получилъ двѣ новыя раны: въ голову и ногу; по счастью, обѣ раны не принадлежатъ къ числу тяжкихъ.

Когда раненыхъ увезли и мѣсто очистилось отъ кавалеріи, генералъ Шульцъ и я подъѣхали къ конной батарее, только что снявшейся съ передковъ, возлѣ грузинцевъ. Она готовилась открыть огонь противъ горы Большой Ягны, гдѣ все еще засѣдала турецкая кавалерія. Наводчики хлопотали у винта орудій. Въ это время послышался выстрѣлъ нашей девятифунтовой батареи. Первая же гранатахватила въ самую средину расположенія непріятеля, на самой верхушкѣ горы. Конные артиллеристы также не захотѣли остаться въ долгу и пустили нѣсколько ловкихъ выстрѣловъ. Наша потеря была хотя отчасти отомщена; турецкіе всадники убрались, скрывшись за противоположный склонъ горы. Пѣхотѣ нечего было дѣлать.

Въ турецкомъ лагерѣ, тѣмъ временемъ, все еще шевелились. Ихъ батальоны продолжали двигаться, будто старались обойти насъ съ лѣваго фланга. Съ часъ, если не болѣе, войска оставались въ выжидательномъ положеніи, пока не выяснилось, что серьезнаго дѣла ожидать нельзя. Мы не хотѣли нападать; цѣль рекогносцировки была достигнута; непріятель же не обнаруживалъ намѣренія обезпокоить насъ на обратномъ пути. Вышедшей было изъ Кюрюкъ-Дара на выстрѣлы, бригадѣ пѣхоты приказано вернуться въ лагерь; послѣ небольшого отдыха, сталъ отходить и нашъ отрядъ.

Только въ это время, когда ужъ ничего не было, чтобы поддержать нервную систему, почувствовалась вся тяжесть жары, голода и жажды. Голодъ еще кое какъ мы утолили, благодаря захваченнымъ нѣкоторыми предусмотрительными людьми закускамъ; но воды не было. Несчастные солдаты по каплямъ искали воды между впадинъ камней, гдѣ нѣкоторая влага задерживалась еще, иногда, отъ недавняго дождя. Очень многіе не въ силахъ были идти, такъ пекло солнце. Одни въ истомленіи опускались на землю и клали ружье подлѣ себя; другіе брели, какъ тѣни, за своими частями. Велѣно было сдѣлать привалъ и послали за фургонами, чтобы подвезти ослабѣвшихъ. Мнѣ передавали, что болѣе или менѣе истомленныхъ жаромъ до упадка силъ оказалось до 300 въ двухъ полкахъ и что нѣсколько десятковъ поступило даже въ больницу.

Я не захотѣлъ ждать. Одна моя мечта была добраться возможно скорѣе до лагеря, укрыться отъ этого жгучаго солнца, промочить пересохшее горло водою. Г. Уиллеръ тоже ѣхалъ со мной; товарищъ его ускакалъ еще раньше. Не смотря на усталость, мы погнали лошадей, частью рысью, частью голопомъ. Лошади точно чувствовали, чего мы отъ нихъ хотимъ и бѣжали быстро; быть можетъ и имъ хотѣлось поскорѣе очутиться въ лагерѣ. Мы возвратились часа въ три; войска же стянулись только къ шести — семи часамъ. Въ этотъ тягостный день, мы сдѣлали до пятидесяти верстъ.

Не знаю, удалось ли въ эту рекогносцировку съ точностью опредѣлить силы Мухтара-паши; но, во всякомъ случаѣ, съ позиціей его войскъ можно было ознакомиться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На стоянкѣ противъ Аладжидага.

Какъ велико число войскъ, которыми располагаетъ Мухтаръ-паша, я до сихъ поръ не могъ добиться. Безпрерывно слышались самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Одни говорятъ сто батальоновъ, другіе 35. Самую численность турецкаго батальона опредѣляютъ различно. Мы привыкли считать, что въ турецкомъ таборѣ или батальонѣ отъ 400 до 500 человѣкъ; здѣсь же имѣются свѣдѣнія о какихъ-то громадныхъ батальонахъ въ 700, даже 900 человѣкъ. Въ этомъ лабиринтѣ цифръ и мнѣній очень трудно оріентироваться. Очень можетъ быть, что начальство, какъ и подобаетъ ему, знаетъ хорошо дѣйствительную силу турокъ, но въ такомъ случаѣ неизвѣстно, зачѣмъ эти свѣдѣнія удерживаются въ тайнѣ, давая поле самымъ широкимъ предположеніямъ. Въ настоящее время, безъ сомнѣнія, предположенія эти клонятся къ преувеличенію непріятельскихъ силъ. До неудачнаго боя подъ Зевиномъ, турецкія силы исчислялись такъ: въ Карсѣ — до 20-ти батальоновъ; нѣкоторые уменьшали даже и это число; въ корпусѣ Мухтара-паши, считая войска зевинскаго укрѣпленнаго лагеря и отрядъ, дѣйствовавшій противъ генерала Тергукасова — отъ 45-ти до 50-ти батальоновъ; наконецъ, турецкія войска, расположенныя у озера Вана и имѣвшія воз-

мoжнoсть oкpужить Баязетъ, имѣли, говорятъ, до 13,000, по крайней мѣрѣ, эта цифра произносилась въ тотъ моментъ, когда ванскій корпусъ былъ разбитъ вернувшимся эриванскимъ отрядомъ. Численность батальоновъ опредѣлялась тогда въ 400 — 500 человекъ. Такимъ образомъ, турецкая армія, не говоря о войскахъ, находившихся въ Батумѣ и по Черноморью, имѣла противъ александропольскаго и эриванскаго отрядовъ отъ 80-ти до 90-ти батальоновъ, численностью отъ 40 до 45-ти тысячъ человекъ. Быть можетъ, эти силы въ настоящее время нѣсколько увеличились: во первыхъ, курды, которые долго находились въ выжидательномъ положеніи, склонились теперь, послѣ нашего отступленія, на сторону Турокъ; во вторыхъ, часть турецкихъ войскъ, выдвинутыхъ на персидскую границу, стянута къ отряду Измаила-паши, дѣйствующему противъ генерала Тергукасова, такъ какъ турки убѣдились, что Персія сохранить нейтралитетъ, благодаря „дружелюбному“ вмѣшательству Англіи. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, какъ не имѣли ихъ и передъ зевинскимъ сраженіемъ. Въ лазутчикахъ здѣсь недостатка нѣтъ, и они играютъ не послѣднюю роль въ нашей стратегіи и тактикѣ; но я вынесъ искреннее убѣжденіе, что на сообщенія этого сорта людей крайне рискованно полагаться. Во время осады Карса, они каждый день тѣшили насъ повѣствованіями о необыкновенныхъ успѣхахъ нашей бомбардировки, о томъ, что то-то разрушено, другое взорвано, что орудія на Арабѣ или Карадагѣ подбиты, что жители бунтуютъ и выгоняютъ изъ крѣпости гарнизонъ. Между тѣмъ, въ день снятія осады карсскія укрѣпленія едва ли не были грознѣе, нежели въ то время, когда мы впервые увидѣли ихъ въ началѣ мая; оборона Карса приняла-было даже наступательный характеръ, такъ какъ впередъ было выдвинуто нѣсколько новыхъ батарей; жители же Карса, какъ я уже говорилъ, не только не обнаружили ужаса и паники, а сами принимали участіе въ оборонѣ; даже женщины, переодѣтыя въ военный костюмъ, выходили противъ насъ и жертвовали своею жизнью, отстаи-

вая стѣны родного города; это доказало дѣло 3-го іюня, впереди Аравартана. Если, такимъ образомъ, лазутчики прежде добывали себѣ хорошія деньги, эксплуатируя наши успѣхи, то въ настоящее время они поютъ иные пѣсни, не скупясь на сообщеніе свѣдѣній „предостерегательнаго“ характера; эти друзья наши, видите ли, крайне озабочены, чтобъ мы не наткнулись на новый Зевинъ. Осторожность, а быть можетъ и другія соображенія, побуждаютъ теперь насъ къ преувеличенію силъ непріятеля; лазутчики народъ ловкій, они подмѣчаютъ настроеніе спрашивающаго и, подобно г. Суворину, никогда не прочь „новую монету подержать въ рукахъ“. Они похожи на опытныхъ гадалщиковъ, сразу понимающихъ съ кѣмъ приходится имѣть дѣло и о какого рода „судьбѣ“ должна идти рѣчь; придетъ дѣвушка, они заговорятъ о красивомъ блондинѣ или брюнетѣ; явится потертый жизнью господинъ—они заговариваютъ о „большомъ интересѣ“, о выигрышѣ въ 200,000 рублей.

Въ этомъ отношеніи турки поставлены въ несравненно выгоднѣйшее положеніе. Мы живемъ и не можемъ не жить открыто; каждый день толпы турокъ бываютъ въ лагерѣ; кругомъ расположены поселки и деревни. Что это населеніе далеко не всегда дружелюбно къ намъ, доказательствомъ можетъ служить слѣдующій фактъ. На-дняхъ, американскій корреспондентъ и я проѣзжали черезъ село, находящееся почти среди нашего лагеря, и остановились попить лошадей. Какая-то женщина, бормоча на своемъ непонятномъ для насъ языкѣ, очевидно, ругательства, схватила камень и пустила въ насъ; тутъ же стояло нѣсколько турокъ, любовавшихся этою сценою; у каждого изъ нихъ на груди были жестянки, выданныя ради свободнаго доступа въ лагерь. Мы, безъ сомнѣнія, только посмѣялись этому неожиданному проявленію женской ненависти, которая, какъ нарочно, попала на самыхъ невинныхъ и вовсе невоинственныхъ людей; но дерзость подобнаго обращенія у самаго лагеря не могла не показаться намъ очень характерною. Вполнѣ понятно, что это населеніе, можно сказать, живущее съ нами, имѣетъ всѣ

средства знать, что творится въ нашемъ лагерѣ, сколько у насъ батальоновъ, эскадроновъ или сотенъ, какимъ числомъ орудій мы располагаемъ, какъ стоимъ, какая часть пришла и кто куда двинулся. Всѣ эти свѣдѣнія, разумѣется, очень быстро и удобно передаются въ лагерь Мухтара-паши. И передачею этихъ свѣдѣній руководить ужь, конечно, не корысть, не низкая продажность, какъ у нашихъ лазутчиковъ, а патріотическое чувство ненависти къ врагу или религіозный фанатизмъ, во всякомъ случаѣ, побужденія гораздо болѣе уважительныя, нежели „новая монета“.

Можно себѣ представить теперь, съ какою улыбкою встречаемъ мы, русскіе и иностранные корреспонденты, ходячія здѣсь, въ штабѣ, мнѣнія, да и не только мнѣнія, но и кое что гораздо догматичнѣе мнѣній, относительно необходимости всевозможныхъ стѣсненій печати по поводу военныхъ извѣстій и корреспонденцій съ театра войны. Я не могъ даже подозрѣвать, чтобъ у насъ такъ много было вольнопрактикующихъ цензоровъ, какъ ихъ оказалось здѣсь, особенно послѣ неудачъ, вынудившихъ наше отступленіе. Иной даже въ грамотѣ плохъ, двухъ фразъ не стумѣетъ склеить на письмѣ и кромѣ „Нивы“ ничего не читаетъ; но и тотъ во всеуслышаніе не стыдится поднимать свой „авторитетный“ голосъ противъ военныхъ корреспонденцій и вообще въ пользу всевозможныхъ стѣсненій печати. Послушать этихъ господъ, такъ кромѣ реляцій, на которыя ни одинъ сколько нибудь порядочный военный историкъ не станетъ ссылаться, нельзя ничего другого печатать. Можно еще, впрочемъ, писать хвалебные гимны, воспроизводя какіе нибудь необыкновенные подвиги состоящихъ при штабѣ, о томъ, какъ такой-то геройски проскакалъ, передавая приказаніе, какъ гранату разорвало чуть не на носу его лошади, и пули свистали между пальцевъ. „Нужно быть *спеціалистомъ*, чтобъ писать корреспонденціи съ театра войны“, часто случается слышать здѣсь, и каждый разъ приходится отвѣчать: „Кто же мѣшаетъ этимъ *спеціалистамъ*? гдѣ скрываются они и отчего не пишутъ или не опровергаютъ того, что неправильно написано

неспеціалистомъ?“ О томъ, какія мелочи интересуютъ и производятъ переполохъ среди этихъ рыцарей цензуры, можно судить изъ того, что нѣкоторые здѣсь серьезно обидѣлись по поводу описанной мною, въ нѣсколько ироническомъ тонѣ, сценки, какъ при передвиженіи корпуснаго штаба требуется „лошадь генерала“. Нѣкто публично высказалъ по этому поводу, что въ этомъ случаѣ усматривается новое, неопровержимое доказательство, что „корреспондентовъ не слѣдуетъ терпѣть въ арміи“; другіе, впрочемъ, были снисходительнѣе: они предавали остракизму только гражданскихъ корреспондентовъ. Но, какъ нарочно, на-дняхъ явился поводъ для преслѣдованія и военныхъ корреспондентовъ. Нѣкто, какъ всѣ здѣсь говорятъ, изъ служащихъ въ корпусномъ штабѣ, напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ очень вѣрную характеристику одного полковника генеральнаго штаба; по крайней мѣрѣ всѣ его узнали. Не надо и говорить, что ни одна серьезная статья не заслужила столько вниманія, какъ это описаніе, которое, въ сущности, лишено всякаго общественнаго значенія и которое, какъ касающееся исключительно личности и хлестко написанное, съ радостью встрѣчено было бы развѣ на страницахъ „Петербургскаго Листка“. Теперь, одни не безъ удовольствія вчитываются въ эту „военную“ корреспонденцію; другіе собираются сдѣлать „исторію“ автору ея—„спеціалисту“.

Долгомъ считаю, однако, оговориться: все сказанное здѣсь, относительно цензурныхъ поползновеній, не относится, лично, къ командующему корпусомъ. Напротивъ, не разъ мнѣ приходилось слышать отъ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова фразу: „пустъ пишутъ, что хотятъ“, когда нѣкоторые изъ подчиненныхъ его не въ мѣру усердствовали по гасильнической части. Корпусному же командиру мы обязаны, что стольные корреспонденты освобождены теперь отъ здѣшней цензуры, какъ это и слѣдуетъ на основаніи утвержденныхъ военнымъ министромъ правилъ цензуры; коммисіи главнаго штаба, какъ поставленной въ болѣе безпристрастныя условія, совершенно достаточно, чтобъ не допускать, до

времени, опубликованія тѣхъ извѣстій, которыя могли бы причинить какой нибудь вредъ въ военномъ отношеніи. Просматривая свои корреспонденціи въ печати, я еще разъ убѣдился, что не нужно обладать особыми специальными свѣдѣніями, чтобъ не опубликовать чего нибудь такого, чѣмъ могъ бы воспользоваться непріятель; для этого достаточно только обладать здравымъ смысломъ. Но ручаюсь и говорю на основаніи опыта, что совсѣмъ въ иномъ видѣ появлялись бы мои корреспонденціи, еслибъ онѣ не избѣгали той цензуры, которая установлена была здѣсь надъ нами, и которая до сихъ поръ дѣйствуетъ относительно иностранныхъ корреспондентовъ и посылаемыхъ нами телеграммъ. На-дняхъ, мнѣ не позволили телеграфировать о движеніи турокъ противъ отряда генерала Тергукасова, на томъ основаніи, что турки могутъ узнать, что мы знаемъ о ихъ движеніи! Черезъ два, три дня, я прочелъ телеграмму съ этимъ извѣстіемъ въ газетѣ „Кавказъ“, куда, какъ и въ „Московскія Вѣдомости“, военныя депеши посылаетъ г. Волховской, одинъ изъ служащихъ въ здѣшнемъ штабѣ. Сколько извѣстно, г. Волховской самъ себя цензурируетъ депеши и корреспонденціи; по крайней мѣрѣ, онъ не подчиненъ „нашему“ цензору, подполковнику генеральнаго штаба Войнову. Благодаря этому, мы еще разъ могли убѣдиться, что сколько цензоровъ, столько и цензуръ. У насъ это выраженіе должно быть гораздо употребительнѣе извѣстной поговорки „сколько головъ, столько и умовъ“...

Еще долженъ я сказать, что совсѣмъ „нештабныя“ отношенія встрѣчаемъ мы въ войскахъ. Здѣсь, среди сражающихся, среди лицъ, непосредственно несущихъ на своихъ плечахъ всѣ тягости войны, мы, корреспонденты, постоянно встрѣчаемъ самый радушный пріемъ. Одинъ солдатъ, съ которымъ мнѣ случилось разговаривать еще на владикавказской желѣзной дорогѣ, узнавъ о цѣли моего путешествія въ армію, выразился въ томъ смыслѣ, что этимъ путемъ, по крайней мѣрѣ, Государь и родные будутъ знать, что творится въ арміи, что она не затеряется безслѣдно и не забудется на

далекой чужбинѣ. Съ тѣхъ поръ, вращаясь среди войскъ, дѣля съ ними походы, я не разъ испытывалъ то уваженіе, которое проявляется въ нихъ къ нашей миссіи. Не однажды случалось слышать мнѣ выраженіе увѣренности, что наша печать не покривитъ въ своемъ словѣ, что мы, корреспонденты, сумѣемъ выяснитъ и не побоимся печатать „правду“. Наши доблестныя войска не опасаются „правды“—они домогаются ея. Они за нее, потому что она за нихъ...

Говоря это, мнѣ хочется показать, что не изъ печати непріятель можетъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ арміи своего противника; ужъ какъ ни свободна европейская печать, какъ ни наполнена она извѣстіями относительно турецкой арміи, однако, ничто не обнаруживаетъ, чтобъ этою свободою или, выражаясь свойственнымъ иному языкомъ, чтобъ этою „разнузданностью“ иностранной печати мы могли воспользоваться, въ нашу пользу, въ качествѣ враговъ турокъ; въ европейской печати говорили, напримѣръ, что зевинская позиція „недоступна съ фронта“ и хотя это мнѣніе можно было провѣрить, подойдя къ Зевину, однако, никто не скажетъ, чтобъ указаніе это, невыгодное для турокъ, послужило намъ въ пользу. Будемъ же увѣрены, къ чести нашей, что и Мухтаръ-паша не въ силахъ воспользоваться для себя тѣми свѣдѣніями, которыя можетъ дать русская печать. Побѣды и пораженія далеко не этимъ обуславливаются...

Въ послѣдніе дни ничего особеннаго не происходило. Войска находятся въ томительномъ ожиданіи, какъ было до войны. Ожидали рѣшительнаго сраженія, какъ только придутъ подкрѣпленія; но и подкрѣпленія пришли, а мы все не двигаемся съ мѣста и не покидаемъ своего наблюдательнаго поста. Чуть не каждый день турки тревожатъ насъ ложными извѣстіями черезъ лазутчиковъ. Ужъ столько разъ приходилось слышать о готовящемся „ночномъ нападении“, что всякій разъ, какъ дѣлаются приготовленія къ встрѣчѣ непріятеля, можно пари держать, что ночь пройдетъ совершенно спокойно. 17-го іюня прошелъ слухъ, что Мухтаръ-паша хочетъ прорваться въ наши предѣлы у Ани; немедлен-

но бригада 39-й пѣхотной дивизіи двинута была въ Ани и расположилась у развалинъ этой древней столицы Арменіи. 24-го іюня узнаемъ, что позиція эта очищена нашими войсками; на другой сторонѣ Арпачая, противъ Ани, оставленъ былъ небольшой отрядъ, изъ сапернаго и еще одного батальона, а бригада съ артиллеріей и тверскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Цитовича, направилась къ эриванскому отряду, который занималъ укрѣпленную позицію на Чангилскихъ высотахъ. Движеніе это объяснялось тревожнымъ извѣстіемъ, будто отрядъ генерала Тергукасова снова находится въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ ему угрожаютъ значительно превосходящія силы непріятеля, подъ начальствомъ Измаила-паши. Теперь говорить, будто генералъ Тергукасовъ вынужденъ былъ, безъ боя, перемѣнить позицію, а турки вторглись въ Эриванскую губернію. Такимъ образомъ, то, чего такъ опасались, случилось: турки вошли въ наши предѣлы, тогда какъ мы все еще продолжаемъ стоять противъ высотъ, занятыхъ Мухтаромъ-пашею отъ Визинкѣя вплоть до Арпачая. Рождается вопросъ откуда могли взяться у турокъ силы, чтобъ очутиться въ значительномъ числѣ противъ генерала Тергукасова и заставить его отступить безъ боя? Если эриванскій отрядъ успѣшно боролся со всѣмъ корпусомъ Мухтара-паши, если онъ, озлобленный двумя большими сраженіями и непрестаннымъ боемъ при отступленіи, смогъ разбить у Баязета 13,000 турокъ, то необходимо думать, что въ настоящее время значительнѣйшая часть турецкой арміи направилась противъ генерала Тергукасова. Это сосредоточеніе турецкихъ силъ, надо думать, произошло, главнымъ образомъ, на счетъ стоящаго впереди насъ корпуса Мухтара-паши; а въ такомъ случаѣ, не лучше ли было бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и разбить Мухтара-пашу въ его укрѣпленной, но страшно растянутой позиціи? Тогда Измаиль-паша, волею-неволей, былъ бы принужденъ убраться восвояси...

Впрочемъ, намъ легко разсуждать, не неся на себѣ отвѣтственности главнокомандующаго. Конечно, и многія обстоя-

тельства, заставляющія поступать начальника арміи такъ или иначе, могутъ быть намъ неизвѣстны.

Получено извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ ардаганскимъ отрядомъ надъ конною пертіей состоящаго на турецкой службѣ разбойника Михрали. Послѣ взятія Ардагана, тамъ оставленъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ полковника Комарова, брата генерала Комарова, раненаго при Зевинѣ. Срывъ или взорвавъ ардаганскія укрѣпленія, отрядъ этотъ имѣлъ нѣсколько удачныхъ столкновеній на путяхъ сообщенія непріятеля и предпринималъ не разъ летучія экспедиціи, какъ, напримѣръ, въ Ольту, гдѣ были уничтожены значительные запасы и захвачено до 2,000 ружей. Обязанность его — держать въ повиновеніи окружающее Ардаганъ населеніе и охранять нашъ флангъ отъ турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ у Батума. Со времени нашего отступленія, значеніе ардаганскаго отряда пріобрѣло еще большее значеніе, такъ какъ на долю его выпало также оберегать отъ непріятельскаго вторженія наши владѣнія у Ахалкалакъ и Ахалцыха. Когда корпусу Мухтара-паши удалось безпрепятственно соединиться съ карскимъ гарнизономъ, можно было предвидѣть два способа дѣйствій со стороны непріятеля. Турки могли направиться на Ардаганъ и, предупредивъ насъ быстрымъ движеніемъ въ этомъ пунктѣ, оттѣснить полковника Комарова и войти въ непосредственную связь съ батумскими войсками, или же, наоборотъ, попытаться съ превосходными силами наброситься на эриванскій отрядъ, принудивъ главныя силы къ отступленію въ Александрополь и даже далѣе, въ наши предѣлы. Занятое Мухтаромъ-пашею фланговое положеніе у крѣпости Карса, на всемъ протяженіи высотъ отъ Визинкѣя до Арпачая, соотвѣтствовало послѣднему плану. Въ настоящее время, какъ я писалъ вчера, планъ этотъ переживаетъ вѣрный моментъ своего осуществленія: если до сихъ поръ не подтвердилось, чтобъ Измаилу-пашѣ удалось занять Кульпъ, то достовѣрно, что значительныя силы турокъ стоятъ лицомъ къ лицу съ отрядомъ генерала Тергукасова. Такимъ образомъ, въ настоящее время весь интересъ кампаніи сосредоточивается на со-

битіяхъ въ эриванскомъ отрядѣ, отъ исхода которыхъ будутъ зависѣть и дѣйствія нашихъ главныхъ силъ.

Недавнее дѣло ардаганскаго отряда происходило 23-го іюля. Полковникъ Комаровъ настигъ партію Михрали въ болотахъ Верхняго-Геля, у селеній Сайзала и Дыштырь и задержалъ ее до прибытія пѣхоты. Два стрѣлковые батальона, подъ начальствомъ полковника князя Бяратинскаго, сдѣлавъ переходъ въ 40 верстъ, подоспѣли во время къ нашей кавалеріи. Селенія Сайзала и Дыштырь, жители которыхъ оказали сопротивленіе и стрѣляли по нашимъ войскамъ, заняты были съ боя, а кавалерія Михрали обращена въ полное бѣгство, причемъ непріятель оставилъ 30 тѣлъ на мѣстѣ битвы. Какъ я телеграфировалъ вамъ, наша потеря ничтожна: двое убитыхъ и четыре раненыхъ нижнихъ чиповъ.

Дѣло у Верхняго-Геля, не представляющее особаго значенія въ военномъ отношеніи, заслуживаетъ, однако, вниманіе по участию, которое принято было въ сраженіи жителями названныхъ двухъ селеній. Участіе это обнаруживаетъ, что мѣстное населеніе считаетъ теперь насъ слабѣе турокъ. Стоитъ также сказать нѣсколько словъ и о начальникѣ непріятельской кавалеріи, обращенной въ бѣгство 23-го іюля.

Михрали занимаетъ видное мѣсто въ ряду карапапахскихъ шаекъ, живущихъ разбоемъ и грабежомъ. Въ началѣ войны, Михрали, сколько извѣстно, игралъ довольно нейтральную роль; другими словами, онъ воевалъ за собственный счетъ, „безпристрастно“ грабя и армянскія и турецкія селенія: кто подвергивался подѣлу Михрали, тотъ былъ и врагъ его. Шайка его имѣла 50—60 человѣкъ, и жители, говорятъ, одинаково жаловались на нее какъ русскимъ, такъ и турецкимъ властямъ, смотря по тому, кто былъ ближе и вліятельнѣе. Слѣдуя принятой въ началѣ войны системѣ, наши военныя власти испробовали два способа обезопасить страну отъ разбойничьихъ подвиговъ Михрали: его старались или поймать, или же склонить на свою сторону, приглашая перейти въ число состоящихъ уже на нашей службѣ карапаховъ и общая полное забвеніе всѣхъ прошлыхъ счетовъ его съ правосудіемъ. Всѣ старанія

оказались напрасны. Михрали былъ достаточно ловокъ, чтобъ уклониться отъ поимки, и не соблазнился перейти добровольно на нашу сторону. Напротивъ, онъ все болѣе и болѣе вдавался въ роль турецкаго партизана и, въ качествѣ защитника Карса, сталкивался не разъ съ нашею кавалеріей, въ небольшихъ передовыхъ стычкахъ, кончавшихся всякій разъ благоразумнымъ бѣгствомъ, спасавшимъ Михрали отъ плѣна или смерти. Первый разъ, когда мнѣ пришлось видѣть стычку нашихъ войскъ съ непріятелемъ и услышать первые боевые выстрѣлы, было именно столкновеніе тверскихъ драгунъ съ партіей Михрали. Это происходило 21-го мая, во время рекогносцировки, причемъ драгуны отбили 20 лошадей и 150 штукъ скота. Михрали предпочелъ турецкую службу и не сдавался на увѣщанія подсылаемыхъ къ нему лазутчиковъ, потому что семейство его находилось въ Карсѣ: онъ опасался, въ случаѣ перехода на нашу сторону, обречь свою семью всѣмъ неистовствамъ турецкой мести. Само собою разумѣется, что теперь, послѣ нашего отступленія, Михрали не имѣетъ уже никакого повода бросить турецкую службу. Поэтому, мы и видимъ его теперь начальникомъ довольно значительной кавалерійской партіи—онъ разыгрываетъ уже роль турецкаго кавалерійскаго генерала.

Я уже говорилъ какъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, смотрѣть на присоединеніе подобныхъ разбойниковъ къ составу нашихъ войскъ. На этомъ основаніи, не я буду сѣтовать, что Михрали остался вѣренъ турецкой сторонѣ. Нужно, однако, отдать справедливость, что между подобными разбойниками попадаютъ личности, судьба которыхъ исполнена трагизма и энергія, мужество которыхъ стяжали ли бы имъ не малую славу, еслибъ были направлены на болѣе уважаемый видъ дѣятельности.

Нѣсколько словъ о томъ, какъ пополняются, иногда, ряды карапаховъ: будетъ достаточно, чтобъ дать понятіе объ этомъ рода личностяхъ. Въ нашемъ Закавказьи, между пограничнымъ мусульманскимъ населеніемъ существуетъ помѣщичій элементъ; многіе изъ этихъ помѣщиковъ очень бо-

гаты, но, за малыми исключеніями, всѣ лишены образованія и проводятъ жизнь въ праздности. Смѣлость, энергія, храбрость, ловкость во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ цѣнятся у нихъ очень высоко; эти качества, не регулируясь образованіемъ, ищутъ себѣ очень неуважительный исходъ въ мирное время, когда болѣе всего цѣнятся гражданскія добродѣтели и остается весьма мало мѣста для удалства. Сидятъ у себя въ кунацкой подобные помѣщики, окруженные нукерами и друзьями; въ женскомъ обществѣ не пригоже находиться днемъ; женщины заперты въ отдаленной половинѣ дома; въ кунацкой одни мужчины, слушаютъ пѣсни или игру мѣстнаго барда на доморожденномъ инструментѣ. Все, наконецъ, спѣто, все съиграно, скучно, тоска долить, а бурливая кровь все быстрѣе и быстрѣе вращается, сильные мускулы просятся къ дѣятельности. Вдругъ, кто нибудь скажетъ: „Хорошо бы шашлыкъ зажарить“. Дружеская компанія сразу хватается за эту мысль; зажарить, такъ зажарить, все время скоротается веселѣе. „Нѣтъ, стой! кричить, вдругъ, хозяинъ; свой шашлыкъ не такъ вкусенъ; я достану вамъ шашлыкъ.“ И съ этими словами хозяинъ встаетъ, вооружается и приказываетъ сѣдлать лошадь. Всѣ радостно слѣдуютъ поданному примѣру и развеселившаяся компанія шумно выѣзжаетъ со двора. Они знаютъ уже въ чемъ дѣло. Хозяинъ вспомнилъ о баранѣ, замѣченномъ имъ у богатого сосѣда. У него сто такихъ барановъ, онъ могъ бы купить ихъ двѣсти; но свой или купленный баранъ — это такое обыденное, скучное дѣло! нужно утащить, отбить барана у сосѣда, изъ краденнаго барана шашлыкъ въ тысячу разъ вкуснѣе. И вотъ помѣщикъ, ночью, какъ воръ прокрадывается въ домъ сосѣда; по немъ стрѣляютъ; друзья подоспѣваютъ на выручку, завязывается, иногда, чуть не сраженіе, но, во всякомъ случаѣ, баранъ утащенъ, компанія весело доканчиваетъ ужинъ, хвастаясь своимъ удалствомъ. Другой разъ предметомъ добычи служить не баранъ, а красивый конь, съ которымъ ни за какія деньги не хочетъ растаться сосѣдъ. Не грѣхомъ считается украсть и невѣсту; оно и удалѣе гораздо, да и дѣвушка, пожалуй, по-

любить крѣпче; значитъ такой человѣкъ, что своего чужимъ не выдастъ, да и защитить сумѣетъ.

И всѣ подобные подвиги вовсе не считаются позорными и рѣдко когда преслѣдуются. Сегодня Самать ловко барана отбилъ, а завтра Джемиль-ага отмститъ, выведя лучшаго коня изъ его конюшни. Оба показали удалство, оба рисковали жизнью; чего же больше? какое кому до этого дѣло!

Но, при такихъ нравахъ, при подобномъ образѣ жизни, очень легко столкнуться съ закономъ. Въ ночныхъ похожденияхъ, въ удалыхъ схваткахъ недалеко и до убійства. Если нѣтъ возможности скрыть слѣды преступленія, если русскія власти всполошились, помѣщику ничего не остается болѣе, какъ бѣжать. И удаляется онъ за границу, въ Малую Азію, гдѣ гостепримно встрѣчается всякій преступникъ; становится онъ въ ряды карапаховъ и, не имѣя возможности вернуться на родину законнымъ путемъ, дѣлаетъ на нее набѣги, превращается въ разбойника-любителя...

Примѣровъ подобнаго превращенія въ разбойники насчитывается множество. Изъ нихъ одинъ достоинъ особаго вниманія. Жилъ-былъ нѣкто помѣщикъ Самать и имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ женатъ. Однажды жена этого сына подверглась тяжкому оскорбленію и, защищаясь, ранила или убила одного изъ своихъ оскорбителей. Братья Саматы отомстили остальнымъ и бѣжали въ Малую Азію. На одномъ изъ разбоевъ они были пойманы и заключены въ метехскій замокъ въ Тифлисѣ. Отсюда старшій бѣжалъ, бросившись въ Куру и проплывъ незамѣтно нѣсколько верстъ; братъ же его сосланъ въ Сибирь, а отецъ высленъ въ одну изъ восточныхъ губерній Россіи. Но недолго Самать гулялъ на волѣ: онъ опять попался нашимъ властямъ и также сосланъ въ Сибирь. Сладить съ Саматомъ оказалось, однако, нелегко. Изъ Сибири онъ бѣжалъ, черезъ китайскія владѣнія, и пробрался опять въ Малую Азію, къ границѣ своей родины. Нынѣшняя война застала Самата однимъ изъ видныхъ начальниковъ карапаховъ; теперь онъ, въ качествѣ офицера, служить въ карапахскихъ сотняхъ, перешедшихъ

на нашу сторону. Михрали былъ однимъ изъ его помощниковъ и иногда получалъ, какъ говоритъ Саматъ, по 50-ти плетей. Въ добавокъ слѣдуетъ сказать, что въ настоящее время явился и братъ Самата, успѣвшій также бѣжать изъ Сибири.

Такъ вотъ каковы бываютъ карапанахи...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

С т о л и ц а А р м е н и и.

26-го іюля, совершенно случайно, составила компанія, чтобъ ѣхать въ Башкадыкларъ, гдѣ расположенъ нашъ авангардный лагерь. Три недѣли, какъ мы занимали нынѣшнія позиція, а мнѣ не удалось побывать въ Башкадыкларѣ, хотя онъ находится всего въ десяти верстахъ отъ Кюрюкъ-Дара. Чтобъ не откладывать дальше, я тоже поѣхалъ. Лагерь при Башкадыкларѣ хотя и называется „авангарднымъ“, какъ ближе расположенъ къ турецкимъ позиціямъ, но, въ сущности, въ немъ сосредоточено болѣе силъ, нежели въ Кюрюкъ-Дара.

Въ нашемъ лагерѣ живетъ какъ-то монотонно: много начальства, еще больше сплетень, подслушиваній и перешептываній; нѣтъ недостатка въ мелочныхъ интригахъ—словомъ, здѣсь приходится жить съ оглядкою, взвѣшивая, зачѣмъ предложенъ иной вопросъ, и размышляя, какой на него слѣдуетъ дать отвѣтъ. Были въ этомъ смыслѣ поразительные примѣры и при случаѣ я приведу ихъ. Теперь же ограничусь лишь указаніемъ, что я съ удовольствіемъ промѣнялъ бы штабную жизнь на болѣе скромное мѣсто въ какомъ нибудь лихомъ драгунскомъ эскадронѣ или боевомъ полку, вдали отъ нашего „большого свѣта“. Въ Башкадыкларѣ ды-

шется какъ-то свѣжѣе, обстановка болѣе боевая и говорится откровеннѣе, безъ опасенія, что найдется какой нибудь прислужникъ, который передастъ въ искаженномъ видѣ ваши слова. Тутъ по цѣлымъ днямъ гремитъ музыка, раздаются задумчивые тосты, безыскусственное кахетинское льется рѣкою, а по вечерамъ долго слышится разудалая солдатская пѣсня. Чувствуется здѣсь что-то охватывающее васъ цѣликомъ, влекущее васъ къ самозабвенію, къ великодушнымъ порывамъ; вы становитесь благороднѣе, отважнѣе, а ужъ „на турка“ готовы идти хоть ежеминутно, хотя бы онъ окопался въ тысячу разъ сильнѣе и число таборовъ его удесятирилось!

Начальникомъ лагеря при Башкадыкларѣ генералъ-лейтенантъ О. Д. Девель, командиръ 39-й пѣхотной дивизіи. Генералъ Девель провелъ на Кавказѣ всю свою службу, начавъ ее въ рядахъ саперъ. Онъ высокаго роста, плотнаго, мускулистаго сложенія. Лицо загорѣлое, какъ бы закаленное полуденнымъ солнцемъ и вѣтромъ; борода у него ужъ сильно „подернута инеемъ“, и держится онъ нѣсколько сутуловато. Обладая необыкновенно могучимъ голосомъ, генералъ Девель умѣетъ увлекательно говорить съ солдатами. При этомъ очень часто рѣчь генерала складывается въ рѣзкіе и онъ никогда не прочь сказать мѣткое и острое словцо. Генерала Девеля слѣдуетъ считать главнымъ виновникомъ удачнаго взятія Ардагана, такъ какъ его отрядомъ взято, еще накануне штурма и прибытія генерала Геймана, укрѣпленіе Гюляверды—этотъ ключъ ардаганской крѣпости на южной сторонѣ. Отъ генерала Девеля мнѣ приходилось не разъ слышать самые горячіе отзывы въ честь нашей *молодой, новой* арміи. Въ устахъ стараго кавказскаго служаки подобные отзывы очень цѣнны и они могутъ служить лучшимъ дополненіемъ къ тому, что столько разъ приходилось мнѣ доказывать въ извѣстной полемикѣ съ самозванными друзьями и „охранителями“ русской боевой славы, которые подъ громкими словами умѣли ловко скрывать личные счеты и интриги.

Прибывъ въ Башкадыкларъ и проѣзжая мимо палатокъ отряднаго штаба, я остановился, чтобъ поклониться О. Д.

Девелю. Съ свойственнымъ ему гостепріимствомъ, онъ пригласилъ меня отобѣдать. Здѣсь, совершенно случайно, я узналъ, что въ ту же ночь небольшой отрядъ, подъ начальствомъ бригаднаго генерала Ореуса, отправляется снова занять Ани. Прѣжняя же позиція наша при Ани, на турецкомъ берегу, была свободна и ходили слухи, что турки ее заняли или намѣрены занять. Какую цѣнность имѣетъ эта позиція—я не знаю; но ее считаютъ нужнымъ не упускать изъ рукъ. Съ этою цѣлью изъ башкадыкларскаго лагеря и отправлялись три батальона съ одной восьмою батареею и двумя сотнями казаковъ.

Разсчитывая, что, быть можетъ, этому отряду придется съ бою занять позицію при Ани и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется удобный случай осмотрѣть развалины древней столицы Арменіи, о которыхъ рассказывали чуть не чудеса, я рѣшилъ слѣдовать съ войсками генерала Ореуса. На мое счастье, у ресторана m-me Піеръ, владѣющей сердцами и кошельками доброй половины лагеря и вообще женщины съ большимъ тактомъ, умѣющей соблюдать полное приличіе и наживать своею торговлею хорошую деньгу, встрѣчаю моего пріятели американца, корреспондента „New-York Herald“, г. Уиллера. Безъ сомнѣнія и онъ, что называется, обѣими руками, схватился за случай побывать въ Ани. Одно обстоятельство насъ затрудняло. Разсчитывая къ вечеру вернуться въ Кюрюкъ-Дара, мы оба не захватили съ собою ровно никакихъ вещей, даже верхняго платья; на насъ были легкія парусинныя пальто, которыя очень хороши были во время нестерпимой дневной жары, но служили бы весьма плохою защитой отъ холода здѣшнихъ ночей. Къ счастью, на выручку явились наши храбрые и радушные нижегородцы. Командиръ эскадрона, капитанъ Чернышевъ предложилъ мнѣ свое кожаное пальто, а г. Уиллеръ снабдился буркой у князей Трубецкихъ, двухъ очень милыхъ юношей, не болѣе трехъ мѣсяцевъ какъ поступившихъ въ полкъ, въ качествѣ вольноопредѣляющихся и уже имѣющихъ право гордиться унтеръ-офицерскимъ званіемъ У нижегородцевъ за чаемъ и

веселымъ ужиномъ, скоротали мы время до отхода отряда, выступившаго въ часъ ночи.

Переходъ нашъ, протяженіемъ до пятнадцати верстъ, мы совершили совершенно благополучно, не смотря на темноту ночи. Утро застало насъ верстахъ въ шести отъ Ани. Послышавшіеся со стороны Башкадыклара выстрѣлы побудили отрядъ на нѣкоторое время пріостановиться, да и обозу нужно было стянуться. Выстроившись, на всякій случай, въ боевой порядокъ, мы осторожно приблизились къ Ани. Къ удивленію, никакихъ турокъ здѣсь не оказалось. Напротивъ, на мѣстѣ нашей позиціи мы увидѣли нѣсколькихъ нестроевыхъ солдатъ, десятка два казаковъ и свѣжіе слѣды недавняго пребыванія отряда. Два батальона и казачій полкъ съ четырьмя бывшими при нихъ орудіями, стоявшіе на той сторонѣ Арпачая, на возвышенности, вполне господствующей надъ Ани, какъ только завидѣли насъ, стали сниматься и выступать, чтобы соединиться съ нашимъ отрядомъ.

Войска стали лагеремъ у самыхъ развалинъ Ани. Передъ нами была высокая стѣна съ многими башнями, круглыми выступами, выдававшимися наружу. Передъ этою стѣною сохранился еще ровъ, окружавшій съ этой стороны городъ. Слѣва отъ стѣны начинается глубокой оврагъ, спускающійся къ Арпачаю, быстро текущему здѣсь въ необыкновенно глубокой расщелинѣ двухъ почти отвѣсныхъ горъ. Съ правой стороны находится другой крутой оврагъ, по которому узкою ленточкою протекаетъ ручеекъ, впадающій въ Арпачай. Такимъ образомъ, мѣстность, гдѣ находилась древняя столица Арменіи, представляетъ какъ бы полуостровъ, рѣзко выдающійся надъ Арпачаемъ и окруженный съ двухъ сторонъ глубокими оврагами; четвертая, совершенно доступная сторона Ани ограждается указанною, очень хорошо сохранившеюся крѣпостною стѣною съ искусственнымъ, полуобрушившимся рвомъ впереди. Развалины подобной же стѣны и башенъ явственно замѣтны и по всей окрестности Ани. Здѣсь эти укрѣпленія сооружены были надъ самою крутизною обрывовъ и потому, вѣроятно, сдѣлались болѣе доступны разру-

шительной рукъ времени. Стѣны, башни, остатки фундамента, уцѣлѣвшія части построекъ обнаруживаютъ высокую степень развитія архитектуры и вкуса. Такъ называемая облицовка строеній состоитъ изъ совершенно правильныхъ, прекрасно отесанныхъ четырехугольныхъ камней. На наружной стѣнѣ господствуетъ желтоватый цвѣтъ; украшенія же сдѣланы изъ красного или черного камня. Верхъ однихъ воротъ, арочной системы, привлекаетъ глазъ своими красными и желтыми камнями, расположенными въ шахматномъ порядкѣ; на протяженіи всей стѣны чернѣютъ кресты и крестообразныя украшенія изъ черного камня. Главныя ворота состоятъ изъ двухъ громадныхъ, круглыхъ башенъ, соединенныхъ аркою; чтобы проникнуть въ нихъ, нужно пройти еще черезъ малыя ворота и позади выступающей наружу стѣны, у которой, можно думать, существовалъ подземный мостъ. Нѣкоторыя изъ башенъ имѣютъ узкія бойницы, вѣроятно, для метанія стрѣлъ, потому что огнестрѣльное оружіе изобрѣтено нѣсколько вѣковъ позже того времени, когда Ани пересталъ существовать.

Объ Ани, кажется, довольно писано, потому что каждый путешественникъ считаетъ долгомъ посѣтить эти древнія развалины; но еще болѣе говорятъ объ Ани различныя устные преданія, которыя передастъ вамъ, въ той или другой формѣ, съ большею или меньшею долею фантазіи, каждый армянинъ. Ани является священнымъ городомъ у здѣшнихъ армянъ, своего рода Меккою или Іерусалимомъ; но этотъ священный городъ не имѣетъ реальнаго бытія, онъ рисуется только въ воображеніи, пищу которому даютъ сохранившіяся до нашихъ временъ почтенныя развалины. Каждый армянинъ считаетъ себя счастливымъ, если ему удастся побывать въ Ани и поразсказать о немъ другимъ. Онъ переносится, этимъ путемъ, въ золотой вѣкъ своей родины и утѣшается надеждою, что настанетъ, наконецъ, время, когда Арменія отдѣлается отъ турецкаго деспотизма и лучъ счастья снова озаритъ ея судьбу.

Видѣвъ нынѣшній бытъ турецкихъ армянъ, удивляешься, на

какой низкой степени развитія находится это христіанское и богато одаренное отъ природы населеніе. Жилище его не похоже на жилище человѣка: это скорѣе берлога, на сооруженіе которой необходимо имѣть развѣ немного больше энергіи или ума, чѣмъ на устройство вороньяго гнѣзда или лисьей норы. Просматривая, какъ Ксенофонтъ, въ своемъ „Отступленіи десяти тысячъ грековъ“, описываетъ бытъ армянъ, можно составить довольно вѣрное понятіе о современномъ ихъ положеніи. Тѣ же жилища и способъ ихъ устройства, почти та же пища и орудія ея производства; развѣ только въ одеждѣ и оружьи встрѣтятся значительное различіе. Отсюда вы готовы ужъ сдѣлать заключеніе о вѣковой неподвижности армянскаго народа, о неспособности его къ развитію, о слабости вліянія, какое можетъ оказать на бытъ народа христіанская религія; но вдругъ вы становитесь лицомъ къ лицу съ замѣчательными развалинами Ани, и передъ глазами вашими какимъ-то чудомъ вырастаютъ остатки причудливыхъ замковъ, башенъ и мостовъ, переносащихъ васъ совсѣмъ въ другую эпоху, въ иной бытъ, равно далекіе и тому времени, когда жилъ Ксенофонтъ, и той печальной современности, которой мы теперь очевидцы. И вы поспѣшите взять назадъ свои невыгодныя для Арменіи заключенія и постараетесь отыскать другія причины того поразительнаго сходства, которое замѣчается въ бытѣ армянскаго народа на разстояніи двадцати слишкомъ вѣковъ. Становится очевиднымъ, что существенныя условія, при которыхъ Арменія достигла очень высокаго развитія, имѣла богатые города и замѣчательныя сооруженія, и должны находиться другія причины, благодаря которымъ эта страна обречена была снова впасть въ младенчество, отойдя далеко назадъ. Въ числѣ этихъ причинъ не послѣднюю роль, конечно, играла Турція и ея порядки; турецкое владычество, очевидно, немало помогло времени въ его разрушительной работѣ надъ блестящимъ прошлымъ Арменіи.

Можно себѣ составить теперь понятіе, почему тѣ обломки и груды камней, которые носятъ названіе Ани, ползуются

такимъ высокимъ уваженіемъ у армянъ, почему они съ такимъ удовольствіемъ посѣщаютъ эти развалины и любятъ о нихъ говорить. Не будь Ани и другихъ развалинъ, трудно было бы повѣрить въ блестящее нѣкогда существованіе Арменіи, неосновательно было бы и помышлять о лучшемъ будущемъ этой страны. Конечно, золотой вѣкъ Арменіи, какъ и золотые вѣка всѣхъ народовъ, былъ не безъ терній и болѣе или менѣе сильной лигатуры; но, во всякомъ случаѣ, у армянъ есть что вспомнить, есть прошлое, которое не хочется позабывать. Что касается Ани, то преданія и армянскіе историки согласны, что въ уничтоженіи этой столицы древней Арменіи главнѣйшую роль играло землетрясеніе; но что мѣшало возобновить этотъ городъ—о томъ мнѣ не удалось ни слышать, ни читать. Очевидно, однако, что землетрясеніе тутъ было не приче́мъ. Если въ Ани до сихъ поръ сохранились, почти цѣликомъ, громадныя храмы и башни, то ясно, что дѣйствіе землетрясенія не могло быть достаточно для запустѣнія и потомъ полнаго уничтоженія города. Воображеніе нѣкоторыхъ армянъ разыгрывается до того, что эпоха разрушенія Ани относится у нихъ на 15 вѣковъ назадъ. Между тѣмъ, уже одинъ византійскій характеръ многихъ сооруженій свидѣтельствуетъ, что Ани существовала и строилась гораздо позже. Болѣе умѣренныя мнѣнія говорятъ, что Ани разрушенъ въ концѣ XII-го или послѣ XIV-го вѣковъ. Въ Ани, говорятъ, насчитывалось до 100,000 домовъ и 1,001 церковь; до сихъ поръ у армянъ существуетъ родъ божбы или клятвы, въ которой главную роль играетъ „тысяча одна церковь“. По числу развалинъ и мѣсту, ими занимаемому, трудно допустить, чтобы въ Ани дѣйствительно могло находиться такое громадное число домовъ и такая масса храмовъ. Принимая относительно домовъ цифру 100,000, придется допустить, что въ Ани было не менѣе милліона жителей, т. е. населеніе, которымъ и въ настоящее время только очень немногіе города могутъ похвастать и, безъ сомнѣнія, города, въ нѣсколько разъ обширнѣе, которые трудно, по крайней мѣрѣ, обойти въ одно утро или ве-

черъ, какъ это легко сдѣлать съ Ани. Много-много, если въ Ани была десятая часть тѣхъ построекъ, которыя ему приписываются слишкомъ разыгравшеюся фантазіей. Съ достовѣрностью можно полагать только, что Ани былъ очень густо заселенъ, что улицы его были узки и неправильны, что дома занимали небольшія пространства и что храмовъ, дворцовъ и замковъ въ немъ было, дѣйствительно, очень много. Замѣтно также, что городъ носилъ на себѣ слѣды двойного владычества, свѣтскаго и духовнаго; развалины Ани, сохранившіеся храмы, даже наружныя стѣны, съ ихъ черными крестами, въ видѣ украшеній, и многочисленныя пещеры и подземелья, отдають чѣмъ-то церковнымъ, говорятъ болѣе о деспотизмѣ и вмѣшательствѣ въ свѣтскія дѣла духовныхъ владыкъ, нежели о веселой и цвѣтущей жизни богатаго, торговаго города. Не тутъ ли слѣдуетъ искать одну изъ виднѣйшихъ причинъ разрушенія и гибели Ани? Такое положеніе дѣлъ губительнѣе всякихъ землетрясеній.

Ночью мы возвратились въ Башкадыкларъ, пользуясь отходомъ двухъ сотенъ казаковъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Диверсія 6-го августа.

Усиленная рекогносцировка, въ видѣ ложной атаки турецкихъ позицій на Аладжинскихъ высотахъ, предпринята была въ день Преображенія, 6-го августа. Главная задача указана была отряду генераль-лейтенанта Девеля, расположенному, какъ извѣстно, у Башкадыклара. Этому отряду слѣдовало дѣйствовать противъ праваго фланга турецкихъ позицій и, если окажется возможнымъ и удобнымъ, занять гору Инахтапеси. Подъ именемъ Инахтапеси разумѣется отдѣльная, конусообразная возвышенность, расположенная у подножія Аладжинскихъ высотъ, почти на половинѣ разстоянія отъ Башкадыклара до Ани. Будучи укрѣплена, гора Инахтапеси составляетъ крайній редутъ на правомъ флангѣ турокъ и можетъ служить важнымъ опорнымъ пунктомъ, въ случаѣ обходнаго движенія нашихъ войскъ съ этой стороны. Кавалеріи башкадыкларскаго лагеря, подъ начальствомъ князя Чавчавадзе, приказано было расположиться правѣ колонны генераль-лейтенанта Девеля, по направленію къ селенію Кюльверанъ. Для поддержанія дѣйствій отряда генераль-лейтенанта Девеля, отрядъ, съ частью артиллеріи, выдвинута была противъ центра турецкихъ позицій, по направленію къ Суботану и Хаджи-Вали; начальство надъ этою командою

ввѣрено было генераль-лейтенанту Девелю. Съ тою же цѣлью и чтобъ еще болѣе отвлечь вниманіе турокъ отъ ихъ праваго фланга, послана была еще третья колонна, подъ начальствомъ полковника Комарова (произведеннаго ужъ теперь въ генераль-маіоры). Отрядъ полковника Комарова расположенъ былъ въ Паргентѣ, въ восьми верстахъ отъ Кюрюкь-Дара. Выступивъ изъ Паргента еще 5-го августа, вечеромъ, и переночевавъ у селенія Яйля-Мешко, лѣвая колонна должна была произвести демонстрацію на лѣвомъ флангѣ турокъ, между горами Большою и Малой Ягны, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы имѣли уже неудачное столкновеніе съ турками во время рекогносцировки 16-го іюля.

Изъ сказаннаго видно, что протяженіе фронта нашей атаки или, если угодно, „диверсій“, какъ называютъ здѣсь дѣло 6-го августа, простиралось отъ 20 — 25 верстъ, считая по ломанной линіи отъ Инахтапеси, черезъ Суботанъ и Большую Ягны, до горы Малой Ягны. Такое протяженіе фронта, не представляя удобствъ для пораженія непріятеля и для единства дѣйствій, могло, однако, заставить турокъ выказать всѣ свои силы и удержать ихъ отъ подкрѣпленія своего праваго крыла; этимъ самымъ облегчалось выполненіе поставленной отряду генерала Девеля задачи относительно занятія Инахтапеси. Исполняя эту задачу, генераль Девель, въ свою очередь, раздѣлилъ свои силы на три колонны, изъ которыхъ правая двинулась къ Керыхану, средняя на Тайпалыхъ, а лѣвая, слѣдуя нѣкоторое время за среднею колонною, повернула, не доходя до селенія Тайпалыхъ, влѣво — на селеніе Джала, имѣя въ виду обойти Инахтапеси съ восточной стороны.

Правая колонна отряда генерала Девеля безпрепятственно выдвинулась на высоту селенія Керханъ; селеніе же Тайпалыхъ оказалось занятымъ частью турецкой кавалеріи, почему огонь стрѣлковой цѣпи средней колонны вытѣснилъ оттуда непріятеля. Лѣвая колонна, отбросивъ и держа въ почтительномъ отдаленіи довольно густую массу турецкой кавалеріи, выставила 32 орудія своей артиллеріи противъ Инах-

тапеси, готовясь, въ случаѣ приказа, штурмовать этотъ редутъ съ восточной стороны и отчасти тыла. Турки очень дѣятельно отвѣчали на огонь нашей артиллеріи. У нихъ имѣлось на Инахтапеси всего шесть орудій, изъ которыхъ четыре были шестифунтоваго калибра; а два — горныя. Не смотря на столь очевидное преимущество нашей артиллеріи какъ по числу орудій, такъ и по ихъ калибру (большинство — девятифунтовыхъ), имъ не удалось заставить замолчать непріятельскія пушки на Инахтапеси, и орудійный огонь продолжался съ обѣихъ сторонъ отъ 7¹/₂ часовъ утра до полудня. Въ это время, генераль-лейтенантъ Девель, осмотрѣвъ обстоятельно Инахтапеси, ведущіе къ нему доступы и находящіеся вблизи части Аладжинскихъ высотъ, рѣшилъ, что занятіе этого редута хотя и было возможно, но стоило бы намъ сильнаго урона, не представляя особенныхъ выгодъ.

На Инахтапеси и на ближайшихъ къ нему аладжинскихъ траншеяхъ находилось, говорить, не менѣе восьми батальоновъ; удобнѣйшій подступъ для штурма представлялся именно съ той стороны, которая отлично обстрѣливалась непріателемъ со стороны Аладжи; такимъ образомъ, штурмующимъ пришлось бы выдерживать двойной огонь — спереди и съ тыла или фланга. Независимо отъ этого, по мнѣнію генераль-лейтенанта Девеля, очень трудно было бы удержаться на Инахтапеси, не завладѣвъ тѣми траншеями и батареями, которыя находились съ южной стороны Инахтапеси, на Аладжинскихъ высотахъ. Эти траншеи и батареи господствовали надъ Инахтапеси, и изъ нихъ непріятель могъ удобно поражать занятый нами редутъ не только орудійнымъ, но и ружейнымъ огнемъ. Такое положеніе Инахтапеси относительно Аладжинскихъ высотъ заставило бы насъ постоянно держать наготовѣ сильныя резервы для встрѣчи непріятеля, въ случаѣ неожиданнаго нападенія, и вовлекло бы насъ въ немалыя потери. Такъ какъ не предполагалось произвести рѣшительное нападеніе на турецкія позиціи на Аладжинскихъ высотахъ, то частный успѣхъ относительно Инахтапеси не представлялъ, такимъ образомъ, никакихъ выгодъ. Я уже

сказалъ, что генералу Девелю не вмѣнено было въ непремѣнную обязанность взять Инахтапеси, а предоставлено было рѣшить этотъ вопросъ на мѣстѣ, во время боя, смотря по обстоятельствамъ. Поэтому, на основаніи приведенныхъ соображеній, генералъ Девель не нашелъ выгоднымъ штурмовать этотъ редутъ и около полудня сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи ввѣренныхъ ему войскъ на тѣ мѣста, которыя были указаны по диспозиціи. Эти мѣста находились впереди нашей стоянки у Башкадыклара, версты на три, у селенія Кюльверана. Войска отряда генерала Девеля начали постепенно отходить, причемъ турецкія орудія съ Инахтапеси преслѣдовали ихъ очень жаркимъ огнемъ, а непріятельская кавалерія, сосредоточенная, послѣ очищенія селенія Тайпалыхъ, съ правой стороны Инахтапеси, нѣсколько разъ пробовала атаковать нашу цѣпь. Словомъ, турки на этотъ разъ вели себя по всѣмъ правиламъ военного искусства. Прежле, на примѣръ, подъ Карсомъ или подъ Зевинкомъ, они будто радовались всякій разъ, какъ наши войска оставляли ихъ въ покоѣ; теперь же турки не только стойко и спокойно выдерживали нападенія, но и рѣшались на преслѣдованіе при отводѣ нашихъ войскъ назадъ.

Еще скорѣе этотъ выводъ можно сдѣлать по поводу дѣйствій турокъ въ дѣлѣ 6-го августа противъ нашего центра, и особенно на правомъ флангѣ. Въ центрѣ, гренадеры мингрельскаго полка заняли Суботанъ и Хаджи-Вали, когда получено было приказаніе объ отступленіи; но генералъ-лейтенантъ Гейманъ вынужденъ былъ не спѣшить выполненіемъ этого распоряженія, такъ какъ въ это время положеніе дѣлъ въ колоннѣ полковника Комарова было крайне серьезно. Часовъ въ шесть-семь утра, наша правая колонна была уже на про странствѣ между горами Большой и Малой Ягны. Противъ пяти батальоновъ нашего праваго фланга непріятель выставилъ втрое большія силы и большія массы кавалеріи, какъ со стороны Малой Ягны, такъ и съ высотъ Визинкѣя. Имѣя въ виду предписаніе не вступать въ серьезный бой и желая

сблизиться съ нашимъ центромъ, полковникъ Комаровъ направилъ свой отрядъ влѣво, къ горѣ Большой Ягны, у которой, на основаніи диспозиціи, онъ надѣялся встрѣтить правый флангъ нашей центральной колонны. Отстрѣливаясь отъ турецкой кавалеріи и задерживая очень удачнымъ артиллерійскимъ огнемъ наступленіе непріятельской пѣхоты, отрядъ Комарова подошелъ къ подножію Большой Ягны. Къ удивленію, тамъ не было нашихъ войскъ. Вторая бригада гренадерской дивизіи находилась у Суботана и Хаджи-Вали, а эриванскій и грузинскій полки, бывшіе въ резервѣ, были не менѣе, какъ верстахъ семи-десяти отъ поля битвы. Колонна полковника Комарова оказалась, слѣдовательно, въ уединенномъ положеніи, а между тѣмъ, и впереди Большой Ягны стали показываться непріятельскія колонны, стройно наступавшія и имѣвшія впереди новыя массы кавалеріи. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ пути своего отступленія, полковникъ Комаровъ рѣшилъ избрать гору Большую Ягны опорнымъ пунктомъ своего отряда при сближеніи его съ центральной колонной. Съ этою цѣлью необходимо было занять эту гору. По счастью, на Большой Ягны находилось только до двухсотъ всадниковъ турецкой кавалеріи. Турки, вѣроятно, рассчитывали, что этой горсти будетъ достаточно, чтобъ задержать наши войска до прибытія подкрѣпленій и для нанесенія намъ безнаказанно такого же пораженія, какъ во время рекогносцировки 16-го іюля; но двухъ ротъ достаточно было, чтобъ очистить гору отъ непріятеля. Занявъ Большую Ягны и пославъ туда еще батальонъ, полковникъ Комаровъ, подъ покровительствомъ ружейнаго огня съ этой высоты, успѣлъ обогнуть гору и перевести весь отрядъ на восточную ея сторону, что называется, подъ самымъ носомъ непріятеля. Но турки не остановили своего наступленія и смѣло послали нѣсколько батальоновъ, чтобъ выбить нашихъ съ ихъ выгодной позиціи на Большой Ягны. Нѣсколько разъ пробовали турки завладѣть этою горою, но каждый приступъ ихъ былъ отраженъ съ огромнымъ урономъ. Между тѣмъ, на помощь колоннѣ полковника Комарова стали постепенно приходить

подкрѣпленія. Сначала подоспѣлъ казачій полкъ изъ центральной колонны; потомъ пришла, на рысяхъ, кавалерія изъ колонны князя Чавчавадзе, которой ужъ ничего не оставалось дѣлать у Кюльверана по отступленіи отряда генерала Девеля; наконецъ, подошелъ и батальонъ эриванскаго Его Величества полка, изъ бригады генераль-маіора Авинова, находившейся въ резервѣ. Незанятое, очень значительное пространство между Суботаномъ и Большою Ягны, между нашимъ центромъ и правымъ флангомъ, наконецъ, можно было хотя отчасти восполнить и тѣмъ обезпечить отступленіе небольшого отряда полковника Комарова. Казачьи батареи высланы были на позиціи и, вмѣстѣ съ орудіями правой колонны, очень удачно задерживали наступленіе гораздо сильнѣйшаго непріятеля. Эскадронъ нижегородскихъ драгунъ слѣдшилъ и, прикрывъ одну изъ конныхъ батарей, поражалъ ружейнымъ огнемъ турецкую кавалерію всякій разъ, какъ она пробовала слишкомъ заноситься впередъ. Затѣмъ подошла первая бригада грендерской дивизіи, и, при ея содѣйствіи, колонна полковника Комарова и наша кавалерія могли, наконецъ, выйти изъ линіи огня. Турки остановились, продолжая, пока было возможно, преслѣдованіе орудійнымъ огнемъ.

Такъ кончилось дѣло 6-го августа. Одна изъ цѣлей не была достигнута. Инахътапеси не былъ занятъ по указаннымъ причинамъ. Другая цѣль этого дня состояла въ желаніи удержать Мухтара-пашу отъ посылки подкрѣпленій къ Измаилу-пашѣ, противъ нашего эриванскаго отряда. Если только Мухтаръ-паша имѣлъ это намѣреніе, то надо признать, что вторая наша задача въ дѣлѣ 6-го августа была вполнѣ достигнута. Это наглядно доказали событія 13-го августа, когда исполнилось ровно два мѣсяца послѣ битвы подъ Зевиномъ.

Въ дѣлѣ 6-го августа мы понесли довольно большую потерю, если принять во вниманіе, что серьезнаго значенія ему не желали придать, а имѣлось въ виду произвести только „диверсію“, чтобъ заставить турокъ быть на-сторожѣ и не ослаблять своихъ силъ на Аладжѣ и прилегающихъ къ ней

высотахъ. У насъ убыло: убитыми одинъ офицеръ и 60 нижнихъ чиновъ; ранеными восемь офицеровъ и 275 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшими 18 нижнихъ чиновъ. Вся потеря простиралась, такимъ образомъ, до 342 человекъ. Сверхъ того, убиты 63 и ранены 35 лошадей. Главнѣйшая убыль произошла во время отступленія, причемъ львиная доля досталась, конечно, колоннѣ полковника Комарова, поставленной-было, временно, въ крайне стѣсненное положеніе и отбивавшейся нѣсколько разъ отъ насѣдавшаго на нее съ двухъ сторонъ непріятеля не только артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, но и штыками. Восемнадцать нижнихъ чиновъ, пропавшихъ безъ вѣсти, принадлежатъ къ этой колоннѣ: всѣ они пали на горѣ Большая Ягна, во время натиска турокъ, и ихъ не успѣли вынести при оставленіи этой возвышенности.* На другой день въ штабъ Мухтара-паши послано было, черезъ парламентаря, письмо, писанное и подписанное бывшимъ нашимъ консуломъ въ Эрзерумѣ, г. Оберъ-Миллеромъ. Въ письмѣ этомъ, отъ имени командующаго корпусомъ, излагалась просьба, чтобъ оставленные нами на полѣ сраженія тѣла преданы были погребенію. Посланіе адресовано было къ „начальнику штаба оттоманской арміи, Фейзи-пашѣ“.

Изъ турецкаго лагеря не замедлилъ послѣдовать отвѣтъ. Въ письмѣ къ начальнику корпуснаго штаба, генераль-маіору Духовекому, излагалось, приблизительно, слѣдующее: „М. г. Вчера, въ штабѣ турецкой арміи получено отъ нѣкогого г. Оберъ-Миллера, адресованное на имя *бригаднаго генерала*, Фейзи-паши, *частное* письмо, въ которомъ изложена просьба командующаго корпусомъ относительно погребенія нѣсколькихъ тѣлъ, оставленныхъ русскими войсками на полѣ сраженія въ дѣлѣ 6-го августа. Имѣю честь увѣдомить васъ, что, по распоряженію главнокомандующаго, Мухтара-паши, всѣ оставленные русскими тѣла преданы уже землѣ, въ трехъ могилахъ, вырытыхъ у подножья, на срединѣ и на вершинѣ горы Большая Ягна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, покорнѣйше прошу передать командующему корпусомъ, что онъ можетъ быть

выполнивъ увѣренъ, что въ турецкой арміи умѣютъ соблюдать долгъ, предписанный въ отношеніи оставленныхъ на полѣ сраженія непріятельскихъ тѣлъ“. Письмо это имѣло слѣдующую подпись: „начальникъ штаба Хасанъ-Кязимъ“.

Эпизодъ этотъ нельзя не назвать очень характернымъ. турки еще разъ доказали, что они умѣютъ найтись въ дипломатической перепискѣ и никогда не прочь очень тонко колънуть противника, щегольнувъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюденіемъ международныхъ обычаевъ. Просьба о погребеніи нашихъ убитыхъ была очень понятна; если не сами турки, то служащіе въ ихъ рядахъ курды и бывшіе кавказскіе горцы, какъ не разъ случалось, варварски издѣваются надъ попадающими, иногда, въ ихъ руки нашими убитыми. Имъ отрѣзываютъ головы, носы, руки. Не далѣе, какъ шестого іюля, послѣ дѣла владикавказскаго казачьяго полка съ турецкою кавалеріей, у Хаджи-Вали, найдено было пять обезглавленныхъ тѣлъ нашихъ казаковъ. Допуская безнаказанно такія звѣрства, турецкій главнокомандующій не имѣетъ права удивляться, если послѣ сраженія къ нему относятся съ просьбою, имѣющею цѣлю предупредить подобные, оскорбительные для человѣческаго достоинства, факты. Но въ турецкомъ штабѣ не приминили воспользоваться случаемъ, чтобъ дать намъ понять, будто мы, самую просьбу своею, сдѣлали неловкость.

Дипломатическія сношенія съ турецкою арміей, кстати сказать, возникали здѣсь не разъ. Въ этомъ отношеніи выдѣляются два случая. Еще подъ Карсомъ, во время какой-то небольшой стычки, одинъ изъ черезчуръ смѣлыхъ или безпечныхъ санитаровъ попался въ руки турокъ. По крайней мѣрѣ, онъ, какъ говорится, „пропалъ безъ вѣсти“. Немедленно написали въ турецкій штабъ, предлагая или освободить санитаря, на основаніи женеvской конвенціи, или размѣнять его на одного изъ турецкихъ плѣнныхъ. Турецкіе военачальники поспѣшили отвѣтить, что самые тщательные розыски не открыли санитаря и что они немало удивлены предложеніемъ насчетъ размѣна, такъ какъ женеvская конвенція имъ, дескать, хорошо извѣстна и, свято соблюдая ее,

они не замедлили бы освободить санитаря, еслибъ онъ дѣйствительно былъ случайно захваченъ. Такимъ образомъ, и тутъ, на бумагахъ, выходитъ, что турки безупречно исполняютъ международные обычаи и всевозможныя конвенціи, а санитаръ, между тѣмъ, все таки, исчезъ безслѣдно. Такое „бумажное“ соблюденіе общеизвѣстныхъ правилъ войны не помѣшало туркамъ стрѣлять залпами изъ своего госпиталя въ Ардаганъ, во время штурма этой крѣпости, когда наши войска, уважая „Красный Полумѣсяцъ“ и предупрежденные офицерами, спокойно, съ ружьемъ на плечѣ, проходили мимо воротъ госпитальнаго зданія. Это же не помѣшало туркамъ, въ первомъ же столкновеніи съ тверскимъ драгунскимъ полкомъ, послать нѣсколько пуль въ больничныи фургонъ съ краснымъ крестомъ и звѣрски изрубить въ куски бывшихъ около него трехъ-четырехъ солдатъ. Погребая своихъ несчастныхъ товарищей, возмущенные и ожесточенные тверскіе драгуны клялись отмстить туркамъ; но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, имъ не представился удобный случай столкнуться съ непріателемъ въ серьезномъ дѣлѣ.

Наше пребываніе подъ Карсомъ доставило также и другой примѣръ письменныхъ сношеній съ начальниками турецкихъ войскъ. Это было въ то время, когда мы шли за Саганлугъ, когда все еще находились въ упоеніи успѣхомъ подъ Ардаганомъ, когда ежедневно толковали о „паническомъ страхѣ и бунтахъ“ въ Карсѣ и когда наиболѣе пламенные или усердные полагали, что достаточно „одного батальона“, чтобъ ночью захватить Арабтабіэ или любое, не менѣе сильное, изъ карскихъ укрѣпленій. Получена была радостная вѣсть объ удачномъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Объ этомъ обстоятельствѣ сочтено было полезнымъ сообщить карскому гарнизону, предлагая ему сдать крѣпость. Турки отвѣчали на это предложеніе въ такомъ смыслѣ: „придите и возьмите“. За подобный отвѣтъ, конечно, ни одинъ порядочный человѣкъ не станетъ упрекать турокъ, а отнесется къ нему съ уваженіемъ.

Потеря корпуса Мухтара-пашы въ дѣлѣ 6-го августа опре-

дѣляютъ различно. Достоверной цифры, конечно, никто не знаетъ; тѣ, которые наименѣе готовы въ этомъ случаѣ давать пощаду туркамъ, исчисляють ее въ 800 человекъ. Очень можетъ быть, что турки потеряли болѣе насъ, такъ какъ они неудачно пробовали занять Большую Ягну и во второй половинѣ боя, играя роль атакующаго, нѣсколько разъ были отражены съ урономъ.

Оставленіе одною изъ сражающихся сторонъ своихъ убитыхъ на полѣ сраженія считается всегда недобрымъ знакомъ. Кавказскіе горцы и турки употребляютъ обыкновенно всѣ усилія, чтобъ подобрать тѣла убитыхъ и унести ихъ съ собою, если приходится отступать. Исполняютъ они это, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ религіозныхъ обрядовъ, съ завиднымъ самоотверженіемъ и уваженіемъ къ павшему на полѣ чести. Безъ сомнѣнія, тотъ же долгъ относительно убитыхъ въ сраженіи сознается и въ цивилизованныхъ войскахъ. Къ нему особенно чувствительны въ кавказской арміи, въ которую вошли многіе изъ прекрасныхъ обычаевъ горцевъ и которой чаще другихъ приходилось возмущаться звѣрствами, чинимыми азіятцами надъ трупами христіанъ, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма и племенной ненависти. Поэтому, въ кавказской арміи оставленіе хотя нѣсколькихъ тѣлъ убитыхъ на полѣ сраженія въ рукахъ непріятельскихъ производить самое невыгодное впечатлѣніе. При описаніи зевинскаго боя, я упоминалъ о тѣхъ подвигахъ самоотверженія, которымъ числа не было при вынесеніи изъ линіи огня нашихъ раненыхъ и убитыхъ; если тогда нѣсколько тѣлъ и осталось около непріятельскихъ траншей или въ глубокихъ оврагахъ, между камней, то только потому, что убрать ихъ ужъ не было никакой возможности. Въ зевинскомъ сраженіи, однако, число невынесенныхъ тѣлъ едва ли было не менѣе, сравнительно съ дѣломъ 6-го августа, особенно, если взять во вниманіе общую потерю въ обоихъ сраженіяхъ. Объяснить это можно только тѣмъ, что, при малочисленности отряда полковника Комарова и при томъ стѣснительномъ положеніи, въ которомъ онъ находился, каждый сражающійся человекъ

былъ очень дорогъ, и ослаблять и безъ того немногочисленные батальоны выдѣленіемъ людей для поднятія убитыхъ было крайне рискованно; хорошо, по крайней мѣрѣ, что раненыхъ могли унести.

Между тѣмъ, все это случилось въ виду нашего главнаго лагеря въ Кюрюкъ-Дара, гдѣ на недостатокъ санитарныхъ средствъ и персонала едва ли можно пожаловаться, гдѣ, кромѣ военномедицинскихъ учрежденій, находились и отряды общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. По какимъ причинамъ, мнѣ неизвѣстно, но 6-го августа повторилось то, что случилось подъ Ардаганомъ и Зевиномъ: дѣятельности общества „Краснаго Креста“ не было тамъ. Уполномоченный „Краснаго Креста“ объясняетъ, что ему не приказано было двигаться, и приказъ этотъ послѣдовалъ, будто бы, со стороны военного начальства. Какъ бы то ни было, но въ войскахъ опять слышится тотъ же упрекъ, который раздавался и послѣ ардаганскаго штурма, и послѣ боя подъ Зевиномъ. Упрекъ, на этотъ разъ, совершенно справедливо слѣдуетъ распространить на медицинское начальство. Съ поля сраженія, 6-го августа, раненыхъ и убитыхъ пришлось тащить кое какъ, какъ Богъ послалъ, на пространствѣ 18—20-ти верстъ, по страшной жарѣ. Сравнительно легко раненые плелись сами, тратя свои послѣднія силы; неспособныхъ идти измученные люди несли на носилкахъ, на ружьяхъ; болѣе счастливые ѣхали верхомъ, или на пунечныхъ лафетахъ. Къ страданіямъ отъ ранъ присоединялись муки отъ палящихъ лучей солнца, отъ жажды.

А между тѣмъ, въ Кюрюкъ-Дара, въ строгомъ порядкѣ, въ тщательно выровненныхъ рядахъ, недвижно оставались фургоны для перевозки раненыхъ, которыми, наконецъ, запаса кавказскій отдѣлъ; тамъ же неприкосновенно стояли отличные фургоны, прибывшіе съ дивизіоннымъ лазаретомъ 40-й пѣхотной дивизіи, которыми, кстати сказать, какъ диковинною вещь, любовались мы здѣсь нѣсколько времени назадъ, до сихъ поръ полагая, что улучшенные перевозочныя средства для раненыхъ и больныхъ бойцовъ показыва-

ются только на нашихъ и международныхъ выставкахъ, вмѣстѣ съ образцовыми учебными пособиями и школьными домами, которые не разъ заслуживали намъ громкія похвалы со стороны иностранцевъ и которые такъ мало извѣстны въ дѣйствительной нашей жизни! Тѣ перевозочныя средства, которыми обладаетъ медицинская часть кавказской арміи, и особенно казачьи части, могутъ навести ужасъ и на совершенно здороваго человѣка, если онъ будетъ обреченъ прокатиться въ нихъ хотя нѣсколько десятковъ верстъ даже по хорошей дорогѣ. Во время возвращенія нашего изъ-за Саганлуга, раненные подвергались настоящей пыткѣ, когда ихъ трясло на вольнонаемныхъ кибиткахъ и казенныхъ, топорной отдѣлки фургонахъ съ двумя поперечными рессорами, которыя скорѣе лопнутъ, нежели пригнутся на ухабѣ. Многіе раненные молили, чтобъ ихъ не клали въ эти „перевозочныя средства“, а несли на носилкахъ; нѣкоторые заплатились ногою или рукою, такъ какъ благодаря перевозкѣ, у ранъ ихъ образовались гнойные затеки... Вотъ потому-то мы и любовались прекрасными, покойными фургонами, которыми снабженъ дивизионный лазаретъ пришедшей изъ Россіи 40-й пѣхотной дивизіи. Къ сожалѣнію, 6-е августа показало, что недостаточно имѣть хорошія средства—нужно умѣть ими и пользоваться. Только за три, за четыре версты не доходя кюрюкь-дарскаго лагеря, раненные были встрѣчены фургонами общества „Краснаго Креста;“ да и тутъ произошло какое-то недоразумѣніе: безъ „надлежащаго разрѣшенія“ и, кажется, по неполученію „надлежащаго отношенія“, раненыхъ долго не хотѣли сдавать на попеченіе отряда „Краснаго Креста“.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Бой 13-го августа.

Послѣ дѣла 6-го августа, лагерная жизнь въ Кюрюкь-Дара и Г-шкадыкларѣ начала входить въ обычную колею, подъ которой, въ послѣдніе два мѣсяца, мы привыкли разумѣть выжидательное, пассивное положеніе наше въ виду непріятеля. Рекогносцировка съ потерями, рекогносцировка безъ потерь, сторожевая служба, ложныя свѣдѣнія и тревоги по поводу готовящагося, будто бы, ночного нападенія турокъ, штабныя сплетни и мелкія интриги, пересуды и скука, незнаніе какъ убить время и мечтанія о скоромъ заключеніи мира—вотъ, въ общихъ чертахъ, характеристика этой жизни. Изрѣдка, небольшія аванпостныя стычки нарушали на минуту это однообразное, тоскливое прозябаніе.

8-го августа, на долю главныхъ силъ корпуса снова досталось небольшое развлеченіе. Ночью, около Суботана, драгунскій нижегородскій полкъ ловко отрѣзалъ турецкій аванпостъ. Одни были перерублены, другіе взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ офицеръ. По странной случайности, не смотря на незначительность этой передовой стычки, два офицера нижегородскаго полка были контужены: оба эскадронные командиры—де-Витте и Чернышевъ. Помню, какъ еще въ концѣ іюля, Чернышевъ желалъ большого кавалерійскаго дѣла. „Въ

большомъ дѣлѣ ничего и пострадать; знаешь, по крайней мѣрѣ, за что; несноснѣе всего это маленькія стычки, въ которыхъ погибъ бѣдный маіоръ Гоппе". Такъ говорилъ капитанъ Чернышевъ и, какъ нарочно, черезъ нѣсколько дней, ему пришлось пострадать въ маленькомъ дѣлѣ. Онъ находится теперь въ госпиталѣ, въ Александрополѣ, такъ какъ полученная имъ контузія въ ногу оказалась довольно сильною. Надѣются, что онъ вскорѣ въ состояніи будетъ возвратиться къ своему молодецкому эскадрону.

Послѣ 8-го августа опять наступило затишье. Войска занимали прежнія позиціи, частью въ Кюрюкь-Дара, частью впереди Башкадыклара. Слухи о готовящемся, будто бы, ночномъ нападеніи турокъ, снова возобновились, но имъ почти никто не вѣрилъ. Какъ я уже говорилъ, напрасныя тревоги и преувеличенныя опасенія порождаютъ обыкновенно безпечность. Признаки этой безпечности замѣтны были еще до отбѣзда моего въ эриванскій отрядъ. Она, какъ видно, развилась еще болѣе послѣ 6-го августа.

Съ 12-го августа необходимо было еще тщательнѣе „беречь Кизилтапу". У насъ въ то время были въ полномъ ходу тѣ соображенія, благодаря которымъ центръ тяжести военныхъ дѣйствій перенесенъ былъ въ эриванскій отрядъ и все вниманіе сосредоточено было на операціяхъ противъ Измаила-паши. Между тѣмъ, генераль Тергукасовъ не рѣшался перейти въ наступленіе, не смотря на полученное имъ весьма значительное подкрѣпленіе изъ главныхъ силъ отряда: три пѣхотные, три кавалерійскіе полка и соответственное число артиллеріи. Преслѣдуя тотъ же планъ, рѣшено было послать въ эриванскій отрядъ еще одну бригаду пѣхоты. Изъ главной квартиры, находившейся въ Александрополѣ, получено приказаніе отправить въ распоряженіе генерала Тергукасова сводную бригаду, изъ елисаветпольскаго полка 39-й пѣхотной дивизіи (послѣдній полкъ этой дивизіи, остававшійся еще въ главныхъ силахъ) и абхазскаго полка 40-й дивизіи, съ полевою и горною батареями, подъ начальствомъ генераль-лейте-

нанта Девеля. Отрядъ генерала Девеля выступилъ изъ Башкадыклара 11-го августа, въ 5 часовъ вечера.

Въ тотъ же день получено было, черезъ лазутчиковъ, извѣщеніе, что турки предполагаютъ сдѣлать внезапное нападеніе на Кизилтапу и вообще на нашъ лѣвый флангъ. Въ это время, въ башкадыкларскомъ лагерѣ оставалось только пять батальоновъ пѣхоты (три батальона имеретинскаго и два батальона владикавказскаго полковъ) и кавалерія. Командующій корпусомъ вытребовалъ изъ Башкадыклара начальника штаба въ отрядѣ князя Чавчавадзе, полковника Маламу и лично передалъ ему распоряженія на случай, если турки, дѣйствительно, попробуютъ сдѣлать нападеніе. Между прочимъ, приказано было занять Кизилтапу двумя батальонами владикавказцевъ и 9-тифунтовою батареей подполковника Мухелова. Эти части должны были усилить обыкновенное прикрытіе на Кизилтапѣ, состоявшее на этотъ разъ изъ одного батальона имеретинскаго полка. Владикавказскіе батальоны и батарея подполковника Мухелова ужь не разъ были въ дѣлахъ; они, что называется, обстрѣлены, почему, вѣроятно, и были предпочтены въ этомъ случаѣ имеретинцамъ, только недавно пришедшимъ изъ Россіи.

Ужь добрая часть ночи съ 12-го на 13-е августа прошла спокойно, какъ вдругъ со стороны Башкадыклара послышались ружейныя выстрѣлы: перестрѣлка становилась все сильнѣе и сильнѣе. Въ кюрюкь-дарскомъ лагерѣ всѣ всполошились. Еще раньше, въ іюлѣ, на случай ночной тревоги сдѣлано было особое распоряженіе, во избѣжаніе сумятицы. Войска немедленно поднялись и стали въ ружье. Ближе расположенная къ Караялу *), а слѣдовательно и къ Башкадыклару, вторая гренадерская бригада была двинута впередъ; вышелъ также отрядъ г. Комарова, произведеннаго уже въ

*) Караялъ—гора, расположенная въ четырехъ верстахъ слѣва отъ нашего лагеря въ Кюрюкь-Дара; она заслоняетъ этотъ лагерь отъ турецкихъ позицій и находится почти на одной линіи съ Кизилтапою, отстоящую отъ Караяла на десять верстъ.

генералы. Остальные войска выжидали, пока разъяснится въ чемъ дѣло. Было еще темно. Генералу Комарову приказано было обогнуть Караяль и дѣйствовать по обстоятельствамъ Гренадерская бригада, состоящая изъ тифлискаго и мингрельскаго полковъ, съ одною батареей, шла правѣе отряда г. Комарова, имѣя направленіе на Суботанъ и Хаджи-Вали. Изъ башкадыкларскаго лагеря пришло извѣстіе, что Кизилтапа занята турками и что непріятель обстрѣливаетъ оттуда наше лагерное расположеніе.

Вотъ что случилось, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ удалось собрать. Турки, безъ сомнѣнія, немедленно узнали, что отрядъ генерала Девеля ушелъ и что въ Башкадыкларѣ остается, сравнительно, незначительное число войскъ. Они знали также хорошо, что Кизилтапа охраняется однимъ только батальономъ и что гора эта не вооружена батареями. Распуская ложные слухи, будто часть войскъ, расположенныхъ на Аладжѣ и около Визинкѣя, отправляется на усиленіе отряда Измаила-паши, они рассчитывали воспользоваться ослабленіемъ нашихъ главныхъ силъ, или для того, чтобъ отбросить ихъ совершенно къ Александрополю, или же, чтобъ пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, свободу въ выборѣ новой, болѣе удобной по времени года позиціи. Извѣстно, что корпусъ Мухтара-паши занималъ высоты, на которыхъ войскамъ было бы слишкомъ холодно оставаться въ осеннее время. Уже давно говорили, что въ турецкомъ лагерѣ господствуютъ болѣзни, благодаря невыгодамъ ихъ позицій въ санитарномъ отношеніи. Войскамъ Мухтара-паши приходилось спуститься съ ихъ укрѣпленныхъ и природою и искусствомъ высотъ. Вопросъ заключался въ томъ, отойти ли съ этою цѣлью назадъ, къ Карсу, или же избрать позицію впереди Аладжи; въ первомъ случаѣ, безъ боя, открывалась дорога нашему наступленію, во второмъ, необходимо было рискнуть на сраженіе, чтобъ отодвинуть насъ назадъ, особенно отъ праваго фланга, который въ такомъ случаѣ почти охватывался нашимъ отрядомъ въ Башкадыкларѣ, причемъ опорнымъ пунктомъ служила находившаяся въ нашихъ рукахъ Кизилтапа Мухтаръ-

паша рѣшился выполнить второй планъ. По странному стеченію обстоятельствъ, тѣ соображенія, которыя руководили въ то время нашими дѣйствіями, какъ разъ совпадали съ съ намѣреніями Мухтара-паши: мы желали удержать турецкія войска на Аладжѣ, чтобъ тѣмъ временемъ, усиливъ отрядъ генерала Тергукасова, разбить Измаила-пашу; съ этою цѣлью сдѣлана была даже „диверсія“ 6-го августа; турецкій главнокомандующій, въ свою очередь, какъ видно, ничего другого не хотѣлъ, какъ удержать свои войска противъ нашихъ главныхъ силъ и накинуться на нихъ въ тотъ моментъ, когда онѣ будутъ ослаблены отряженіемъ пяти полковъ пѣхоты и трехъ полковъ кавалеріи въ эриванскій отрядъ.

Начальникъ штаба въ башкадыкларскомъ отрядѣ, полковникъ Малама, возвратился въ авангардный лагерь вечеромъ. Туда же приказано было отправиться полковнику Романовичу, чтобъ принять начальство надъ частью войскъ, назначенныхъ для охраны Кизилтапа. Было уже темно, когда два батальона владикавказскаго полка (38-й пѣхотной дивизіи) и девятифунтовая батарея 39-й артиллерійской бригады изготовились для занятія указаннаго имъ поста. Въ виду поздняго времени и тѣхъ неудобствъ, которыя представлялись при подѣмѣ орудій ночью и со стороны, обращенной къ непріятелю, командиръ 3-й батареи, подполковникъ Мусхеловъ, отправился доложить объ этомъ начальнику отряда, генералъ-лейтенанту князю Чавчавадзе, предлагая отложить занятіе Кизилтапы до разсвѣта. Князь Чавчавадзе, какъ передаютъ, согласился.

Батальона имеретинскаго полка, занимавшаго гору Кизилтапа, было очень недостаточно для надежнаго ея охраненія. Гора эта, въ своемъ разрѣзѣ, имѣетъ протяженіе не менѣе одной версты и состоитъ изъ трехъ соединенныхъ хребтомъ возвышенностей, изъ которыхъ западная господствуетъ надъ среднею, а средняя надъ восточною. Сколько извѣстно, не всѣ роты были взведены на гору, чтобъ отразить нападеніе; нѣкоторыя изъ нихъ находились у подошвы горы, съ нашей стороны. Я уже говорилъ, что имеретинцы не были предупреждены о готовящемся нападеніи турокъ. Было уже около

двухъ или трехъ часовъ ночи, какъ вдругъ, въ цѣпи, раздалось нѣсколько выстрѣловъ и, въ то же время, толпы турокъ устремились на гору. Передаютъ, что турки шли съ криками: „la Махуммадъ!“ (О, Магометъ!)

Нужно замѣтить, что у турокъ въ ходу три восклицанія, которыя они имѣютъ обыкновеніе произносить во время опасности, при оборонѣ или наступленіи. Первое, менѣе вѣское, „la Хафизъ!“ (О, Хафизъ!)— имя святого, обладающаго способностью охранять отъ опасности или несчастья; въ болѣе важныхъ случаяхъ, они кричатъ: „la Махуммадъ!“ (О, Магометъ!) и, въ крайнемъ случаѣ, „la ху!“ (о, онъ! т. е. о, Аллахъ!) Если, въ ночь съ 12-го на 13-е августа, турки шли на Караалъ съ криками: „la Махуммадъ!“, то это означаетъ, что они считали дѣло рѣшительнымъ и готовы были пожертвовать за него жизнью, во имя Магомета.

Нашихъ аванпостовъ передъ Кизилтатою, какъ будто и не существовало! Ни однимъ выстрѣломъ имеретинцы не были предупреждены о наступленіи турокъ, ни одинъ всадникъ не прискакалъ съ аванпостовъ; непріятель, какъ свѣтъ на голову, наслѣлъ на горсть нашей пѣхоты, занимавшей Кизилтану. Трудно добиться истины, почему могла произойти такая оплошность. Говорятъ, что къ линіи нашихъ аванпостовъ подъѣхало нѣсколько всадниковъ; на окликъ „кто идетъ?“ они отвѣчали условленнымъ паролемъ; одинъ изъ нихъ, повидимому, офицеръ, сталъ даже говорить порусски, приказавъ не стрѣлять, такъ какъ идетъ „наша“ кавалерія. „Наша“ кавалерія, дѣйствительно, приблизилась и врасплохъ захватила или переколола людей, занимавшихъ аванпосты. Все это очень могло случиться. Между турецкою кавалеріей очень много черкесовъ, наружность, одежда, вооруженіе которыхъ совершенно схожи съ вѣшнимъ видомъ нашихъ конно-иррегулярныхъ полковъ. Начальникомъ ихъ является извѣстный Кундуховъ, бывший генералъ русской службы, который, конечно, достаточно знаетъ русскій языкъ, чтобы произнести нѣсколько фразъ. Въ здѣшней арміи находится очень значительное число офицеровъ, едва понимающихъ по русски и объясняю-

щихся на страшно ломанномъ языкѣ. Еслибъ какой нибудь Кундуховъ и обнаружилъ дурной выговоръ, это не могло возбудить никакихъ подозрѣній. Наконецъ, кромѣ Кундухова, въ рядахъ турецкихъ есть достаточное число лицъ, которыя въ состояніи объясняться порусски.

Объ этомъ можно судить по литографированнымъ прокламаціямъ, которыя продолжаютъ фабриковать и подбрасывать въ нашъ лагерь иностранные гости, пребывающіе среди турецкихъ войскъ. Прокламаціи эти писаны на испорченномъ русскомъ языкѣ, какимъ часто говорятъ поляки; они озаглавлены „Братьямъ въ русскомъ войскѣ“, а внизу ихъ красуется синяя печать съ одноглавымъ орломъ и съ надписью вокругъ: „Organizacya korpusu polskiego“.

Кстати о Кундуховѣ. Совершенно напрасно считаютъ его у насъ, въ Россіи, и печатно называютъ „измѣнникомъ“. Кундуховъ не заслужилъ такого позорнаго прозвища. Онъ выѣхалъ въ Турцію почти помимо своей воли — обстоятельства выжили его съ родины; за нимъ послѣдовало нѣсколько тысячъ семействъ горцевъ, земли которыхъ розданы были потомъ служащимъ въ Тифлисѣ и другихъ частяхъ Кавказа. Эти-то выжитые изъ нашихъ владѣній горцы и составляютъ теперь лучшую кавалерію у турокъ, а пользовавшійся среди горскихъ племенъ большимъ уваженіемъ Кундуховъ играетъ роль отличнаго кавалерійскаго генерала въ войскахъ Мухтара-паши. Случаются, какъ за вѣрное мнѣ извѣстно, очень оригинальныя сцены при встрѣчѣ нашихъ и турецкихъ аванпостовъ. Противники узнаютъ иногда знакомыхъ, даже родственниковъ въ непріятельскихъ рядахъ; они говорятъ общимъ языкомъ, исповѣдываютъ одну религію. Начинаются разпросы о родинѣ, о томъ, или другомъ лицѣ. Потомъ дѣлаются взаимныя упреки и укоры, возгорается споръ о томъ, какой странѣ лучше или честнѣе служить, можно ли идти „противъ Магомета“, противъ единовѣрцевъ, и дѣло доходитъ до брани и выстрѣловъ. Но иной разъ кончается и иначе. Говорятъ, что „иначе“ случилось именно въ ночь съ 12-го на 13-е августа: занимавшіе часть аванпостовъ чеченцы пере-

дались, будто бы, на сторону турокъ. И это объясненіе очень вѣроятно. Идти же на турокъ, исповѣдывающихъ магометанство, считается у чеченцевъ дѣломъ, противнымъ религіи. Ихъ взяли на войну противъ воли; они это доказали своими многочисленными побѣгами. Цѣлыми десятками дезертировали они, направляясь, однако, не къ туркамъ, а на родину. Ихъ ловили и наказывали. вмѣстѣ съ тѣмъ, между ними упорно держится слухъ, что на ихъ родинѣ возстаніе, что ихъ родные аулы разоряются, а семьи выселяются въ дальнюю Россію. Вамъ хорошо извѣстно, насколько основателей этотъ слухъ. Что жъ удивительнаго, если чеченцы, встрѣчая своихъ единоплеменниковъ въ турецкихъ рядахъ, соблазняются ихъ уговорами и переходятъ на ихъ сторону? Тѣмъ болѣе это понятно теперь, когда не турки, а мы отступаемъ, когда не мы, а турки кажутся сильными. Въ глазахъ азіятца сила, удача всегда привлекательны и почти всегда склоняютъ на свою сторону. Даже дагестанцы, которые отлично сражались въ хивинскомъ походѣ, которые и теперь неоднократно выказали себя молодцами, теперь призадумываются и выражаютъ свое неудовольствіе: то ружья у нихъ гадкія, то награды мало даютъ. Относительно наградъ я ничего не знаю; что же касается ружей, нѣтъ никакого сомнѣнія, что хуже тѣхъ допотопныхъ кремневыхъ винтовокъ, которыми вооружены дагестанцы, трудно отыскать въ любой арміи. Только недавно выдано имъ нѣсколько десятковъ драгунскихъ ружей на полкъ. Остающіяся же у большинства изъ нихъ винтовки даже нельзя и сравнивать съ магазинными ружьями, которыми вооружена добрая часть турецкой кавалеріи.

Какъ бы то ни было, фактъ состоитъ въ томъ, что нѣмъ не остановленные турки безпрепятственно подошли къ Кизилтапѣ и быстро начали на нее взбираться. Впереди ихъ, говорятъ, шла турецкая Орлеанская Дѣва, нѣкая Кара-Фатма. Это молодая, богатая дѣвушка изъ Бруссъ. По рассказамъ, она вооружила на свой счетъ 500 всадниковъ, надѣла мужской костюмъ и не покидаетъ лагеря Мухтара-паши, появляясь всегда въ передовыхъ рядахъ турокъ. Вспомните о

тѣхъ женщинахъ, которыя сражались и погибли подъ Карсомъ, и вы перемѣните ходячее мнѣніе, что турецкая женщина создана только для гарема.

Имеретинскія роты, занимавшія Кизилтапу, быстро оправились отъ неожиданности нападенія и встрѣтили турокъ ружейнымъ огнемъ и штыками. Наступившая на нихъ колонна дрогнула и попятилась назадъ; но въ это время имеретинцы были обданы градомъ вуль съ фланга. Другіе батальоны турокъ успѣли уже взобраться на тѣ части горы, которыя или вовсе не были заняты, или слабо оборонялись только передовою цѣпью. Имеретинцамъ ничего не оставалось болѣе, какъ съ честью отступать, отбиваясь отъ насѣдавшего со всѣхъ сторонъ непріятеля. Отстрѣливаясь, теряя массу людей, шагъ за шагомъ, отошли они на восточный склонъ горы и остановились у ея подошвы. Интересенъ при этомъ эпизодъ со знаменемъ. Знаменщикъ былъ убитъ; за нимъ послѣдовательно выбыли изъ строя еще нѣсколько человекъ, подхватывавшихъ эту святыню полка; наконецъ, молодому, тщедушному солдатику удалось благополучно вынести знамя изъ линіи жесточайшаго огня. Не теряя ни минуты, турки послали на Кизилтапу столько батальоновъ, сколько она могла вмѣстить.

Ружейная стрѣльба, внезапно раздававшаяся на Кизилтапѣ, взбудоражила башкадыктарскій лагерь. Сразу нельзя было разобрать, въ чемъ дѣло; многіе думали, что турецкая кавалерія прорвала наши аванпосты, чтобы возбудить тревогу; но ружейные залпы слышались чаще и чаще; наконецъ, къ нимъ присоединились и пушечные выстрѣлы. Ясно было, что на Кизилтапѣ что-то неблагополучно.

Командиръ имеретинцевъ выдвинулъ впередъ остальные два, быстро собравшіеся батальона своего полка, въ ожиданіи приказанія (въ сороковой дивизіи полки имѣютъ по три батальона, по пяти ротъ въ каждомъ; въ кавказскихъ же полкахъ имѣется по четыре батальона, изъ четырехъ ротъ); но приказаніе не приходило. На свой страхъ, имеретинцы двинулись по направленію выстрѣловъ, на выручку своего

батальона, занимавшего Кизилтапу. Они надѣялись, что поражение относительно того, что имъ дѣлать, достигнетъ ихъ на дорогѣ; но они не получили его даже и въ то время, когда подошли на ружейный выстрѣлъ къ горѣ. Тутъ ужъ вполнѣ очевидно стало, что турки заняли Кизилтапу. Чтобы развѣдать, что случилось съ ихъ батальономъ, часть имеретинцевъ выдвинулась еще ближе и, наконецъ, вошла въ связь съ остатками его, спустившимися, какъ сказано, на восточную сторону Кизилтапы.

Точно также, по направленію выстрѣловъ, двинулись къ Кизилтапѣ и два батальона владикавказцевъ. На дорогѣ догналъ ихъ полковникъ Романовичъ, посланный изъ Кюрюк-Дара еще наканунѣ, чтобы принять начальство надъ частями, которымъ предписано было занять и охранять Кизилтапу. Порученіе, возложенное на полковника. Романовича, кончилось, однако, прежде, чѣмъ началось: гора, которую ему приказано было охранять, находилась уже въ рукахъ непріятеля. Полковнику Романовичу оставалось теперь только попробовать отбить ее у турокъ. Съ этою цѣлью онъ предположилъ постепенно штурмовать гору, начиная съ болѣе доступной, менѣе высокой ея части, занявъ которую перейти на среднюю, а потомъ уже выбить турокъ съ самой высокой, западной возвышенности Кизилтапы. Планъ полковника Романовича одобренъ былъ подъѣхавшимъ въ это время къ владикавказцамъ начальникомъ штаба башкадыкларскаго отряда, полковникомъ Маламоу. Объяснивъ батальоннымъ командирамъ цѣль и планъ предположеннаго движенія, полковникъ Романовичъ двинулъ батальоны владикавказскаго полка впередъ, обстрѣливая засѣвшаго на горѣ непріятеля и обходя ее съ восточной стороны. Въ то же время, выѣхавшая на позицію батарея подполковника Мусхелова стала забрасывать турокъ гранатами съ фронта. Подойдя къ первой возвышенности, владикавказцы смѣло полѣзли на штурмъ и выбили турокъ. Прежде всѣхъ достигла ихъ 16-я рота, а впереди нея первый бросился на занятые турками завалы офицеръ Абраменко. Послѣ этой удачи, владикавказцы утвер-

дились на восточной части Кизилтапы и, чтобы приготовить штурмъ средней возвышенности, стали обстрѣливать ее съ только-что занятаго гребня.

Въ то время, какъ все это происходило на лѣвомъ нашемъ флангѣ, въ центрѣ, по направленію къ Суботану, также завязался бой. вмѣстѣ съ тѣмъ, принимались мѣры къ содѣйствію башкадыкларскому отряду въ попыткѣ его снова завладѣть Кизилтапоу. Съ этою цѣлью отрядъ генерала Комарова направился къ западной сторонѣ ея, имѣя въ виду отрѣзать засѣвшихъ на горѣ турокъ отъ ихъ главныхъ силъ или, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать подходу подкрѣпленій. Тифлисскому гренадерскому полку приказано было пойти на помощь владикавказцамъ и имеретинцамъ. Наконецъ, генералу Девелю, бывшему уже за Арпачаемъ, у Кизилкилissy, послано было увѣдомленіе о сдѣланномъ турками нападеніи, съ предложеніемъ возвратиться на нашъ лѣвый флангъ, если только это не будетъ противно полученнымъ имъ, непосредственно отъ великаго князя главнокомандующаго, приказаніямъ.

Колонна генерала Комарова, имѣя въ виду обойти Кизилтапу и засѣвшихъ на ней турокъ съ западной стороны, направилась къ оврагу и протекающей въ немъ небольшой рѣчкѣ Маврякъ-чай, между селеніями Кильверонъ и Суботанъ. Здѣсь, начальникъ колонны г. Комаровъ былъ вскорѣ раненъ: пуля попала въ грудь, но, по счастью, ударились въ обрзокъ и, скользнувъ по немъ, разрѣзала не глубоко грудь между реберъ.

Заступившій его мѣсто полковникъ Гурчинъ послалъ приглашеніе бывшей на правомъ его флангѣ 2-й гренадерской бригадѣ, оказать содѣйствіе колоннѣ генерала Комарова; при этомъ полковникъ Гурчинъ особенно просилъ о присылкѣ батареи. Вторая гренадерская бригада находилась, однако, въ это время не въ такомъ положеніи, чтобы подавать помощь другимъ. Тифлисскій полкъ направленъ былъ, какъ сказано, на лѣвый флангъ, къ башкадыкларскому отряду; оставшійся же мингрельскій полкъ имѣлъ уже жаркое

дѣло съ турецкими колоннами у Суботана; въ то же время показались свѣжія турецкія войска, спускавшіеся отъ Большой Ягны и еще дальше густыя колонны непріятеля двигались по направленію отъ горы Малая Ягна. Нашему правому флангу угрожала опасность. Мингрельцы вынуждены были завернуть свой правый флангъ назадъ. При нихъ оставалась только одна батарея; тѣмъ не менѣе, половина ея отправлена была въ распоряженіе полковника Гурчина.

Тифлисы, между тѣмъ, подошедши къ Кизилтапъ и узнавъ, что владикавказцы уже заняли восточную ея оконечность, выдвинули одинъ свой батальонъ прямо на главную возвышенность, а другимъ смѣнили владикавказцевъ. Они готовились уже предпринять общій штурмъ Кизилтапы, какъ получено было приказаніе пріостановиться. Причиной, вызвавшей это приказаніе, было обходное движеніе турокъ противъ нашего праваго фланга, предпринятое въ значительно превосходныхъ силахъ. Опасность, очевидно, была очень велика, потому что отдано было приказаніе снять кюрюк-дарскій лагерь и отступить обозамъ въ вагенбургъ, устроенный нѣсколько верстъ позади, на укрѣпленной возвышенности; всѣ же свободныя войска двинуты на правый флангъ, въ томъ числѣ одна гренадерская бригада (эриванскій и грузинскій полки) и два полка 40-й пѣхотной дивизіи.

Турки наступали смѣло, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходило даже до штыковъ. Такъ, напримѣръ, стрѣлковыя роты мингрельскаго полка, разсыпанныя въ цѣпи, наткнулись на колонну арабистанцевъ, незамѣтно подошедшую благодаря пресѣченной мѣстности. Арабистанскіе батальоны, кажется, въ первый разъ еще, въ нынѣшнюю войну, сталкивались лицомъ къ лицу съ нашими войсками. Эти смуглые, здоровые люди, одѣтые въ красивые мундиры съ шинелью черезъ плечо, всегда считались лучшими войсками въ Малой Азіи. Они, главнымъ образомъ, защищали Шоракскія высоты во время несчастнаго приступа 17-го сентября 1855 года. Ихъ оригинальный видъ не смутилъ, однако, стрѣл-

ковъ мингрельскаго полка. Съ помощью подоспѣвшей роты 3-го батальона, они ударили въ штыки и отбросили арабистанцевъ, положивъ громадное число ихъ на мѣстѣ. Нѣсколько значковъ, ружей, рожковъ и различныхъ частей аммуниціи остались въ рукахъ мингрельцевъ въ видѣ трофеевъ. Попадады никому не было. Еще раньше, одинъ мингрелецъ былъ тяжело раненъ въ Суботанѣ; вытѣсненные превосходнымъ числомъ турокъ, забравшіеся слишкомъ далеко, охотники должны были отходить быстро; несшіе раненаго отставали, турки настигали. „Бросьте меня, братцы, говоритъ раненный:—все равно мнѣ пропадать; вы хотя уйдете“. Послушались, бросили. Нѣсколько минутъ простояли несшіе надъ товарищемъ, отстрѣливаясь, но пришлось отступить. Едва они сдѣлали сто шаговъ, какъ раздался стонъ: то подоспѣвшіе турки подняли на штыки нашего раненаго. Вотъ за что мингрельцы отстали на арабистанцахъ!

Смѣлое движеніе турокъ было остановлено по всей линіи. Обѣ стороны оставались на своихъ мѣстахъ, поддерживая артиллерійскій огонь и ружейную перестрѣлку. Турки не рѣшались возобновлять нападеніе; мы не наступали, поджидая отрядъ генерала Девеля.

Я говорилъ уже, что колонна генерала Девеля была за Арпачаемъ, у Кизилкилисы, когда ее настигло извѣстіе, что гора Кизилтапа очутилась въ рукахъ турокъ. Генераль Девель имѣлъ категорическое приказаніе идти, какъ можно спѣшнѣе, въ эриванскій отрядъ; теперь же онъ получилъ приглашеніе, если можно, вернуться назадъ и помочь александропольскому отряду. Генераль Девель не рѣшился уклониться отъ боя и поспѣшилъ назадъ, на выстрѣлы. Рѣка Арпачай у Кизилкилисы и далѣе, до самаго впаденія ея въ Араксъ, пробѣгаетъ по очень глубокому дну страшно обрывистаго оврага; единственно возможная переправа для артиллеріи и обоза находилась позади, у Кигяча. Чтобы не терять времени, генераль Девель направилъ артиллерію и обозъ къ Кигячу, а самъ съ семью батальонами переправился кое какъ у Ани. Часовъ въ десять или одиннадцать утра,

колонна генерала Девеля показалась ужъ за Учтапою и приближалась къ Инахтапеси. Генераль Девель послалъ въ корпусный штабъ извѣщеніе о своемъ прибытіи и просилъ прислать хоть одну батарею, такъ какъ артиллерія его отряда не могла подоспѣть къ бою, направившись окружнымъ путемъ, черезъ переправу у Кигяча.

Между тѣмъ, въ корпусномъ штабѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали колонны генерала Девеля. Наконецъ, около двухъ часовъ дня, пришло извѣстіе о прибытіи ея и просьба о присылкѣ батареи. Дивизіонъ драгунъ сѣверскаго полка съ 4-ю батареей гренадерской бригады отправленъ былъ въ отрядъ генерала Девеля; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ увѣдомлялся, что съ наступленіемъ ночи предполагается возобновить нападеніе, чтобъ отбить Кизилтапу, причемъ генераль Девель долженъ былъ дѣйствовать на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Но черезъ нѣсколько времени всѣ узнали, что отрядъ генерала Девеля ушелъ назадъ, къ переправѣ черезъ Арпачай у Кигяча, не дождавшись посланной ему батареи. Этому отступленію приписываютъ окончательный неуспѣхъ дѣла 13-го августа. Я разспрашивалъ, однако, по этому поводу многихъ лицъ изъ штаба генерала Девеля; по объясненіямъ ихъ, эпизодъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Подходя къ лѣвому флангу нашихъ войскъ, колонна генерала Девеля, не имѣя артиллеріи, утомленная быстрымъ переходомъ и трудною переправою, вынуждена была сдѣлать привалъ; на встрѣчу отряду не было выслано какой нибудь небольшой части кавалеріи, которая вошла бы съ нимъ въ связь и выяснила бы обстоятельства происходящаго впереди дѣла; не было также послано генералу Девелю никакого приказанія, что долженъ дѣлать его отрядъ, какое назначеніе желаютъ ему дать въ данный моментъ хода сраженія, тѣмъ болѣе, что въ это время у Кизилтапы происходилъ безрезультатный обмѣнъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ и главный интересъ боя сосредоточивался на крайнемъ правомъ флангѣ, удаленномъ, по крайней мѣрѣ, на 20 верстъ отъ того мѣста, гдѣ находился отрядъ генерала

Девеля. Мало того, отрядъ этотъ встрѣченъ былъ нѣсколькими выстрѣлами со стороны нашей конной артиллеріи, которая, подъ прикрытіемъ части кавалеріи, быстро удалилась отъ колонны генерала Девеля, очевидно, принимая ее за непріятеля. Это обстоятельство еще болѣе доказывало, что отряда генерала Девеля не ждали, не предупредили войска лѣваго фланга о возможности появленія его и не предназначили ему никакой опредѣленной роли въ происходившемъ боѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ, генераль Девель вынужденъ былъ приостановиться и послать узнать, что долженъ онъ дѣлать и могутъ ли ему дать батарею, безъ которой онъ не могъ вступить въ сраженіе? Нѣсколько часовъ прошло въ томительномъ ожиданіи отвѣта. Наконецъ, генералу Девелю доставляютъ записку начальника корпуснаго штаба, въ которой извѣщалось, что турки, въ превосходныхъ силахъ, напираютъ на нашъ правый флангъ, что, въ виду этого, оба наши лагеря сняты и предполагается отступить отъ Башкадыклара и Кюрюкъ-Дара. Считая эту записку отвѣтомъ на посланный запросъ и замѣчая, изъ ея содержанія, что сраженіе нужно полагать конченнымъ, генераль Девель рѣшилъ возвратиться къ переправѣ черезъ Арпачай. Необходимо припомнить, что наступленіе свое на соединеніе съ главными силами корпуса генераль Девель предпринималъ на свой страхъ, не имѣя на то прямого приказанія; возвращаясь къ Арпачаю, онъ снова входилъ въ ту роль, которая ему была предназначена распоряженіемъ главной квартиры, т. е. могъ на другой день продолжать движеніе въ эриванскій отрядъ; наконецъ, въ случаѣ дѣйствительнаго отступленія нашихъ главныхъ силъ отъ Кюрюкъ-Дара и Башкадыклара, положеніе отряда генерала Девеля на ближайшей къ непріятелю переправѣ черезъ Арпачай могло оказаться очень выгоднымъ.

Какъ ни уважительны эти причины, но въ дѣйствительности оказалось, что полученная генераломъ Девелемъ записка не должна была служить отвѣтомъ на его вопросъ. Не знаю, всегда ли соблюдается у насъ правило, такъ мно-

го принесшее пользы во время французско-нѣмецкой войны: обозначать съ точностью число, часъ, даже минуты на тѣхъ запискахъ, которыя содержатъ какое нибудь приказаніе, донесеніе или вопросъ? Во всякомъ случаѣ, очевидно, записка начальника корпуснаго штаба и увѣдомленіе генерала Девеля о прибытіи его отряда расминулись въ дорогѣ, отчего и произошло недоразумѣніе. Когда приказаніе о предполагавшемся, ночномъ нападеніи было отправлено и 4-я батарея послана къ генералу Девелю, отрядъ его возвращался уже назадъ. Только ночью на бивуакѣ у Кигяча, получилъ, наконецъ, генераль Девель это приказаніе. Выполнить его уже было невозможно и по позднему времени, и по усталости войскъ.

Такъ кончилось дѣло 13-го августа. На лѣвомъ флангѣ гора Кизилтапа осталась въ рукахъ непріятеля; удачное начало штурма ея не было доведено до конца. Оно было приостановлено вслѣдствіе опасеній, возбужденныхъ смѣлымъ наступленіемъ турокъ на нашъ правый флангъ, когда возникло даже предположеніе отступить отъ Кюрюкъ-Дара. Оно не было возобновлено вечеромъ, благодаря недоразумѣніямъ, обрекшимъ отрядъ генерала Девеля на безцѣльное, напрасное шатаніе впередъ и назадъ. На правомъ флангѣ дѣло ограничилось отраженіемъ натиска турокъ. Очень вѣроятно, что турки, довольствуясь успѣшнымъ занятіемъ и удержаніемъ Кизилтапы, не имѣли побужденія къ продолженію боя; еслибъ съ нашей стороны возобновлена была атака Кизилтапы, турки не остались бы въ бездѣйствіи на правомъ флангѣ.

Во всякомъ случаѣ, ровно черезъ два мѣсяца послѣ зевинскаго сраженія, мы снова проиграли битву. 13-е число не везетъ. 13-го іюня отражено было наше нападеніе и открыта была дорога корпусу Мухгара-паши къ Карсу; 13-го августа уже мы играли оборонительную роль и, не смотря на это, туркамъ удалось завладѣть частью нашей позиціи и потому расположиться у подошвы Аладжи, спустившись съ неудобныхъ, по времени года, высотъ. Нашъ авангардный ла-

герь былъ отведенъ нѣсколько назадъ и расположился у Огузлы; въ Башкадыкларѣ остались одни аванпосты, такъ какъ мѣстность эта обстрѣливалась съ Кизилтапы, которую турки не замедлили укрѣпить самымъ основательнымъ образомъ.

По поводу дѣла 13-го августа нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о нашей прекрасной артиллеріи. По общему говору войскъ, по отзывамъ самихъ артиллеристовъ, нельзя не сознаться, что наша многочисленная, храбрая, отлично стрѣляющая артиллерія не играетъ здѣсь, къ сожалѣнію, той роли, которая ей по праву должна принадлежать въ сраженіяхъ. Изъ описанія зевинскаго боя было уже видно, что мы не воспользовались превосходствомъ нашей артиллеріи и по числу орудій, и по качеству личного ея состава; 13-го іюня только одна батарея (4-я) могла оказать серьезное содѣйствіе нѣхотѣ. Въ дѣлѣ 6-го іюля артиллерія удачно дѣйствовала только на нашемъ правомъ флангѣ, въ отрядѣ генерала Комарова. Въ послѣднемъ сраженіи, 13-го августа, повторилось то же самое, хотя и въ другой формѣ: на этотъ разъ колонія генерала Комарова пришлось чувствовать недостатокъ въ артиллеріи, она „занимала“, выпрашивала орудія у 2-й гренадерской бригады, у которой ихъ также было неизобильно, такъ какъ при ней находилась лишь одна батарея. Противъ Кизилтапы дѣйствовала весь день одна только батарея подполковника Мусхелова; еще далеко до окончанія сраженія, изъ ея восьми орудій могли продолжать огонь только три; въ остальныхъ пяти, вслѣдствіе учащенныхъ выстрѣловъ и, вѣроятно, благодаря недостаткамъ конструкціи, испортились кольца, предохраняющія отъ прорыва газовъ; можетъ быть, не такъ выражаюсь, но, во всякомъ случаѣ, изъ этихъ пяти орудій нельзя уже было ничего сдѣлать. Между тѣмъ, у насъ здѣсь находится значительно болѣе ста полевыхъ орудій!.. По этому поводу здѣсь часто вспоминается одинъ изъ героевъ кавказскихъ войнъ, генераль Бриммеръ, который, въ качествѣ начальника артиллеріи, умѣлъ такъ прекрасно ею пользоваться. Извѣстно, что знаменитое сраженіе подъ Кюрюкъ-Дара, въ 1854 году, выиграно благодаря распорядительности

генерала Бриммера. Въ рѣшительную минуту, когда турки пробовали обойти нашъ флангъ, онъ сосредоточилъ почти всю артиллерію противъ ихъ центра, благодаря чему наши сравнительно, малочисленные силы могли прорвать турецкія линіи и разгромить ихъ наголову. Теперь, когда намъ приходится дѣйствовать на тѣхъ же мѣстахъ, когда мы имѣемъ подъ рукою гораздо большее число орудій, нельзя не указать и на этотъ поучительный примѣръ изъ исторіи прежнихъ войнъ. Съ другой стороны, довольно странно напоминать о роли артиллеріи въ сраженіяхъ, послѣ франко-прусской войны, послѣ того, какъ наши специалисты столько разъ, и печатно, и устно, твердили, что въ настоящее время участь сражений зависитъ отъ артиллеріи, которая „подготавливаетъ бой“...

На другой день послѣ сраженія 13-го августа, въ Кюрюкъ-Дара внезапно прибылъ великій князь главнокомандующій. Въ числѣ сопровождавшихъ его лицъ главной квартиры находится генераль Обручевъ, не такъ давно прибывшій изъ Петербурга. Съ тѣхъ поръ великій князь не покидаетъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса и съ 14-го августа принялъ эти войска въ непосредственное свое командованіе. Отрядъ генерала Девеля возвращенъ съ пути его въ Эриванскую губернію; мало того, изъ отряда генерала Тергукасова возвращены тверской драгунскій полкъ и горско-моздокскій казачій; вѣроятно, вернется и часть отосланной туда пѣхоты изъ полковъ 39-й дивизіи. Генераль Тергукасовъ не воспользовался очень значительнымъ подкрѣпленіемъ его отряда и, попрежнему, занималъ оборонительное положеніе противъ Измаила-паши.

17-го августа, кюрюкъ-дарскій лагерь и вообще главныя силы дѣйствующаго корпуса измѣнили свое расположеніе. Около Кюрюкъ-Дара стоитъ часть кавалеріи; гренадерская дивизія занимаетъ Караалъ и мѣстность у его подошвы; тутъ же помѣщается главная квартира и корпусный штабъ. Далѣе линія нашего расположенія идетъ на Огузлы, Байрахтаръ до горы Учътапы включительно. Эта гора, точно также какъ и гора Караалъ, укрѣплены. Такимъ образомъ

мы сблизили нѣсколько наши силы, оставили мысль объ усиленіи эриванскаго отряда насчетъ Александрополя и прочно укрѣпили наши фланги. При такихъ условіяхъ мы можемъ спокойно ожидать прибытія новыхъ войскъ, находящихся уже въ пути; дѣла 6-го и 13-го августа, можно надѣяться, не повторятся.

Духъ войскъ, не смотря на неудачи, отличный; они горятъ нетерпѣніемъ отмстить туркамъ и только сожальютъ, что до сихъ поръ дѣла кончались приказомъ объ отступленіи. „Только начнетъ наша брать верхъ, сейчасъ отступать велятъ, ужъ коли идти, такъ идти“, говорятъ солдаты. Дѣйствительно, мы растеряли очень много силъ, избѣгая рѣшительнаго сраженія. Я ужъ писалъ о потерѣ во время „диверсіи“ 6-го августа. Вотъ свѣдѣнія о нашей убыли 13-го августа: убито офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 237, ранено и контужено офицеровъ 37 (въ томъ числѣ генералы князь Чавчавадзе, начальникъ кавалеріи, и Комаровъ) и нижнихъ чиновъ 712; всего потери 994 человекъ. Главная убыль приходится, безъ сомнѣнія, на имеретинскій полкъ, батальонъ котораго долженъ былъ выдержать внезапное нападеніе турокъ на Кизилтапу. Имеретинцы потеряли: убитыми четырехъ офицеровъ и 168 нижнихъ чиновъ, ранеными 9 офицеровъ и 216 нижнихъ чиновъ. Наибольшая затѣмъ убыль убитыми и ранеными падаетъ на владикавказскій и мингрельскій полки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Тревога 1-го сентября.

Сегодня чуть свѣтъ разбудили насъ пушечные выстрѣлы. Знакомый гулъ ихъ пріятно возбуждалъ нервы и призывалъ къ дѣятельности. Въ послѣдній разъ вскочилъ я на коня и поскакалъ въ Огузлы, по направленію которыхъ слышалась канонада и гдѣ расположенъ бывшій нашъ авангардный лагерь. Великій князь, главная квартира, корпусный штабъ— всѣ уже уѣхали на ближайшую высоту Караяла. Я замѣшился, поджидая другихъ корреспондентовъ, и теперь на-веретывалъ разстояніе и время, давъ полный ходъ лошади. Густой, осенній дождь, лившій всю ночь, не переставалъ и теперь. Сквозь него, какъ черезъ сѣть, бросилъ я прощальный взглядъ на возвышенности, на которыхъ, другъ противъ друга, стояли нашъ и непріятельскій лагери. Разрывчатые, дымчатого цвѣта облака низко ходили вокругъ горъ. Не смотря на это, ясно виднѣлась Учътапа, съ ея полевыми укрѣпленіями, возведенными нами въ послѣднее время, послѣ дѣла 13-го августа. Далѣе виднѣлась рогатая возвышенность, которая издали казалась рядомъ съ Учътапою, но которая, какъ я хорошо зналъ, была на той сторонѣ Арпачая, противъ Ани, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, восьми

верстъ отъ Учътапы *). Правѣе, темною полоскою, тянулись Аладжинскія высоты, прорѣзанныя тамъ и сямъ турецкими траншеями и батареями. Но непріятельскія палатки не пестрѣли уже на Аладжѣ. Послѣ удачнаго для турокъ дѣла 13-го августа, они спустили свои лагери съ высотъ и расположились впереди ихъ, на плоскости, воздвигнувъ новую линію оборонительныхъ укрѣпленій. На правомъ ихъ флангѣ опорными пунктами служатъ имъ двѣ горы: Инахтапеси и Кизилтапа, которую мы такъ несчастно упустили изъ своихъ рукъ въ злополучную ночь съ 12-го на 13-е августа. Эти двѣ горы превосходно укрѣплены турками и служатъ естественными бастіонами, которые потребуютъ много крови, въ случаѣ наступленія на непріятельскій лагерь.

Въ ночь на 26-е августа, охотники изъ дагестанцевъ и Самать съ своею безпардонною командою карапаховъ произвели очень удачное нападеніе на турецкій лагерь, стоявшій позади Инахтапеси. Ворвавшись въ лагерь и производя страшный переполохъ, охотники усакали назадъ. Опомнившаяся, наконецъ, турецкая кавалерія пустилась преслѣдовать горсть смѣльчаковъ, но нарвалась на засаду дагестанцевъ и пѣхоты. Встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ, турки еще быстрѣе удрали во свояси, потерявъ, говорятъ, не менѣе 80-ти человекъ. У насъ легко ранены шесть охотниковъ и выбыло нѣсколько лошадей. Въ числѣ раненыхъ находится и удалой Самать **). Я видѣлъ его на другой день. Онъ и не думаетъ уходить въ госпиталь и лечится самъ. „Я самъ докторъ“, сказалъ мнѣ Самать. Дѣйствительно, между горцами и татарами имѣются превосходные знатоки по части леченія ранъ. Самать уже заслужилъ второй георгіевскій крестъ, чѣмъ очень гордится. Онъ со-

*) Слово „учъ“—значить три; дѣйствительно, гора эта состоитъ изъ трехъ связанныхъ одна съ другою возвышенностей.

**) Я писалъ уже, кто такой этотъ Самать, когда говорилъ о томъ, какъ зачастую пополняются ряды карапаховъ и какіе сказочные разбойники иногда попадаютъ между ними.

всѣмъ еще молодой человѣкъ, атлетическаго сложенія. Въ лицѣ его выражается много ума; каждый жестъ его обнаруживаетъ силу и энергію. Нужно было видѣть съ какимъ комическимъ видомъ онъ просилъ меня не называть его разбойникомъ. „Право, я не разбойникъ“, говорилъ онъ мнѣ. Я пожалъ ему руку и общалъ пріѣхать „на пловъ“, какъ онъ приглашалъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось выполнить это обѣщаніе.

Отъ Караяла турецкій укрѣпленный лагерь тянется черезъ Суботанъ и Визинкѣй. На лѣвомъ флангѣ турки имѣютъ такіе же два естественные бастіона, какъ и на правомъ. Это знакомые уже читателямъ горы Большая и Малая Ягны, причемъ Малая довольно сильно загибаетъ линію турецкаго расположенія къ сѣверу. Мнѣ кажется, что подробности эти не будутъ излишни, въ виду ожидающихся событий на малоазійскомъ театрѣ войны, какъ только подойдутъ туда подкрѣпленія. Кстати сказать, у турокъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, находится, противъ нашихъ главныхъ силъ, до 56,000 одной пѣхоты, низама и редифа; вообще, на малоазійскомъ театрѣ войны непріятель успѣлъ собрать до 140 батальоновъ (среднимъ числомъ 600 человѣкъ въ батальонѣ) и до 20,000 кавалеріи, считая тутъ курдовъ, черкесовъ, савари и проч. Сверхъ того, милиціи насчитываютъ болѣе 30,000. Полевыхъ батарей полагаютъ у нихъ не менѣе 32, въ восемь орудій каждая. Крѣпостныхъ орудій въ Карсѣ находились 280, а въ Эрзерумѣ до 300. Судя по тѣмъ орудіямъ, которыя взяты были въ Ардаганѣ, крѣпостная артиллерія турокъ находится въ лучшемъ состояніи, нежели наша. Подъ словомъ „наша“ я разумѣю, конечно, только осадный артиллерійскій паркъ кавказскаго военнаго округа.

Изъ всего этого видно, что нашимъ войскамъ въ Малой Азіи предстоитъ не легкая задача. Хотя турки, какъ сказано, и спустились съ высотъ, но стоятъ въ сильно укрѣпленномъ лагерѣ. За спиною ихъ находятся оставленные ими укрѣпленія въ горахъ, которыя, во всякомъ случаѣ, могутъ представить сильную оборону, если съ первой позиціи они и

будутъ сбиты. Далѣе опорнымъ пунктомъ имъ служить такая первоклассная крѣпость, какъ Карсъ.

Учащенная канонада и ружейная пальба, раздавшіяся въ утро 1-го сентября, оказались, однако, незначительнымъ дѣломъ. Въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Лазарева произведена была рекогносцировка праваго крыла турецкихъ позицій *). Наши доходили до Аладжинскихъ высотъ и потомъ возвратились въ лагерь. Выбыло при этомъ изъ строя до 28-ми человѣкъ. Пушки гремѣли усердно на Учътапѣ и на Кизилтапѣ, но безвредно для обѣихъ сторонъ. Напрасно измокнуть, я нагналъ штабъ и вернулся съ нимъ на Караяла.

Какъ ни привлекательна была мысль о возвращеніи домой, въ условія обычной, мирной жизни, но не безъ грустнаго чувства дѣлалъ я прощальные свои визиты. Въ лагерѣ быстро сближаешься; общія лишенія и опасности скоро сродняются. Мнѣ жаль уѣхать, не увидѣвъ въ послѣдній разъ знакомые ряды храбрыхъ гренадеръ 39-й пѣхотной дивизіи, не пожалъ руку всѣмъ тѣмъ офицерамъ, съ которыми сводила меня походная жизнь; мнѣ хотѣлось еще взглянуть на нашихъ молодцевъ драгунъ, артиллеристовъ и саперъ, или на труженическіе ряды казаковъ, на ихъ тощихъ, маленькихъ лошадемокъ. Печально было думать, что многихъ и многихъ изъ этихъ знакомыхъ и полужнакомыхъ людей никогда уже не доведется видѣть, и что многимъ изъ нихъ не суждено вернуться на родину! Я не могъ со всѣми проститься. Я желаю хоть этими строками пожелать имъ счастья и благополучія; пусть увѣрятъ они, что, живя съ ними, нельзя было ихъ не полюбить, что хотя мнѣніе „штатскаго корреспондента“, „неспециалиста“ и имѣетъ мало вѣса, но оно громче и горячѣ иныхъ „военныхъ“ и „специалистовъ“, не устанетъ утверждать, что лучше, храбрѣе и, вмѣстѣ, человѣчнѣе нашей арміи нѣтъ на свѣтѣ. Говорю это

*) Послѣ дѣла 13-го августа, генералъ Девель уѣхалъ въ эриванскій отрядъ, гдѣ находились три полка его дивизіи; начальство же надъ бывшимъ авангарднымъ лагеремъ поручено генералу Лазареву.

особенно въ виду тѣхъ „спеціалистовъ“, которые такъ упорно твердили о разложеніи нашей арміи, объ упадкѣ ея духа и дисциплины, тѣхъ „спеціалистовъ“, которые, какъ мнѣ лично довелось видѣть, и теперь не прочь проявлять свою спеціальность въ палочныхъ и кулачныхъ расправахъ, вопреки закону и дисциплинѣ, о которой такъ много кричатъ... Позвольте мнѣ также еще разъ засвидѣтельствовать этими строками о томъ гостепріимствѣ, радушіи, которыми я, какъ одинъ изъ представителей печати, встрѣчалъ въ нашей кавказской арміи. Еще разъ повторяю: войска были рады корреспондентамъ и постоянно, прямо и косвенно, выражали лишь одно желаніе — чтобъ наша печать говорила правду, одну только правду. Да, наша армія не боится гласности: стѣсненіе печати не ей на-руку.

Прощальные визиты въ штабъ носили уже иной характеръ. Тутъ многія палатки приходилось обходить и радоваться, что съ извѣстными личностями никогда болѣе не придется встрѣчаться... Одинъ изъ первыхъ визитовъ моихъ былъ къ корпусному командиру. Генералъ-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ встрѣтилъ меня съ обычною своею пріятельностью, любезно выразилъ сожалѣніе, что я покидаю армію наканунѣ важныхъ событій. Онъ казался мнѣ бодрѣе и веселѣе обыкновеннаго. Я счелъ это хорошимъ признакомъ и вышелъ отъ него съ надеждою, что наши дѣла въ Малой Азіи могутъ еще поправиться.

Говоря о послѣднемъ днѣ моемъ въ лагерѣ и передавая обязанности корреспондента другому лицу, г. Николадзе, я считалъ бы себя неправымъ передъ читателями, еслибъ не сообщилъ еще нѣсколько подробностей по поводу дѣла 13-го августа.

Наканунѣ 13-го августа, въ ряды гренадеръ возвратились изъ госпиталей нѣсколько десятковъ раненыхъ, изъ которыхъ большая часть пострадала ровно два мѣсяца назадъ, въ зевинскомъ боѣ. Ихъ приняли, конечно, радостно; вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всѣ частные начальники сдѣлали распоряженіе, чтобъ этихъ людей не назначать на службу и

не выводить въ ряды. Распоряженіе это объяснилось желаніемъ доставить выздоровѣвшимъ необходимый отдыхъ, не подвергая ихъ, безъ особой необходимости, новымъ тяготамъ службы и опасностямъ, какъ уже людямъ, свято исполнившимъ свой долгъ; къ тому же, нѣкоторые изъ нихъ, хотя и выздоровѣли, но подлежали увольненію въ отставку въ виду качества ихъ ранъ. У одного, на примѣръ, совершенно была повреждена кисть правой руки, такъ что только два или три пальца способны были двигаться. Какъ извѣстно, дѣло 13-го августа возникло неожиданно, по тревогѣ. Гренадеры поднялись и выступили въ бой ночью. Когда разсвѣло, ротные и батальонные командиры, къ удивленію своему, увидѣли, что всѣ раненные находятся въ рядахъ. Полагая, что вышло какое нибудь недоразумѣніе, приказано было вызвать ихъ и вернуть въ лагерь. Но недоразумѣнія не было: раненные добровольно пошли въ бой, выпросившись у фельдфебелей.

— Явите Божескую милость, дозвоьте остаться, говорили раненные, обращаясь къ своимъ командирамъ, такимъ тономъ, точно приказъ о возвращеніи ихъ въ лагерь равносильнъ былъ тяжелой обидѣ или наказанію.

Никакіе уговоры не подѣйствовали и просьба ихъ была уважена. Нѣкоторые изъ нихъ вторично были ранены спустя нѣсколько часовъ... Нужны ли какіе нибудь комментаріи, чтобъ выставить въ яркомъ свѣтѣ все геройство этихъ людей. Ручаюсь вамъ, однако, что громадное большинство нашихъ солдатъ считаетъ этотъ подвигъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и, при случаѣ, поступитъ такимъ же образомъ.

Безъ сомнѣнія, въ рѣдкомъ случаѣ не поступитъ такимъ же образомъ и нашъ офицеръ. Въ ряду нѣсколькихъ примѣровъ, укажу на одинъ, близко мнѣ знакомый. Отправляясь въ армію, я случайно стѣхался съ однимъ офицеромъ, изъ числа служащихъ въ собственномъ конвоѣ Его Величества. Мы вмѣстѣ пріѣхали въ Заимъ. Затѣмъ, прапорщикъ Мусаевъ (фамилія этого офицера), какъ дагестанецъ по рожде-

нію, причисленъ былъ къ одному изъ конноиррегулярныхъ дагестанскихъ полковъ и поступилъ въ составъ постоянныхъ охотниковъ. 14-го іюля, въ очень смѣлой аванпостной стычкѣ, г. Мусаевъ былъ довольно опасно раненъ. Теперь, едва выписавшись изъ госпиталя и съ невынутою пулею въ паху, г. Мусаевъ уже вернулся въ лагерь и снова просится въ охотники. Изъ разговора съ нимъ я заключилъ, что ему ужасно хочется захватить турецкую пушку. „Хотя бы замокъ снять!“ говорилъ мнѣ г. Мусаевъ.

Въ дѣлѣ 13-го августа, заслуживаетъ вниманія слѣдующій эпизодъ. Нижегородскій драгунскій полкъ, прикрывая 2-ю конную батарею кубанскаго казачьяго войска, посланъ былъ занять позицію правѣе горы Кизилтапа, въ то время уже занятой турками. Конная батарея не замедлила, конечно, открыть огонь по непріятельскимъ колоннамъ. Турецкія батареи отвѣчали, причемъ одинъ выстрѣлъ, сорвавъ крышку заряднаго ящика, воспламенилъ паклю, которою снаряды укрѣплены въ гнѣздахъ ящика. Каждую секунду слѣдовало ожидать, что ящикъ взлетитъ на воздухъ, произведя сильное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. При такихъ условіяхъ, два урядника батареи бросаются къ ящику и, подъ надзоромъ сотника батареи, Малича, принимаютъ выбрасывать и тушить горящую паклю. Благодаря такому самоотверженію и хладнокровному мужеству, несчастье было предотвращено; удачный выстрѣлъ турокъ не имѣлъ другихъ послѣдствій. Въ то же время, медикъ нижегородскаго полка, г. Кучинскій, подъ ружейнымъ огнемъ перевязывалъ раненыхъ за фронтомъ полка. При одной изъ такихъ перевязокъ, санитаръ, поддерживавшій раненаго, убитъ на повалъ; но это не остановило врача въ исполненіи его обязанностей.

Было, конечно, много и другихъ примѣровъ проявленія личной храбрости и самоотверженія въ дѣлѣ 13-го августа; но всѣхъ ихъ невозможно было собрать. Привожу эти случаи потому, что о нихъ мнѣ сообщено изъ рядовъ войскъ, непосредственно, съ просьбою предать эти подвиги, путемъ печати, „заслуженной извѣстности“.

Еще два слова. Въ дѣлѣ 13-го августа, едва ли не въ первый разъ, не чувствовался недостатокъ въ ружейныхъ патронахъ. Очевидно, обстоятельство это считается выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, потому что о немъ громко говорили въ лагерѣ: „15 часовъ сражались и 15 часовъ были патроны“. Даже въ реляціи генераль-лейтенанта Геймана упоминается объ этомъ и отдается должная дань справедливости артиллерійскому чиновнику Алексѣеву, которому было поручено передвиженіе летучихъ парковъ изъ лагеря къ мѣсту боя. Всего ружейныхъ патроновъ выпущено было въ дѣлѣ 13-го августа до 400,000, а артиллерійскихъ снарядовъ болѣе 5,000. Это даетъ нѣкоторое понятіе о силѣ огня въ нынѣшнихъ сраженіяхъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

По возвращеніи съ театра войны.

Вернувшись въ Петербургъ, я, естественно, былъ заспанъ вопросами относительно видѣннаго и пережитаго мною въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на малоазійскомъ театрѣ войны. Между этими вопросами, нѣкоторые повторяются почти съ стереотипною точностью, указывая тѣмъ самымъ, что они интересуютъ все общество. Считаю, поэтому, долгомъ сказать печатно то, что много разъ приходилось повторять устно, въ разговорахъ съ отдѣльными лицами.

Извѣстно, что кавказскія войска стали сосредоточиваться на нашей малоазійской границѣ еще съ лѣта прошлаго года, когда событія въ славянскихъ земляхъ и отношенія къ нимъ нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ заставляли Россію готовиться ко всякимъ случайностямъ. Въ то же время, начали приниматься мѣры къ обезпеченію кавказскихъ войскъ продовольствіемъ на цѣлую кампанію, въ предвидѣніи, что она можетъ начаться и въ зимнее время. Подобная предусмотрительность была очень понятна, если взять во вниманіе географическое положеніе Закавказья. Въ обыкновенное, мирное время, Закавказскій край снабжается хлѣбомъ и от-

части другими продуктами изъ Карскаго пашалыка. Безъ сомнѣнія, хлѣбъ произрастаетъ и во многихъ мѣстахъ Закавказья; такъ называемое Духоборье, т. е. пограничная мѣстность въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, гдѣ поселены наши сектанты, очень хорошо родитъ пшеницу и ячмень; но всего этого едва хватаетъ на нужды мѣстнаго населенія и недостатокъ пополняется путемъ торговли, изъ Карскаго пашалыка. Въ военное время, однако, торговля или вовсе прекращается или ограничивается до крайнихъ предѣловъ; имѣющіеся запасы могутъ легко попасть въ руки непріятеля или сдѣлаться недоступными. Благодаря отсутствію флота въ Черномъ морѣ, пресѣкается самый удобный путь, которымъ Закавказье можетъ снабжаться всѣмъ необходимымъ и недостающимъ изъ Россіи; остаются открытыми еще двѣ дороги: по одна изъ нихъ пресѣчена высокимъ горнымъ хребтомъ, съ его спѣжными завалами и земляными обвалами, а другая — черезъ Каспійское море и портъ въ Баку, слишкомъ кружна и находится въ зависимости отъ навигаціи по Волгѣ. При такихъ условіяхъ, самый простой расчетъ указывалъ, что продовольственные запасы для арміи должны быть сдѣланы заблаговременно, въ возможно большемъ количествѣ, будетъ ли война или не будетъ. Это было исполнено очень удачно и по сравнительно выгоднымъ цѣнамъ, благодаря очень удачному выбору корпуснаго коменданта, въ лицѣ генералъ-маіора Болохова, и тому влиянію, которымъ пользуется корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, между армянами, держащими въ своихъ рукахъ мѣстную торговлю. Часть скупленныхъ запасовъ была свезена въ Александрополь, Игдырь, Ахалкалаки, Ахалцыхъ и другіе пограничные пункты, а остальная оставалась еще на рукахъ торговцевъ, въ Карскомъ пашалыкѣ. Быстрый переходъ нашихъ войскъ за границу, въ первый же день объявленія войны, засталъ турокъ совершенно врасплохъ. Нетолько всѣ закупленные нами продукты остались цѣлы, но и значительные запасы сдѣланные турками, попали въ наши руки. Такимъ образомъ продовольствіемъ мы были вполне обезпечены.

Еще готовясь къ войнѣ, въ безконечно долгіе и скучные мѣсяцы выжидательнаго стоянія въ Александрополь и его окрестностяхъ, командующій корпусомъ обратилъ особенное вниманіе на пищу солдатъ. Мясная порція увеличена до 1½ фунта на человѣка и выдавалась ежедневно. Борщъ или рисовый супъ, свѣжій хлѣбъ и, наконецъ, чай дополняли пищу солдатъ. Точно также кормились войска и съ открытія военныхъ дѣйствій. Бывали, конечно, исключительные дни, во время походовъ, когда приходилось довольствоваться извѣстными ржаными сухариками; но и мнѣ случалось ими пробавляться, и, право, я грызъ ихъ или размачивалъ въ чаѣ не безъ удовольствія. Нѣсколько разъ случалось мнѣ пробовать солдатскую пищу и всякій разъ я находилъ ее очень вкусною. Большое количество хорошей, жирной говядины давало прекрасный наваръ; вынутая потомъ говядина разрѣзывалась на равныя части и пахѣвалась на палочки. Солдаты ѣли ее или въ видѣ второго блюда, или брали съ собою, чтобъ закусить часа черезъ два, на работѣ или въ походѣ. Часкъ очень любимъ войсками и въ большомъ у нихъ ходу. Для этого составляются артели, которымъ гуртомъ и выдается чай и сахаръ. По прибытіи на бивуакъ или по возвращеніи изъ караула, первое дѣло у солдатъ разложить маленькій костеръ, обложить его камнемъ и водрузить котелокъ, чтобъ заварить чай. Въ иныхъ случаяхъ, впрочемъ, вмѣсто чая, выдается водка. Нѣкоторые командиры традиціонно стоятъ за водку и не поощряютъ чаепитія въ своихъ частяхъ. Они говорятъ, что это не солдатское дѣло, отнимаетъ много времени и ведетъ къ простудамъ. Въ сырое и холодное время года, при трудныхъ переходахъ и работахъ, дѣйствительно нельзя обойтись безъ чарочки; но она можетъ служить только въ видѣ полезнаго дополненія къ чаю.

Не знаю, какъ въ другихъ отрядахъ, но въ главныхъ силахъ дѣйствующаго кавказскаго корпуса солдаты всегда хорошо кормились. Въ чемъ другомъ, можетъ быть, можно упрекнуть командующаго корпусомъ, но только не въ слабости надзора за пищею солдатъ. Сто разъ случалось мнѣ быть

свидѣтелемъ, что, здороваясь съ войсками, или встрѣчая солдата, генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ непременно спросить: „ѣли горячее?“ или „давали мясную порцію?“ и т. п. Очень понятно, что и всѣ командиры отдѣльныхъ частей заботились о солдатской пищѣ. Когда я былъ въ эриванскомъ отрядѣ, тамъ слышались жалобы по продовольственной и интендантской частямъ; говорили о большихъ, взятыхъ авансомъ суммахъ и о еще большихъ, какихъ не слыхивали въ главныхъ силахъ, справочныхъ дѣнахъ, по которымъ выводились замысловатые отчеты въ израсходованіи этихъ авансовыхъ суммъ. Спрашивалъ я тамъ и о золотѣ, которое въ значительномъ количествѣ требовалось въ отрядѣ генерала Тергукасова, но о немъ никто въ войскахъ не могъ дать никакихъ указаній, такъ какъ наши кредитки были въ такомъ же точно ходу въ эриванскомъ отрядѣ, какъ и въ главныхъ силахъ, гдѣ золото не расходовалось, чтобъ не подорвать курса кредитнаго рубля. Да и дѣйствительно надобности въ золотѣ не было. Всегда торговавшіе съ нами армяне и даже турки прекрасно знали наши кредитныя бумажки и охотно ихъ принимали. Мнѣ достовѣрныя лица говорили, что интендантъ эриванскаго отряда смѣненъ и что по поводу указанныхъ обстоятельствъ производится даже слѣдствіе.

Кавалеріи, конечно, приходилось хуже питаться, нежели пѣхотному или артиллерійскому солдату. Дальніе и быстрые переходы, аванпостная служба—все это такія условія, при которыхъ очень часто невозможно имѣть времени на приготовленіе горячей пищи. Особенно достается казакамъ. Казаки никогда, а драгуны очень часто не имѣютъ даже палатокъ и располагаются бивуакомъ. Нѣтъ сомнѣнія, еще больше достается лошадямъ. Очень часто лошади лишены ячменя, которымъ питаются онѣ въ Малой Азіи, за полнымъ отсутствіемъ овса. Ячмень, когда онъ имѣется, конечно, дается лошадямъ въ перемѣшку съ мелкоискрошенною пшеничною соломою, которая называется „саманомъ“. Это заставляетъ лучше пережевывать ячмень и дѣлаетъ его безвреднымъ. Во время моего пребыванія въ дѣйствующемъ отрядѣ,

лошади или выпускались на траву, или питались свѣжескошенной травой. Только въ послѣднія недѣли появились тамъ и сямъ въ лагерѣ стога сѣна у запасливѣхъ командировъ и снова пошелъ въ ходъ саманъ изъ пшеничной соломы новаго урожая. Большихъ запасовъ, однако, войска не могутъ дѣлать, такъ какъ, въ случаѣ похода и быстрого наступленія, все это приходится бросить. Продовольствіе лошади стоило мнѣ не менѣе 1½ рубля въ сутки; по эта дороговизна объясняется, конечно, тѣмъ положеніемъ, которое создано было для корреспондентовъ въ нашемъ штабѣ. Штабныя офицерскія лошади прокармливаются гораздо дешевле, но все же передъ моимъ отъѣздомъ замѣчались признаки, по которымъ можно заключить, что продовольствіе лошадей съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе. Карскій пашалыкъ изобилуетъ прекрасною, густою, сочною травой; полевые цвѣты такъ красивы, что случалось иногда невольно останавливаться и слѣзая съ лошади, чтобъ сорвать какойнибудь рѣдкій и никогда невиданный цвѣтокъ, который при хорошей культурѣ могъ бы служить лучшимъ украшеніемъ любой оранжереи. Бѣда, однако, въ томъ, что въ самое удобное для сѣнокоса время мы были оттѣснены далеко къ предѣламъ границы и оставили лучшія сѣнокосныя мѣста во власти Мухтара-паши. Корпусный интендантъ говорилъ мнѣ, однако, что продовольствіемъ и провіантомъ армія обезпечена—часть до поября, часть до декабря. Послѣ того придется ждать продовольственныхъ продуктовъ изъ Россіи, такъ какъ мѣстныхъ средствъ далеко не хватитъ для обезпеченія арміи до новаго урожая. Продолжится или не продолжится война до будущаго года, во всякомъ случаѣ, заготовки придется сдѣлать. Во что это обойдется, можно судить изъ того, что за доставку по военнотурецкой дорогѣ, отъ Владикавказа до Тифлиса, на протяженіи менѣе 200 верстъ, и теперь ужъ платятъ 99 коп. и даже 1 рубль съ пуда. Такимъ образомъ, изъ Владикавказа до Александрополя одна доставка хлѣба обойдется не менѣе 2½ и 3 рублей съ пуда. Вотъ что значитъ отсутствіе желѣзной дороги...

Другой вопросъ, предлагаемый почти каждымъ, относится къ санитарной части. Отвѣтъ на него не трудно угадать, имѣя свѣдѣнія о состояніи продовольствія. Сытый человекъ легче переноситъ всѣ труды и лишения боевой жизни. Санитарное состояніе нашихъ войскъ въ Малой Азіи, въ лѣтнюю кампанію, можно назвать блестящимъ. На полкъ приходилось, напримѣръ, не болѣе 50-ти человекъ больныхъ. Во время походовъ мнѣ почти не случалось видѣть отставныхъ. Страдали только многіе отъ недостатка воды и отъ солнечнаго жара. Даже и въ лагерной стоянкѣ, въ большинствѣ случаевъ, вода была драгоцѣнною вещью. Почти всѣ малоазіатскія рѣчки текутъ въ глубокихъ оврагахъ, спускъ и подъемъ въ которые очень великъ и стоитъ немалого труда. Жаль было видѣть солдатиковъ, какъ они плетутся съ своими манерками по такимъ крутизнамъ, среди страшной лѣтней жары, когда и по ровному мѣсту двигаться тяжело. Только въ послѣднее время догадался, наконецъ, завести бочки или тулуки. Тулуки—это очень удобная вещь. Первый разъ я видѣлъ ихъ въ Тифлисѣ. Это кожаные мѣха съ длиннымъ рукавомъ, которые надѣваются по обѣ стороны лошади, какъ вьюки. Бочка можетъ разсохнуться, тяжела и неповоротлива; лошадь же съ тулуками вездѣ пройдетъ. Тулуки очень полезная вещь въ походахъ, и хорошо было бы завести ихъ въ каждой ротѣ. Тутъ одинъ человекъ можетъ набрать столько воды, что хватитъ на всѣхъ; люди не утомляются въ безконечной носкѣ воды съ дальняго разстоянія и не вынуждены таскать ее въ манеркахъ на спинѣ во время переходовъ.

Въ послѣднія недѣли, въ войскахъ начали, однако, усиливаться болѣзни, особенно диссентерія. Объясняется это, главнымъ образомъ, климатическими условіями. Становится холодно, желудокъ легко застуживается. Въ отрядѣ генерала Тергукасова и въ этомъ отношеніи хуже. Диссентерія довольно сильна и случаи заболѣванія изнурительною лихорадкою очень часты. Госпитали общества „Краснаго Креста“ и военновременные находились въ отличномъ состояніи, какъ я уже говорилъ. Мнѣ лично больные выражали самыя горячія

чувства благодарности, которые они питаютъ къ врачамъ и сестрамъ милосердія. Но пока раненаго доставить въ госпиталь, ему немало, однако, придется натерпѣться, благодаря отсутствію удобныхъ перевозочныхъ средствъ. Съ другой стороны, самые неудовлетворительные отзывы слышались о состояніи госпиталей въ Тифлисѣ и Владикавказѣ. Между прочимъ, жаловались на крайній недостатокъ врачей и санитарнаго персонала.

Третій вопросъ касается дисциплины и состоянія духа арміи. Неизвѣстно почему, многіе опасаются, что духъ арміи упалъ и что дисциплина поколеблена цѣлымъ рядомъ неудачъ. Мнѣ кажется, что такое предположеніе не имѣетъ даже основанія, если взять во вниманіе присущій русскому народу характеръ и его исторію. Неудачи, обыкновенно, закалили насъ, дѣлали лучшими, уничтожали распущенность, отрезвляли, заставляли совершать чудеса, создавали героев и никогда не вели къ упадку нравственныхъ силъ, къ разложенію. Войска наши бодры и увѣрены въ себѣ; проявляется даже иногда своего рода радость, что турки дерутся лучше, нежели ожидалось; никто не сомнѣвается въ нашей силѣ, и неудачи приписываются различнымъ стороннимъ причинамъ. Если раненые охотно возвращаются въ ряды войска и чуть не насильно идутъ въ бой, то какого же еще свидѣтельства надобно, чтобъ увѣриться въ прекрасномъ духѣ нашей арміи? Что касается дисциплины, то въ этомъ отношеніи я могу указать на слѣдующій характерный фактъ: извѣстно, что для арміи существуетъ полевой военный судъ; судъ этотъ былъ и въ нашемъ отрядѣ, но какъ ему *рѣшительно нечего было дѣлать*, то черезъ нѣсколько недѣль, въ числѣ *излишнихъ тяжестей*, онъ и былъ спроваженъ въ Александрополь. Разъ только, подѣ Карсомъ, судили какого-то чеченца за побѣгъ, да и то, кажется, болѣе для препровожденія времени, потому что чеченцы бѣгали и прежде, и послѣ суда, но дѣло оканчивалось ловлею и административными взысканіями. Въ войскахъ же того убѣжденія, что еслибъ и всѣ чеченцы разбѣжались, то слѣдовало бы только

радоваться: избавились бы отъ лишняго бремени и отъ немалыхъ расходовъ на содержаніе мнимаго коннаго полка, который, того и смотри, выдастъ или убѣжитъ къ непріятелю.

Не замѣтилъ я ни пьянства, ни дракъ въ нашей арміи. Случалось, правда, иногда, что солдатъ дастъ затрещину какому-нибудь армянину, но, право, трудно удержаться даже и болѣе образованному человѣку отъ подобнаго рода „репрессалий“ при видѣ, какъ армяне нагло обираютъ съ насъ кровныя денежки за каждую ничтожную вещь, за всякую малѣйшую услугу. Вообще же войска обращаются прекрасно съ жителями и платятъ за все. Наконецъ, къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать, что кулачная расправа все еще въ ходу у нѣкоторыхъ, плохо воспитанныхъ или обурбоцившихся офицеровъ, особенно по отношенію къ деньщикамъ. Хотя подобныя выходки и несоблюденія закона и могли бы подорвать дисциплину или вызвать несовсѣмъ красивые случаи, однако я не видѣлъ ни одного примѣра этому. Во время продолжительныхъ стоянокъ, офицеры играютъ иногда въ карты; но это маленькая, перазорительная игра; ничего похожаго на то, что творилось въ эпоху крымской войны, не было замѣтно.

Хочу сказать еще нѣсколько словъ относительно разрывныхъ пуль и по поводу пребыванія въ турецкой арміи англійскаго военнаго агента, Кембаля. Объ этомъ также меня часто спрашиваютъ. Уже послѣ Ардагана и во время саганлугской экспедиціи не разъ приходилось слышать, что турки стрѣляютъ разрывными пулями. Я не рѣшался, однако, писать объ этомъ, не имѣя фактовъ. Докторъ Рейеръ, изъ Дерпта, завѣдывающій госпиталемъ мѣстнаго отдѣла „Краснаго Креста“, прямо отрицалъ существованіе разрывныхъ пуль у турокъ и говорилъ мнѣ, что ни разу у своихъ больныхъ не видѣлъ ранъ, произведенныхъ подобными пулями. Послѣ дѣла 13-го августа, однако, многіе врачи утверждали, что раны отъ разрывныхъ пуль встрѣчались въ ихъ практикѣ, и особенно положительно говорилъ мнѣ объ этомъ корпусный хирургъ г. Малининъ. Признаюсь, мнѣ самому, однажды, показалось, что послѣ паденія пули на землю происходилъ родъ

взрыва; но, быть можетъ, это были кусочки камня въ перемѣшку съ пескомъ, отскочившіе отъ удара пули; я старался отыскать такую пулю или ея осколки, но замѣтилъ только слѣдъ, который она сдѣлала по землѣ. Наконецъ, незадолго передъ моимъ отъѣздомъ изъ отряда, офицеры гренадерскаго мингрельскаго полка передали мнѣ пулю, вынутую изъ взятыхъ у турокъ патроновъ, называя эту пулю разрывною. Пуля эта хранится у меня въ цѣлости и я готовъ передать ее компетентнымъ лицамъ, для изслѣдованія. Мнѣ кажется, что, по конструкціи своей, она можетъ принадлежать къ разряду разрывныхъ пуль, но въ дѣйствительности неразрывная. Въ срединѣ, черезъ всю ось, проходитъ отверстіе, въ которое вставлена деревянная пластинка, въ видѣ затычки, затѣвленная снизу, въ основаніи пули, воскомъ. Очень можетъ быть, что отдѣльные лица въ рядахъ турецкой арміи, подъ влияніемъ раздраженія и вражды, вынимаютъ эту деревянную пластинку и начинаютъ пулю взрывчатымъ составомъ. Только такимъ предположеніемъ можно, по моему мнѣнію, согласить категорическое подтвержденіе насчетъ существованія разрывныхъ пуль въ турецкой арміи съ отсутствіемъ прямыхъ уликъ по этому предмету.

Что касается англійскаго военнаго агента, Кембали, и того участія, которое онъ, будто бы, принимаетъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ турокъ противъ насъ, то, какъ ни много я слышалъ увѣреній по этому поводу, но признать ихъ основательность рѣшительно не могу. Корреспондентъ англійской газеты „Times“, г. Форбсъ (George Forbes) и я неоднократно старались узнать и просили многихъ лицъ сообщить, на чемъ основываются подобныя рассказы, но мы получали лишь отвѣты въ родѣ того, что „это всѣмъ извѣстно“, или что „Кембали видѣли въ цѣпи, размахивающаго руками“; но, вѣдь, и мы бывали въ цѣпи и очень можетъ быть размахивали руками, однако, сколько извѣстно, турки не приписываютъ г. Форбзу или мнѣ командованія въ нашей арміи. Г. Форбсъ очень добивался узнать истину, чтобъ имѣть фактическое основаніе печатно изобличить недостойное поведеніе

англійскаго агента, еслибъ только взведенное на него обвиненіе подтвердилось; но никакихъ фактовъ по этому предмету нельзя было получить. Наконецъ, странно, что объ участіи Кембали въ командованіи турецкою арміей съ одинаковымъ азартомъ говорятъ во всѣхъ отрядахъ; не можетъ же онъ быть вездѣсущимъ! Мнѣ кажется, что подобное увѣреніе слѣдуетъ приписать все еще тому чувству и незнанію, благодаря которымъ мы полагали, что турокъ можно „шапками закидать“ и что война съ ними будетъ нѣчто въ родѣ лѣтнихъ маневровъ, только съ выгодными окладами, орденами, усиленною розничною продажей газетъ и славою вдобавокъ. А въ сущности, не все ли равно, Мухтаръ-паша или англійскій милордъ заставляютъ насъ терпѣть неудачи? Не въ нихъ, а въ насъ самихъ дѣло. Вотъ въ какую сторону слѣдовало бы и прежде, и особенно теперь обращать наибольшее вниманіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Разгромъ арміи Мухтара-пашы.

Въ послѣдней корреспонденціи изъ Малой Азіи, я упомянулъ, что прощаясь съ генераль-адъютантомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, 2-го сентября, я вышелъ изъ его палатки „обнадеженнымъ“. Дорогой, изъ лагеря на Караылъ, до Владикавказа, надеждѣ моей на лучший оборотъ дѣла на мало-азіятскомъ театрѣ войны суждено было только крѣпнуть. Я ѣхалъ на Ахалкалаки, Ахалцыхъ, Боржомъ; по всему пути встрѣчались части первой гренадерской дивизіи, присланной намъ изъ Москвы. Прежде, Москва не забыла насъ въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ воинамъ; санитарные отряды ея дѣйствовали на славу; теперь, та же Москва посылала намъ сроднившихся съ нею гренадеровъ. Московская гренадерская дивизія имѣла самый блестящій видъ. Люди — молодецъ къ молодцу; офицеры — щеголи, въ мундирахъ съ иголочки; обозъ великолѣпный; лошади точно львы, настоящія русскія лошади; въ грязи, въ бездорожьяхъ выручатъ. Батальоны шли, какъ на парадъ, сохраняли ряды. Видно, что не кавказцы, которые на походѣ не любятъ себя стѣснять. Они шли форсированнымъ маршемъ, безъ несносныхъ ранцевъ, которые везлись на арбахъ. Первый эшелонъ долженъ былъ прибыть въ Кюрюкъ-Дара 4-го или 5-го сентября. За Тифлисомъ встрѣчалась артиллерія первой гренадерской ди-

визіи, а около Владикавказа нѣсколько полковъ астраханскихъ и уральскихъ казаковъ. Длинные пики казаковъ производили непривычный эффектъ въ горахъ; терскіе и кубанскіе казаки вооружены, какъ извѣстно, только ружьями и шашками.

Всѣ эти подкрѣпленія прибыли на мѣсто въ среднихъ числахъ сентября. Рѣшительныхъ дѣйствій ждали съ минуты на минуту; мы снова были въ томъ же положеніи, какъ во второй половинѣ іюля.

Послѣднія слова будутъ прочтены съ удивленіемъ; по я настаиваю на томъ, что въ половинѣ сентября мы были въ томъ же положеніи, какъ и во второй половинѣ іюля. Въ то время нельзя было о многомъ писать; но теперь дѣло прошлое и нѣкоторыя разъясненія могутъ принести лишь пользу.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля прибыла къ нашему отряду, расположенному у Кюрюкъ-Дара и Башкадыклара, горячо ожидавшаяся 40-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллерією. Дивизія эта, изъ казанскаго военнаго округа, двигалась ужъ на Дунай; но изъ Харькова ее повернули въ Малую Азію. Она была сформирована, лѣтъ десять назадъ, на Кавказѣ; полки ея носили кавказскія названія: кутанскій, гурійскій, пятигорскій, имеретинскій; въ ней было еще много офицеровъ, служившихъ на Кавказѣ и даже уроженцевъ Закавказья; самъ начальникъ дивизіи, генераль-лейтенантъ Шатиловъ, большую часть своей службы провелъ среди кавказскихъ войскъ. Назначеніе этой дивизіи въ Малую Азію было, поэтому, какъ нельзя болѣе удачно; съ приходомъ ея, оживились всѣ надежды; въ лагерѣ ужъ говорили, что скоро Мухтара Ивановича разжалуютъ опять въ „мухтарку“. Передъ высотами Аладжи и Визинкѣя, на которыхъ стояла укрѣпленнымъ лагеремъ армія Мухтара, у насъ имѣлись въ это время слѣдующія войска: кавказская гренадерская дивизія, 39-я пѣхотная дивизія (обѣ вооруженныя берданками), 40-я пѣхотная дивизія и отрядъ полковника Комарова, состоявшій изъ владикавказскаго и севастопольскаго полковъ. Отрядъ этотъ пришелъ изъ Ардагана, куда была отдѣлена часть войскъ отъ

генерала Окложію, послѣ того, какъ ріонскій отрядъ прекратилъ свое безплодное и кровопролитное наступленіе на Батумъ и ограничился оборонительными задачами. Кромѣ того, у насъ были два саперныхъ батальона и, въ случаѣ надобности, изъ Ардагана могло быть временно притянуто еще нѣсколько стрѣлковыхъ батальоновъ. Всего, такимъ образомъ, мы имѣли до четырехъ пѣхотныхъ дивизій. Артиллеріей мы были очень богаты, имѣя до 140 орудій, въ два раза больше, нежели у турокъ. Кавалерія наша состояла не менѣе какъ изъ десяти казачьихъ полковъ и трехъ драгунскихъ: нижегородскаго, сѣверскаго и тверскаго. За исключеніемъ недавно прибывшей 40-й дивизіи, всѣ эти войска были уже закалены въ бояхъ, привыкли къ побѣдамъ и горѣли нетерпѣніемъ вымѣстить на туркахъ послѣднія неудачи. Ряды батальоновъ и эскадроновъ были пополнены недавно приведенными молодыми солдатами; продолжительная стоянка успѣла возстановить силы людей и лошадей. Въ успѣхѣ хорошо задуманнаго сраженія нельзя было сомнѣваться. Съ этой цѣлью предполагалось, между прочимъ, часть войскъ *послать въ обходъ*, сзади Аладжи, и затѣмъ, совокупными силами, прорвать слишкомъ растянутый фронтъ турокъ, ударивъ на Авліяръ и Визинкѣй, со стороны Большой и Малой Ягны, которыя не были еще заняты непріятелемъ и откуда, на рекогносцировкѣ 16-го іюля, мы имѣли возможность хорошо осмотрѣть турецкія позиціи. Какъ приговорительную мѣру, для выполненія этого плана, можно считать, что 1-я бригада 39-й пѣхотной дивизіи и саперный батальонъ выдвинуты были къ Ани, а часть 40-й пѣхотной дивизіи остановлена была не по далеку отъ переправы чрезъ Арпачай, у Кигяча, откуда эти войска могли начать свое обходное движеніе. Генераль-маіору князю Щербатову, съ летучимъ отрядомъ кавалеріи, приказано было осмотрѣть позиціи въ тылу непріятельскаго расположенія и онъ вполне благополучно выполнилъ это порученіе.

Въ это время, неожиданно для всѣхъ, центръ тяжести военныхъ дѣйствій сталъ переноситься въ эриванскій отрядъ,

имѣвшій, какъ уже теперь для всѣхъ ясно, лишь второстепенное значеніе. Расположенная у Ани, 1-я бригада 39-й пѣхотной дивизіи, съ соответственнымъ числомъ орудій, была направлена, 24-го іюня, къ Игдырю; съ нею посланы туда же тверскіе драгуны и два казачьихъ полка. 2-го августа, по тому же направленію, двинуть кубинскій полкъ той же дивизіи, а 11-го августа — остальной, елисаветпольскій полкъ, и, вдобавокъ еще, одинъ полкъ 40-й дивизіи. Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ недѣль, вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій, на которыя всѣ рассчитывали, *главныя силы* наши на малоазійскомъ театрѣ войны очутились въ меньшемъ числѣ, нежели до прихода 40-й дивизіи.

Обстоятельства, побудившія перенести центръ тяжести военныхъ дѣйствій въ эриванскій отрядъ, заключались въ слѣдующемъ. Освободивъ Баязетъ, генераль Тергукасовъ безъ боя очистилъ горные проходы, черезъ Чангильскія высоты. Измаиль-паша совершенно спокойно занялъ и укрѣпился на нихъ, перейдя, такимъ образомъ, границу и расположившись на нашей территоріи.

Въ половинѣ августа, турки пробовали накинуться на семь батальоновъ, стоявшихъ въ Игдырь; а когда, впослѣдствіи, генераль Тергукасовъ сосредоточилъ силы къ Игдырю, то турки нападали на слабый отрядъ, оставленный на нашемъ правомъ флангѣ. Однако, всегда эти нападенія были отражаемы съ большимъ урономъ для непріятеля. И такъ, эриванскій отрядъ могъ удачно сохранять оборонительное положеніе до тѣхъ поръ, пока Мухтаръ-паша былъ бы разбитъ и когда войска Измаила, этимъ самымъ, вынуждены были бы къ *поспѣшному* отступленію, *безъ боя*, какъ это случилось послѣ 3-го октября. Но занятіе непріятелемъ части нашей территоріи производило весьма невыгодное впечатлѣніе на все населеніе Кавказа и Закавказья; одна часть населенія была въ страхѣ за свою жизнь, за свое имущество, другая — поощрялась къ волненіямъ и открытымъ возстаніямъ. Если не стратегическія, то *политическія*, причины заставляли желать какъ можно скорѣйшаго изгнанія Измаила-паши съ

Чангильскихъ высотъ. Съ другой стороны, генераль Тергукасовъ требовалъ подкрѣпленій, разсчитывая съ ними разбить Измаила-пашу; прошлые дѣйствія эриванскаго отряда, извѣстныя только по военнымъ реляціямъ, не позволили въ этомъ сомнѣваться. Нанеся быстрый ударъ Измаилу-пашѣ, можно было ужъ соединенными силами наброситься на армію Мухтара; вмѣсто одного рѣшительнаго сраженія на высотахъ Аладжи, явились основанія предпочесть два: сначала съ Измаиломъ, а потомъ ужъ съ Мухтаромъ. Между тѣмъ, желанныя подкрѣпленія приходили, а Измаилъ-паша все оставался въ своей укрѣпленной позиціи, пробуя, даже, по временамъ, переходить въ наступленіе.

Такъ продолжалось до 13-го августа, когда Мухтаръ-паша, пользуясь значительнымъ ослабленіемъ нашихъ главныхъ силъ, напалъ неожиданно на Кизилтапу и, занявъ ее, заставилъ наше лѣвое крыло отодвинуться назадъ. Только своевременное возвращеніе шести батальоновъ генерала Девеля, на нашъ крайній лѣвый флангъ, помѣшало туркамъ занять 13-го августа гору Учъ-тапу, бывшую въ тылу нашихъ позицій. Все это, при угрожающемъ положеніи арміи Мухтара-пашы, заставило насъ снова какъ можно поспѣшнее сознать, что главный узелъ военныхъ операцій все таки находится у высотъ Аладжи; необходимо было опять возвратиться къ тому положенію, въ которомъ мы находились въ двадцатыхъ числахъ іюля, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживить и прежніе планы. Для этой цѣли, прежде всего, слѣдовало удержаться на нашихъ позиціяхъ, а затѣмъ стянуть подкрѣпленія къ главнымъ силамъ. Съ 16-го августа, мы прочно заняли двѣ важныя, бывшія на нашихъ позиціяхъ возвышенности — Каралъ и Учътапу и *въ первый разъ* привели свой лагерь въ оборонительное положеніе. Увидѣвъ это, Мухтаръ-паша не рисковалъ возобновлять нападеніе. Тѣмъ временемъ, силы наши возрастали. Прежде всего, возвращень съ пути въ эриванскій отрядъ генералъ Девель съ двумя полками; затѣмъ подошла изъ Москвы 1-я гренадерская дивизія; съ изгнаніемъ турокъ изъ Сухума и подавленіемъ возстанія въ Абхазіи, оттуда могло по-

дойти нѣсколько батальоновъ съ генераломъ Шелковниковымъ; наконецъ, постепенно, возвращень изъ эриванскаго отряда бакинскій полкъ 39-й пѣхотной дивизіи, а еще раньше—тверскіе драгуны и два казачьихъ полка.

Въ половинѣ сентября, мы опять обладали достаточными силами для перехода въ наступленіе противъ Мухтара-пашы. Какъ извѣстно, турки въ это время занимали выдающуюся позицію, на протяженіи 25 верстъ, впереди тѣхъ высотъ, на которыхъ они стояли лѣтомъ и съ которыхъ сошли послѣ удачнаго для нихъ дѣла 13-го августа. Опорными пунктами теперешнихъ ихъ позицій были: на правомъ флангѣ возвышенности Инахтапеси и Кизилтапа, а на лѣвомъ — Большая и Малая Ягна; все это, по обыкновенію, было сильно укрѣплено. 20-го сентября рѣшено было атаковать Большую и Малую Ягны. Въ диспозиціи было сказано, что по занятіи этихъ возвышенностей, онѣ приводятся въ оборонительное положеніе, а затѣмъ войска двигаются впередъ, чтобъ овладѣть горою Авліаръ и Визинкѣйскими высотами. Если-бъ это случилось, часть арміи Мухтара-пашы была бы отброшена къ Карсу а другая—была бы отрѣзана отъ этой крѣпости и пути отступленія къ Саганлугу. Выполненію этой задачи благоприятствовало то обстоятельство, что главные турецкія силы были сосредоточены на ихъ правомъ флангѣ, за Кизилтапою; Большая Ягна защищалась только однимъ батальономъ, а находившіеся сзади ея, верстахъ въ пяти, Авліаръ и Визинкѣй вовсе не были заняты. Къ 9-ти часамъ утра Большая Ягна была взята приступомъ; усилія же противъ горы Малая Ягны не увѣнчались успѣхомъ. Къ сожалѣнію, слѣдуя буквально диспозиціи, колонна генерала Геймана не двинулась впередъ, на Авліаръ и Визинкѣй, выжидая занятія Малой Ягны. Съ другой стороны, обходный отрядъ генерала Шелковникова, направленный было сзади Аладжи, къ Орлоку и Визинкѣю, былъ задержанъ для рискованныхъ дѣйствій въ тылу праваго фланга турокъ, гдѣ непріятель, какъ сказано, имѣлъ сильныя резервы. Генералу Шелковникову, въ виду пріостановки дѣйствій на на-

шемъ правомъ крыль, пришлось выдержать неравный бой и отступить. Вышедшія со стороны Карса войска были отражены, но туркамъ все таки удалось занять Авліяръ и Визинкѣй. Ночь пріостановила бой. На слѣдующій день, активная роль принадлежала уже туркамъ. Они пробовали напасть на нашъ лѣвый флангъ и энергически двинулись къ Караялу. Хотя эта попытка была отражена съ большимъ урономъ для непріятеля, но онъ успѣлъ перевести часть своихъ резервовъ на свой слабый пунктъ, къ Авліяру и Визинкѣю. Послѣ этого, признано было необходимымъ очистить Большую Ягню и отступить въ прежнія свои позиціи. Потеря наша простиралась до 4,000 человѣкъ, причемъ большая часть приходится на первый день боя.

Сраженіе 20 — 22-го сентября не замедлило привести хорошіи послѣдствія. И мы, и турки наглядно увидѣли, гдѣ ахиллесова пята тѣхъ позицій, которыя они такъ успѣшно занимали въ теченіе всего лѣта. Неожиданное появленіе генерала Шелковникова въ тылу ихъ позицій и то обстоятельство, что только по недоразумѣнію такія важныя высоты, какъ Авліяръ и Визинкѣй, не были нами заняты 20-го сентября, заставило Мухтара-пашу позаботиться о болѣе надежномъ обезпеченіи этихъ пунктовъ. Расположеніе его, послѣ 13-го августа, было пригодно при наступательномъ образѣ дѣйствій; но такъ оставаться, послѣ полученныхъ нами подкрѣпленій, было для турокъ рискованно; они и сознали, послѣ дѣла 20 — 22-го сентября, что благоразумнѣе будетъ войти въ прежнія свои позиціи, которыя они занимали до 13-го августа; въ противномъ случаѣ, въ одно прекрасное утро, они могли убѣдиться, что русскіе, зайдя въ тылъ безъ боя заняли и Авліяръ, и Орлокъ, и Визинкѣй. Въ виду этого, 26-го сентября турки очистили тѣ позиціи, которыя стоили уже и имъ, и намъ не мало крови: Кизилтапа, Большая и Малая Ягны оставлены ими безъ выстрѣла.

Очутившись опять въ томъ положеніи, въ которомъ были до послышки подкрѣпленій въ эриванскій отрядъ и до несчастнаго дѣла 13-го августа, мы, по счастью, не теряли

времени. Кизилтапа и Большая Ягна были заняты немедленно, по пятамъ турокъ; въ то же время, достаточно сильная колонна генераль-лейтенанта Лазарева послана въ тылъ турецкаго расположенія. Численность нашихъ войскъ была та же, что и въ концѣ іюля; хотя отдѣльных частей было и больше, но потери отъ дѣлъ 6-го и 13-го августа, 20-го и 21-го сентября, простиравшіяся въ совокупности до 6,000 человѣкъ, не считая больныхъ, число которыхъ увеличилось къ осени,—вполнѣ уравнивали разницу. Условія мѣстности таковы, что зайти въ тылъ турецкаго расположенія можно было только кружнымъ путемъ. Аладжинскія возвышенности круто подходятъ къ самому берегу Арпачая; для арміи, имѣющей орудія и обозъ, этотъ берегъ непроходимъ. Поэтому, генералу Лазареву пришлось, прежде всего, переправиться на нашу сторону Арпачая, у Кигяча; затѣмъ пройти верстъ сорокъ на югъ и у Камбинскаго поста опять перебраться на турецкую сторону этой рѣки, протекающей, начиная отъ Кигяча, въ страшно крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ. 2-го октября, генераль Лазаревъ напалъ уже на турокъ на Базарджикскихъ высотахъ, въ тылу главнаго ихъ расположенія. Выбивъ непріятеля, обходный отрядъ на плечахъ бѣгущихъ турокъ занялъ Орловскія высоты. Путь отступленія арміи Мухтара-паши былъ отрѣзанъ. На другой день, 3-го октября, турки были атакованы съ фронта и тыла. Кавказскіе гренадеры, со стороны Большой Ягны, штурмомъ взяли Авліяръ; отрядъ генерала Лазарева пробился къ Визинкѣю. Остатки разбитаго лѣваго фланга турокъ отошли къ Карсу; совершенно разстроенный центръ ихъ обратился въ безпорядочное бѣгство къ Кагызману; отрѣзанное правое крыло вынуждено было сдаться. Нами взято въ плѣнъ семь пашей, изъ которыхъ Омаръ и Рашидъ были главными начальниками. Самъ Мухтаръ-паша спасся только благодаря случаю или своей предусмотрительности. Онъ не былъ во время сраженія 3-го октября и за три дня до катастрофы уѣхалъ за Саганлугъ. Ставка его находилась на спускѣ Аладжи, на правомъ флангѣ; сколько разъ случалось видѣть ее въ телескопъ, съ Караяла!

По ночамъ здѣсь всегда горѣлъ костеръ, что можно считать роскошью въ этой безлѣсной мѣстности. Тутъ, безъ сомнѣнія, группировались и другіе главные начальники турецкой арміи, почему и удалось ихъ захватить.

Послѣдствія побѣды 3-го октября очень важны. Хотя мы очутились, сравнительно, въ томъ положеніи, въ которомъ были послѣ взятія Ардагана, но, по крайней мѣрѣ, турецкая армія, угрожавшая и частью уже бывшая въ нашихъ предѣлахъ, далеко отброшена отъ границъ, мы по прежнему владѣемъ всѣмъ пространствомъ до Саганлугскаго хребта и волненія на Кавказѣ должны прекратиться. Можно пожалѣть только, что мы не могли воспользоваться вполне всѣми благоприятными послѣдствіями этой побѣды. Арміи Измаила-пашы удалось благополучно отойти къ Эрзеруму; карскій гарнизонъ цѣль и остатки арміи Мухтара даже спаслись за Саганлугъ, гдѣ и соединились съ Измаиломъ. Генераль Тергукасовъ, какъ видно, только черезъ два дня узналъ, что противъ него нѣтъ уже непріятеля, а отрядъ генерала Геймана, какъ видно, не имѣлъ возможности отрезать путь Измаилу. Позднее осеннее время, недостатокъ вьючнаго обоза, вѣроятно, были этому помѣхою.

